

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

**СЕРБО-ЛУЖИЦКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЕРБО-ЛУЖИЦКИЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1963

СОДЕРЖАНИЕ

С. Б. Бернштейн. Русское славяноведение о сербо-лужицких языках	5
Л. Э. Калнынь. О нижнелужицком вокализме	23
З. Тополинська (Польша). К вопросу об истории сербо-лужицких аффрикат	47
В. А. Дыбо. Об отражении древних количественных и интонационных отношений в верхнелужицком языке	54
М. И. Ермакова. Морфология и значение форм настоящего времени глагола в нижнелужицком языке	84
М. А. Михайлов. О форме винительного падежа имен существительных как составной части верхнелужицких сложных слов	107
З. Михалк (ГДР). Еще раз о <i>běrnju zběranje</i>	132
А. Е. Супрун. О согласовании сказуемого с подлежащим, включающим количественные числительные, в сербо-лужицких языках	138
О. Н. Трубачев. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков	154

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Л. Э. КАЛЫНЬ

Сербо-лужицкий лингвистический сборник

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства В. А. Ицкович. Технический редактор В. Г. Лаут.
Корректоры Ф. А. Дебабов и В. А. Боброев

РИСО АН СССР № 101-96В. Сдано в набор 23/1 1963 г.
Подписано к печати 16/V 1963 г. Формат 60×90₁₆. Печ. л. 10,75. Уч.-изд. л. 10,8.
Тираж 1000 экз. Изд. № 1253. Тип. зак. № 36. Цена 65 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 8 лин., 12.

С. Б. БЕРНШТЕЙН

РУССКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ О СЕРБО-ЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКАХ

По верхнему и среднему течению Спревы (древнее название реки Шпрее) живет коренное славянское население — потомки многочисленных славянских племен, населявших в прошлом Саксонию, Пруссию и некоторые соседние области. Славяне заселяют теперь Верхнюю Лужицу (Hornja Łužica) и Нижнюю Лужицу (Dolna Łužica). Обе эти области находятся на территории Германской Демократической Республики.

В прошлом местное славянское население подвергалось насильственной германизации, в результате чего большая его часть забыла родную речь. В настоящее время сербо-лужичане пользуются всеми политическими правами граждан ГДР и имеют полную возможность развивать свою национальную культуру. На родном языке дети обучаются в школе, издается много книг и газет, имеется национальный театр. Большое внимание уделяется изучению сербо-лужицких языков. В 1952 г. в Бауцене (Будышине) был организован «Институт сербо-лужицкого народо-ведения», деятельностью которого руководит Немецкая Академия наук в Берлине. Немецкие слависты в Берлине и Лейпциге совместно с сербо-лужицкими языковедами в Бауцене изучают историю сербо-лужицких языков, издают памятники письменности, собирают топонимический материал, исследуют народные говоры, работают над лингвистическим атласом.

Интерес к сербо-лужичанам и их языкам пробудился в России очень рано, еще на заре русского славяноведения, в самом начале XIX в. Уже тогда знали о славянах Саксонии и Пруссии и проявляли к ним живейший интерес. В качестве примера могу сослаться на А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова, которые совершили путешествие по славянским землям в 1804 г. «К самым ранним путешественникам в славянские земли...», — писал акад. И. В. Ягич, — нужно причислить знаменитого русского

историка Александра Тургенева (1784—1845) и его друга, рано скончавшегося (1812) Кайсарова»¹. В письмах к своим родителям, опубликованных акад. В. М. Истриным, Тургенов подробно пишет о посещении сербо-лужицких земель и о том большом впечатлении, которое оставило у него знакомство с местным славянским населением. В письме от 29 мая 1804 года из Праги Тургенев писал: «Для русского славянина они должны быть интереснее Италии; потому что там жил народ, для нас совершенно чуждый, здесь же все дышит славянизмом, здесь находим мы следы древних предков наших — и в потомках их... видим еще некоторые остатки древних славянских нравов и обычаев... Мы купили себе библию и некоторые другие вендские книги и будем стараться собирать библии на всех славянских диалектах»². Русские путешественники близко познакомились с одним из первых сербо-лужицких филологов, Д. Антоном, который еще в 1783 г. опубликовал в Лейпциге книгу «*Erste Linie eines Versuches über die alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse*». Об этом филологе акад. Истрин сообщает: «Он писал о верхнелужицком наречии, собирал материал для словаря и народные песни, находился в переписке с Добровским и побуждал его основать повременное издание, для которого предполагал название «*Slavia*»³. Д. Антон произвел на молодых русских ученых большое впечатление. В уже цитированном выше письме Тургенев писал: «Я никогда не забуду дружбы его; он обогатил мои сведения и показал новые источники»⁴.

С этого времени интерес к сербо-лужицанам и их языкам не прерывается. Различного рода сведения о сербо-лужицанах встречаются в петербургских и московских журналах. Живейшее участие к их судьбе проявил П. И. Кеппен, который в 1821—1824 гг. посетил некоторые славянские страны. Вот почему совершенно ошибочно утверждение М. И. Семиряги, что «первым русским исследователем, который фактически открыл лужичан не только для русской науки, но и для славистики в целом, был известный славист И. И. Срезневский»⁵. Ко времени первого знакомства Срезневского с сербо-лужицанами уже существовала значительная литература о сербо-лужицанах на различных языках. Знали об этом маленьком славянском народе и в России. Именно поэтому в план ученых путешествий в славянские земли молодых русских славистов О. М. Бодянского, П. И. Прейса и И. И. Срезневского было включено посещение сербо-лужичан и непременно знакомство с их языком.

¹ И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 165.

² «Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году». СПб., 1915, стр. 14—15.

³ Там же, стр. 105.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ М. И. Семиряга. Лужичане. М.—Л., 1955, стр. 4.

Из всех названных лиц наибольший интерес к сербо-лужицанам проявил И. И. Срезневский. Он провел среди них сентябрь и первую половину октября 1840 г. Еще до приезда к сербо-лужицанам Срезневский познакомился с существующими пособиями, а во время пребывания во Вроцлаве под руководством Маркуса изучал нижнелужицкий язык. «Он изучает нижнелужицкое наречие у Маркуса, переписывает для себя какую-то старую и редкую грамматику нижнелужицкого наречия и собрание нижнелужицких песен»⁶. В письмах к матери Срезневский подробно описывает свое пребывание у сербо-лужицан, рассказывает о своих занятиях языком, о встречах со Смолером и Гауптом, об их семьях, о быте местных славян, об их экономическом и политическом положении.

За короткий срок Срезневский успел сделать много. Он основательно познакомился с верхнелужицким языком, просмотрел много местных славянских рукописей, работал над этимологическим словарем верхнелужицкого языка, знакомился с местными древностями, даже пробовал сам заниматься археологическими раскопками. В письме от 1 октября 1840 г. он писал матери: «Мне бы хотелось пешком пройти по всем Лужицам, поближе познакомиться с этим народом, сохранившим в себе так много старинного и в языке, и в жизни. Сегодня я уже не говорил почти ни слова по-немецки; в Лужицах хочу говорить не иначе, как по-сербски»⁷. Срезневскому удалось познакомиться с жизнью и бытом сербо-лужицан из различных районов. Он много ходил пешком, делая иногда в день по 30 верст.

Из своего путешествия по славянским землям Срезневский привез много материалов. Однако, как хорошо известно, лишь немногими он воспользовался в дальнейшем. Большая их часть так и осталась в архиве ученого, где они хранятся до сих пор. Не представляют исключения и его сербо-лужицкие материалы. Вскоре по возвращении в Харьков Срезневский написал для «Журнала Министерства народного просвещения» компилятивную статью «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы», в которой не использовал собственных материалов: Надо думать, что Срезневский предполагал в дальнейшем дать ряд специальных публикаций, а статья «Исторический очерк сербо-лужицкой литературы» являлась как бы введением, ориентирующим русского читателя в истории сербо-лужицан и в истории сербо-лужицкой письменности. Но переезд Срезневского в Петербург в конце 1846 г. вызвал «резкий поворот в целом направлении его деятельности»⁸. Он оставил свои занятия зарубежными славянскими

⁶ В. А. Францев. И. И. Срезневский и славянство. — «Памяти И. И. Срезневского», кн. I. Пг., 1916, стр. 121.

⁷ «Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель» (1839—1842). СПб., 1895, стр. 150.

⁸ И. В. Ягич. Указ. соч., стр. 467.

языками, направив все силы на изучение древнеславянской письменности и древнерусского языка. Так и остался незавершенным «Этимологический словарь верхне-лужицкого языка», над которым Срезневский начал работать еще под руководством Смолера. Остались необработанными в архиве и другие сербо-лужицкие материалы. Было сделано исключение лишь для сербо-лужицких пословиц, которые Срезневский позже опубликовал в «Известиях Отделения русского языка и словесности АН».

Насколько глубоким и резким был поворот в научной деятельности Срезневского в Петербурге, свидетельствует тот факт, что здесь он не воспитал ни одного слависта. Все ученики Срезневского работали над древнерусскими текстами. Исключение представляет лишь И. А. Бодуэн де Куртене, который, однако, начал работать под руководством Срезневского уже сформировавшимся ученым, после окончания Главной школы в Варшаве и после годичной командировки за границу, где он слушал лекции Шлейхера и других известных ученых.

Не прошел мимо сербо-лужицких языков и О. М. Бодянский. Во время длительного заграничного путешествия по славянским землям он изучал и эти языки, знакомился с памятниками сербо-лужицкой письменности, интересовался судьбами сербо-лужичан и их возрождением. В 1843 г. Бодянский писал отцу о тех славянских языках, которые он изучал за границей. Среди них он указал «сербо-лужицкий верхний» и «сербо-лужицкий нижний»⁹. Однако сам Бодянский не оставил трудов в данной области славянского языкознания. По его совету в этой области начал работать один из первых его учеников, Е. П. Новиков.

В письме Бодянскому от 18 сентября 1844 г. П. Шафарик сообщил, что вышли из печати два тома народных сербо-лужицких песен, подготовленные к печати Гауптом и Смолером. Шафарик писал, что это издание важно «для каждого ученого славянина, желающего изучить лужицкий язык и народную поэзию»¹⁰. В этом же письме Шафарик сообщил о том, что Иордан в Лейпциге готовит лужицко-немецкий словарь. Надо думать, что именно это сообщение Шафарика и натолкнуло Бодянского на мысль поручить одному из своих учеников написать исследование о языке сербо-лужичан на основе народных песен, изданных Гауптом и Смолером. Выбор его пал на Новикова. Новиков посвятил сербо-лужицким языкам магистерскую диссертацию, которая была опубликована типографией Московского университета в 1849 г. под названием «О важнейших особенностях лужицких наречий».

⁹ Н. А. Кондрашов. Осип Максимович Бодянский. М., 1956, стр. 25.

¹⁰ «Письма П. И. Шафарика к О. М. Бодянскому» (1838—1857). М., 1895, стр. 56, русский перевод стр. 165.

Е. П. Новиков не располагал собственным материалом. Его исследование выполнено главным образом на основе изучения языка сербо-лужицких песен, опубликованных Гауптом и Смолером. «Изложивши мнения ученых о месте, занимаемом лужицкою речью в ряду прочих славянских, — писал Новиков, — перехожу к обозрению важнейших особенностей верхне- и нижнелужицкого наречий. Обозрение это, в связи с историческими доводами, послужит к точнейшему решению вопроса. По недостатку каких-либо значительных памятников лужицкого наречия и по совершенному отсутствию литературы главным источником остаются народные песни, в которых, по замечанию Смолера, язык сохранился в наибольшей чистоте. Во всяком случае, оставляя без внимания различия обоих наречий, буду рассматривать их в совокупности одной общей лужицкой речи, потому что в каждом отдельном наречии сохранились весьма важные особенности, которых не замечаем в другом»¹¹.

Таким образом, автор не характеризует диалектных различий сербо-лужицких языков, а стремится дать их общие особенности, отличающие эти языки от родственных славянских языков. В то время иной задачи он и не мог поставить.

Основным объектом исследования Е. П. Новикова является морфология. О фонетических особенностях сказано несколько общих слов. Автор не слышал живой лужицкой речи, в своих суждениях опирался на текст песен, записанных, конечно, по правилам тогдашней орфографии. Поэтому в его замечаниях о фонетической природе сербо-лужицких языков было много ошибочного.

Завершается диссертация небольшой главой, посвященной некоторым синтаксическим особенностям. Здесь автор специально останавливается на вопросе, который позже привлекал внимание многих исследователей (Пфуля, Г. Либша, Э. Муки, В. Топорова). Речь идет об употреблении в сербо-лужицких языках беспредложного локатива. Исследователей этого явления интересовала прежде всего хронология. Сам Новиков ограничился лишь простым сопоставлением сербо-лужицкого беспредложного локатива со старославянским и древнерусским. Пфуль решительно утверждал, что сербо-лужицкий беспредложный локатив — наследие праславянского. Иное решение предложено недавно В. Топоровым¹².

Сделав ценное наблюдение о беспредложном локативе, Новиков, однако, пришел к ошибочному общему заключению, что в сербо-лужицких языках вообще наблюдается ослабление употребления предлогов и при других падежах. «Мы видим замечательный

¹¹ Е. Новиков. О важнейших особенностях лужицких наречий. М., 1849, стр. 10.

¹² В. Н. Топоров. Локатив в славянских языках. М., 1961, стр. 134—136.

пример выпуска предлога и при творительном»¹³. В доказательство приводится *sobi* (вм. *z sobi*). Здесь мы имеем дело, конечно, с фонетическим явлением. Употребление творительного падежа в сербо-лужицких языках замечательно именно тем, что в них отсутствует творительный беспредложный. Не только в комитативном значении, но и в инструментальном и в других значениях сербо-лужичане всегда употребляют предложный творительный падеж. Сам же Новиков приводит примеры творительного предложного даже в предикативной функции: ср. *Won budže z kralom* 'он будет царем'. Это дало основание Л. В. Щербе в исследовании «Востоchnолужицкое наречие» (Пг., 1915) предложным падежом назвать творительный, а за старым локативом сохранить наименование «местный падеж». Такое терминологическое новшество Щербы неодобрительно было встречено А. А. Шахматовым.

Новиков обращает еще внимание на употребление кратких личных местоимений в дательном падеже в значении притяжательных местоимений (ср. аналогичное синтаксическое явление в южнославянских языках), на широкое распространение родительного при отрицании, на употребление притяжательных прилагательных и на ряд других синтаксических явлений. В самом конце диссертации автор сообщает некоторые сведения о лексическом составе. Он обращает внимание на ряд сербо-лужицких слов, которых, по его утверждению, нет в чешском и польском, но которые были известны старославянскому и древнерусскому языкам.

Как было уже сказано выше, наиболее подробно в диссертации описана морфология. Нет ничего удивительного в том, что Новиков начал свое грамматическое описание с двойственного числа, сохранение которого — отличительная черта сербо-лужицкой морфологии. Автор обстоятельно характеризует именное склонение, приводя богатый и разнообразный материал из обоих языков, из родственных западнославянских языков, из старославянского и древнерусского языка. Именному склонению посвящена значительная часть диссертации. Переходя к описанию глагола, автор замечает: «В спряжениях лужицкий язык изумительным богатством и разнообразием древних форм почти равняется древнейшей эпохе церковно-славянской письменности, и далеко оставляет за собою все соплеменные наречия, в их настоящем составе»¹⁴. К такому заключению Новиков мог прийти только потому, что он имел, конечно, слабое представление о современных ему южнославянских языках (прежде всего о языке болгарском). Глагольные формы описаны менее тщательно, нежели именные. Недостаток сербо-лужицкого материала автор

¹³ Е. Новиков. О важнейших особенностях лужицких наречий, стр. 122.

¹⁴ Е. Новиков. Указ. соч., стр. 91.

стремится компенсировать широким привлечением фактов из родственных языков, что, однако, обычно лишь затемняет картину. Однако у читателя все же остается общее представление о сербо-лужицком глаголе. В своей книге автор прошел мимо местоимения, прилагательного и других частей речи.

Диссертация Е. П. Новикова явилась важным событием в истории изучения сербо-лужицких языков. В середине XIX в. она была важнейшим источником сведений об этих языках. И вместе с тем ее встретили в ученом мире холодно, а были и резко отрицательные отзывы о труде молодого московского слависта. Это было вызвано не самим описанием фактов сербо-лужицких языков — оно выполнено на уровне языкознания первой половины XIX в. Отрицательное отношение к исследованию было вызвано ложной общей теорией происхождения сербо-лужицких языков, которая в положениях к диссертации формулировалась автором следующим образом:

1. Лужицкий язык в обоих наречиях, его слагающих, составляет переход от западной отрасли славянских наречий, языков чешского и польского, к отрасли собственно восточной, языку русскому в его наречиях.

2. Два признака системы Добровского, принятые Шафариком в Народопись как отличительные признаки западной ветви, не выдерживаются строго в лужицких наречиях, а ставят их чем-то посредствующим между речью ляшско-чешскою, с одной стороны, речью русскою, с другой.

3. Взаимное отношение лужицких наречий, значительно отдаленных одно от другого, гораздо точнее определяется приблизительным сходством верхне-лужицкого к великорусскому, нижне-лужицкого к белорусскому, нежели близостью первого к чешскому (от которого оба значительно разнятся), а второго к польскому (к которому оба значительно близки).

4. Особенное, и самое доказательное, сходство наречия верхне-лужицкого с великорусским — в йотацизме (смягчении согласных) и в вокализации (гласности)...

5. В обоих лужицких наречиях доньше находятся в полном употреблении отдельные слова, которые либо вовсе чужды соплеменным наречиям, польскому и чешскому, либо вышли в оных из употребления, — а напротив, составляют особенность русского и церковно-славянского.

Ни одного из этих положений автор диссертации доказать убедительно не смог. Особенно слабой его аргументация была в области фонетики. А автор именно этой аргументации придавал большое значение. Все его рассуждения о категории мягкости согласных, о сходстве русских и сербо-лужицких процессов в области вокализма были очень шаткими и неубедительными, а часто и очевидно ошибочными. Это хорошо видели современники Новикова, отрицательно оценившие все его соображения

относительно генетических связей сербо-лужицких языков с восточнославянскими¹⁵.

Новиков не мог не обратить внимания на архаичность структуры сербо-лужицких языков. Объяснял он это отсутствием древней письменной традицией, «совершенным отсутствием литературного развития»¹⁶. И это толкование нельзя было принять. Оно, очевидно, противоречило многочисленным фактам из области истории различных славянских языков.

Несмотря на многие существенные недостатки общей теории Новикова, его диссертацию следует признать ценным вкладом в изучение сербо-лужицких языков, в славянское языкознание вообще. Чешский славист А. Фринта в своей книге «*Lužičtí Srbové a jejich písemnictví*» (Прага, 1955) дал детальный историографический очерк изучения сербо-лужицких языков. В ней, однако, не нашлось места для диссертации Новикова. Этот промах чешского лингвиста следует исправить.

Дальнейшая деятельность Е. П. Новикова сложилась необычно для деятеля русской науки. Он перешел на дипломатическую службу. В течение многих лет Новиков был русским послом в Константинополе и Вене.

В истории изучения сербо-лужицких языков в России некоторый след оставил и другой ученик проф. О. М. Бодянского, А. Ф. Гильфердинг. В отличие от Новикова Гильфердинг не написал специального исследования в данной области славянского языкознания. Однако он посетил в 1855 г. сербо-лужицкие области и имел возможность произвести наблюдения над живой речью. В известной статье «Народное возрождение сербов-лужичан в Саксонии» Гильфердинг писал: «Хотелось мне прислушаться к речи сербов-лужичан, сохранивших, в удивительной полноте, самые древние грамматические формы языка славянского и не менее богатых также первоначальными коренными словами, особенно для выражения предметов и действий внешних»¹⁷. Однако в статье находим в основном различные сведения из истории возрождения этого маленького славянского народа. Что касается чисто языковых данных, то их мало и они далеко

¹⁵ В данном случае интересно напомнить, что и Срезневский высказывал мысль об особой близости сербо-лужицких языков к русскому. В письме к матери от 26 сентября 1840 г. из Бауцена Срезневский писал: «Сербы умный, добрый народ, не бедны, довольно образованы — по крайней мере все умеют читать, и между тем сохранили много старых обычаев, обрядов, даже суеверий. Язык, занимающий средину между польским и великорусским, очень приятен...» («Путевые письма...», стр. 148). В статье «Исторический путь сербо-лужицкой литературы» Срезневский эту же мысль высказал менее категорично: «По выговору звуков (сербо-лужицкий язык. — С. Б.) занимает средину между наречиями русским, польским и чешским» (ЖМНП, часть 43. СПб., 1844, стр. 35).

¹⁶ Е. Новиков. О важнейших особенностях лужицких наречий, стр. 43.

¹⁷ А. Гильфердинг. Собр. соч., т. II. СПб., 1868, стр. 20.

не всегда надежны. Надо думать, что для проведения чисто языковых наблюдений Гильфердинг не располагал достаточным временем. «В заключение настоящей статьи, — писал Гильфердинг, — считаю не лишним остановиться несколько на языке лужичан»¹⁸. Затем он сообщает некоторые краткие сведения о верхнелужицком языке, которые, по мысли автора, должны облегчить русскому читателю знакомство с двумя верхнелужицкими песнями, публикацией которых и завершается данная статья¹⁹.

Интересовался сербо-лужицкими языками еще один ученик Бодянского — А. А. Кочубинский. Во время одной из своих многочисленных заграничных поездок в славянские страны, летом 1875 г., А. А. Кочубинский, после пребывания в Праге, по дороге в Берлин, посетил Будышин, где в течение трех недель занимался сербо-лужицкими языками и собирал материал по топонимике²⁰. Специальных исследований по сербо-лужицким языкам Кочубинский не оставил, однако в различных его исследованиях можно найти сербо-лужицкие примеры (главным образом из верхнелужицкого языка).

Занимался сербо-лужицкими языками и П. И. Прейс, основные научные интересы которого были, однако, связаны с изучением языка поморских славян (кашубов). Во время пребывания в Лейпциге в 1840 г. Прейс изучал верхне-лужицкий язык. Он писал: «Здесь я нашел рукописный словарь Верхне-Лужицкого наречия и — разумеется — проглотил его целиком». Вернувшись после длительной заграничной командировки в декабре 1842 г., Прейс приступил к чтению лекций в Петербургском университете. Им была составлена обширная программа, которая включала также историю и язык лужицких сербов. Во втором отделе программы читаем: «Историческое рассмотрение каждого из важных народов славянских: болгар, сербов с хорватами, хорутан, чехов со словаками, поляков с балтийскими и лужицкими славянами — в отношении к судьбам политическим, языку и литературе». Сведения о сербо-лужицких языках Прейс сообщал в общем курсе польского языка.

В 1865 г. вышел первым изданием знаменитый «Обзор истории славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Последнему в книге принадлежит раздел о польской литературе. «Обзор» содержит краткие исторические очерки всех славянских литератур. Нас в данном случае интересует раздел о литературе сербо-лужичан, включавший ценные сведения не только об этой

¹⁸ А. Гильфердинг. Собр. соч., т. II, стр. 45.

¹⁹ Обе песни напечатаны русскими буквами и снабжены переводом на русский язык.

²⁰ Б. М. Лядунов. А. А. Кочубинский и его труды по славянской филологии. — «Сборник в память А. А. Кочубинского». Одесса, 1909, стр. 12.

молодой литературе, но и о языках. Автор сообщает о первых памятниках письменности на сербо-лужицких языках, о первых исследователях этих языков (Бранцель, Маттеи, Шмуд, Фабриций и др.), об истории литературных языков в XVIII—XIX вв. Очерк содержит основные сведения из истории сербо-лужицкого возрождения первой половины XIX в. и написан с большим сочувствием к судьбе самого маленького славянского народа. «Обзор истории славянских литератур» способствовал распространению основных сведений о сербо-лужичанах и их языках среди широких кругов русской интеллигенции.

В 1874 г. А. Петров на польском языке опубликовал статью о нижнелужицкой фонетике, которая, однако, не оказала заметного влияния на дальнейшее изучение этого языка ни в Польше, ни в России²¹.

С середины XIX в. сербо-лужицкие языки начинают занимать относительно важное место в университетском преподавании. Если прежде университетские преподаватели ограничивались краткими и случайными сведениями об этих языках, то теперь в общем цикле славяноведческих дисциплин эти языки занимают самостоятельное место. Это можно показать на примере лекций В. И. Григоровича.

В. И. Григорович ежегодно читал для студентов III курса Казанского университета сравнительную грамматику славянских языков под названием «Славянские наречия». Этот курс содержал краткую характеристику отдельных славянских языков, которая сопровождалась чтением текстов. В курсе всегда давалась характеристика сербо-лужицких языков. Вот что писал один из казанских учеников Григоровича: «Григорович начал читать свои лекции по славянским наречиям третьему курсу славянского факультета. Он ознакомил нас с этнографией и весьма кратко — с историей славянских народов, и потом изложил в главных чертах особенности языков чешского, сербского, болгарского, лужицкого и хорватского. Для переводов он выбирал статьи и отрывки преимущественно из народной поэзии»²².

В 1865 г. в Одессе был открыт университет, получивший наименование Новороссийского. Кафедру славяноведения занял В. И. Григорович. Уже в первом учебном году (1865—1866) он прочитал общий курс «Славянские наречия». Этот курс в 1884 г., уже после смерти Григоровича, опубликовал его одесский ученик А. И. Смирнов. Здесь мы находим общее введение и отдельные очерки славянских языков. Примечательно, что очерк о сербо-лужицких языках по своему объему не уступает,

²¹ «Głosownia Dolnołużyckiego języka». — «Sprawozdania Wydz. filolog. Akademii umiętnej w Krakowie», t. III, 1874.

²² Цит. по статье: И. И. Срезневский. На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе. — «Записки Импер. Академии Наук», т. XXXI, стр. 102.

например, обзору, посвященному болгарскому или сербскому языкам (стр. 123—140). Главное внимание уделено морфологии.

Охарактеризовано склонение, даны парадигмы склонения, краткие сведения о прилагательных, местоимениях и числительных. Сообщаются подробные сведения о глагольных флексиях. В заключение опубликовано несколько народных песен.

С 1883 г. начал выходить под редакцией Р. Ф. Брандта русский перевод сравнительной морфологии славянских языков Ф. Миклошича («Vergleichende Wortbildungslehre der slavischen Sprachen»). Wien, 1876). В 1889 г. вышел выпуск, посвященный сербо-лужицким языкам.

В конце XIX в. профессор Киевского университета Т. Д. Флоринский опубликовал в двух томах лекции по славянскому языкознанию²³. При всех своих недостатках (акад. И. В. Ягич писал, что «сочинение Флоринского не имеет значения самостоятельного научного труда») лекции киевского слависта сыграли большую роль в университетском преподавании славянских языков, в ознакомлении с этими языками широких кругов учителя. Лекции Флоринского содержали обширную библиографию.

Сербо-лужицким языкам было отведено много места во втором томе (свыше ста страниц книги большого формата). Впервые на русском языке было дано подробное и систематизированное описание сербо-лужицких языков: введение, историографический очерк, библиография, описательная и историческая фонетика, морфология, тексты. Флоринский учел все имеющиеся к тому времени труды по сербо-лужицким языкам и дал вполне надежную и добросовестную компиляцию. «С благодарностью надлежит отметить отдел «Сербо-лужицкий язык» во II томе Лекций Т. Д. Флоринского», — писал акад. А. А. Шахматов²⁴. Проф. Р. Ф. Брандт посвятил лекциям Флоринского две обстоятельные рецензии. В отношении сербо-лужицких языков московский славист мог предложить несколько поправок и дополнений лишь частного характера.

Значительным вкладом в сербо-лужицкое языкознание явилась докторская диссертация Л. В. Щербы «Востоchnолужицкое наречие» (т. I, с приложением текстов), опубликованная в Петрограде в 1915 г. Интерес к данной теме определялся общетеоретическими замыслами и идеями Щербы, который всегда уделял большое внимание проблемам языковых взаимодействий. Сам автор исследования не был славистом, а работал главным образом в области экспериментальной фонетики. К сербо-лужицкому

²³ Т. Д. Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию. Часть первая. Введение. Юго-западные славянские языки: болгарский, сербо-хорватский и словинский. Киев, 1895. Часть вторая. Северо-западные славянские языки: чешский, словацкий, польский, кашубский, сербо-лужицкий и полабский. Киев, 1897.

²⁴ ИОРЯС, т. XXI, кн. 2, 1916, стр. 237.

языку Л. В. Щерба обратился по совету И. А. Бодуэна де Куртене, который всегда интересовался вопросами смешения языков²⁵. Сам Щерба об этом пишет следующее: «Настоящее исследование имеет длинную историю, будучи задумано еще в 1907 г., когда И. А. Бодуэн де Куртене в письмах предлагал мне заняться изучением влияния одного языка на другой и указывал, между прочим, на лужицкие наречия как на подходящие для этого объекты»²⁶. По совету проф. Э. Муки Щерба решил заняться изучением мужаковского говора. С этой целью он провел в районе Мужакова лето 1907 и 1908 гг., а затем имел возможность еще раз сделать кратковременную поездку летом 1913 г. Щерба хорошо освоился с мужаковским говором. По его словам, он не знал литературных сербо-лужицких языков, не знал других говоров этих языков. «Так как на первом плане у меня всегда были общелингвистические интересы, то я решил изучить данный говор без всякой предварительной подготовки, чтобы застраховать себя от каких-либо предвзятых мыслей и чтобы не навязывать изучаемому языку никаких категорий, которые бы не были ему в действительности свойственны. Своей цели я в значительной мере достиг, так как вполне усвоил мужаковский говор, не зная ни полслова на других диалектах и почти не умея читать по-лужицки»²⁷.

Исследование Щербы состоит из обширного введения, четырех частей и текстов. Первая часть, посвященная фонологии, — одно из первых фонологических описаний славянского говора вообще. И в настоящее время можно указать очень мало славянских диалектологических описаний фонологического характера. Конечно, фонология Щербы не отражает современного состояния науки. Но это не умаляет заслуг автора в истории славянской диалектологии. Будучи крупным специалистом в области экспериментальной фонетики, Щерба дал в этом отделе и всестороннее фонетическое описание звуков мужаковского говора. Уже здесь, в описании мужаковского говора, обнаружилось стремление ученого быть не только пассивным наблюдателем, но и активным экспериментатором. Значительно позже о необходимости эксперимента при языковых наблюдениях Л. В. Щерба писал в своей знаменитой статье «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931). Первая часть «Востоchnолужицкого наречия» входит в список тех сравнительно немногих исследований дореволюционной поры, которые непременно должны быть изучены молодыми лингвистами и в настоящее время.

²⁵ См., например, И. А. Бодуэн де Куртене. О смешанном характере всех языков. — ЖМНЦ, часть 337, 1901.

²⁶ Л. В. Щерба. Востоchnолужицкое наречие, т. I (с приложением текстов). Пг. 1915, стр. XVII.

²⁷ Там же.

Вторая часть озаглавлена «О словах». Здесь мы находим словообразование и морфологию. И эта часть представляет большой теоретический интерес. Описание отдельных явлений мужаковского говора часто дает основание автору высказываться о природе многих грамматических категорий. Очень ценными и важными, например, представляются мне соображения Щербы о глагольной префиксации.

Третья часть посвящена синтаксису и называется «О сочетаниях слов». Сам автор так оценивает эту часть книги: «Часть эта у меня очень бедная, так как в эпоху собирания материала я еще очень мало задумывался над синтаксическими (в самом тесном смысле слова) вопросами. Да надо сказать, что они и плохо разработаны в научной литературе»²⁸. Здесь речь идет о выражении сказуемого, о порядке слов, о выражении принадлежности и некоторых других синтаксических явлениях.

Четвертая часть диссертации, озаглавленная «Список слов и морфем», отсутствует в книге. Здесь автор отсылает читателя ко второму тому труда, который, как известно, не был опубликован.

Особое место в исследовании акад. Щербы занимает пятая часть, названная автором «Объяснительная». Она состоит из шести самостоятельных глав: историко-сравнительное объяснение мужаковского вокализма, историко-сравнительное объяснение мужаковского консонантизма, об «ударении», историко-сравнительные объяснения некоторых морфологических фактов, о взаимоотношении лужицких говоров, о влиянии немецкого языка. Эта часть диссертации оказалась самой спорной и, конечно, самой трудной для автора. Для решения поставленных здесь задач нужно было владеть сравнительно-историческим методом. Данная часть свидетельствует, что в те годы Щерба был далек от исторического языкознания. Это очень убедительно показал акад. Шахматов, посвятивший «Востоколужицкому наречию» специальную статью «Заметки по истории звуков лужицких языков» (ИОРЯС, XXI, кн. 2, 1916).

В рецензии Шахматова мы не найдем всесторонней и вполне объективной оценки диссертации Щербы. Это вполне естественно, так как Шахматов и Щерба принадлежали к различным лингвистическим направлениям дореволюционной России. Конечно, Щерба имел в виду ученых типа Шахматова, когда писал: «Поэтому пусть не перевертывается сердце слависта, когда я исторически разные явления отношу в одну рубрику и разделяю то, что он привык видеть вместе»²⁹. Написанная в очень доброжелательном тоне рецензия Шахматова, однако, не показывает значительных и несомненных достоинств труда Щербы.

²⁸ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 143.

²⁹ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. XIX.

Анализируя первую главу, Шахматов касается отдельных частей и проходит мимо важнейших принципиальных вопросов методологии, которые во весь рост здесь были поставлены Щербой. Это прежде всего — последовательное разграничение синхронического и диахронического изучения языка, что так всегда волновало И. А. Бодуэна де Куртене и его учеников и что оставляло всегда равнодушным Ф. Ф. Fortunatova и представителей его школы. Естественно, что Шахматов главное внимание обратил на пятую часть исследования, которая была ему близка по своим задачам. Не случайно и рецензию он назвал «Заметки по истории звуков лужицких языков».

Критические замечания рецензента, касающиеся первых частей исследования Щербы, в большинстве случаев не представляются убедительными. Так, он требует от автора, чтобы описание морфологии говора носило историко-сравнительный характер. По словам рецензента, мы здесь «имеем перед собой простое описание фактов»³⁰. Как мы уже видели, для Щербы «простое описание фактов» было предметом высокой науки. Но положение резко меняется, когда Шахматов переходит к анализу пятой части. Он убедительно показывает несостоятельность методологических принципов, положенных в основу этой части.

Все историко-сравнительные экскурсы Л. В. Щербы состоят в том, что факты одного сербо-лужицкого говора он непосредственно сопоставляет с праславянскими и делает отсюда различные выводы об их историческом развитии. Об этом он сам пишет так: «Так как мне не приходится прокладывать новых путей, то я смогу гораздо проще и скорее сказать все нужное, если буду отправляться от условного праславянского состояния»³¹. Эти положения автора дали основание Шахматову для серьезной и очень убедительной критики. «Не знаю, — писал Шахматов, — зачем автору понадобилось проще и скорее изложить то, что в сущности должно было составить главный предмет его труда; но на самом деле автор избрал путь весьма далекий и сложный; мужаковский говор никто не согласится вывести непосредственно из общеславянского праязыка; следовательно, отправляясь от праславянского состояния, автор неминуемо должен был бы остановиться и на промежуточных состояниях, из которых одно, во всяком случае, может быть определено как пралужицкое или общелужицкое, а другое, еще старшее, предположительно как общезападнославянское. Но автор упростил этот путь и, допуская, как мне кажется, методологическую ошибку, вывел мужаковские звуки непосредственно из прасла-

³⁰ А. А. Шахматов. Заметки по истории звуков лужицких языков. Пг., 1917, стр. 249.

³¹ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 152.

вянских... Автор не познакомил нас с доводами, позволяющими связать мужаковское наречие с праславянским языком непосредственно... Его приемы не дают возможности объяснить мужаковскую фонетику; исходя от праславянского состояния, автор, естественно, оставляет вне своего изложения целый ряд звуков, развивавшихся из исконных славянских звуков не непосредственно, а путем сложных явлений не только физического, но и психического характера»³². В дальнейшем Шахматов на многих примерах показывает неосновательность методологических принципов автора.

Шахматов убедительно вскрыл архаичность методологических приемов Щербы при изучении истории языка, отсутствие интереса к проблемам соотносительной хронологии. Хорошо показаны промахи автора в пятой главе пятой части, где речь идет о «взаимоотношении лужицких говоров». Исходя из ошибочных методологических посылок, Щерба пришел к совершенно неожиданному выводу о том, что мужаковский говор очень мало связан с другими сербо-лужицкими говорами. «Это заявление поражает читателя своей неожиданностью, — пишет Шахматов, — мужаковский говор насквозь лужицкий; и фонетика, и морфология, и синтаксис его, и словарный материал представляют такие разительные черты сходства и тождества с другими лужицкими говорами, что противоположное сделанному автором заявление положительно не нуждалось бы в доказательствах»³³.

Однако Л. В. Щерба решительно отрицает наличие общелужицких черт и на этом основании склонен различия между верхнелужицким, нижнелужицким и восточнолужицким (мужаковским) языками возводить к праславянской эпохе. В доказательство приводится то соображение, что многие так называемые общелужицкие черты известны в той или иной степени другим славянским языкам. «В самом деле, — пишет Щерба, — нельзя считать за признак «лужицкого единства» смягчение согласных перед *e*, *ь*, переход *e* в *o* и т. д. Это развитие общеславянского наследства, которое находим и в польском и в русском, нельзя, конечно, считать за признак единства и сохранение старины»³⁴. Шахматов хорошо обнаруживает неосновательность этих соображений Щербы: «Мне кажется, что автор неправ по существу: новшество, общих всем лужицким говорам, можно насчитать не один десяток; но он неправ и методологически. Из того, что *e* переходит в *o* не только в лужицких языках, но также в польском и русском, не следует, чтобы это звуковое явление не было общелужицким по происхождению. Так, условия перехода *e* в *o* в лужицком иные, чем в польском и

³² А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 254.

³³ Там же, стр. 263.

³⁴ Л. В. Щерба. Указ. соч., т. I, стр. 190.

чем в русском; польский язык, например, не знает *o* вместо *e* перед губными и задненебными, — в лужицком мы находим *šor*, *mloko* и т. п.; в русском языке находим *o* в словах *лѣн*, *нѣс*, *нѣс*; в лужицком они звучат *lin*, *pis*, *nis*. Из того, что в верхнелужицком и мужаковском *ε* в начальном слоге переходит в *a* (*pjać*, *řad*), заключаем, что это явление сближает оба говора, — и это несмотря на то, что *ε* переходит в *a* также и в чешском, и в русском. Не вижу вообще основания ослаблять доказательную силу тех новшеств в том или другом языке, которые повторяются в других ближайших языках. Русские языки восходят, несомненно, к одному общему праязыку: но их сближают между собой не только такие новшества, которым нет соответствия в других славянских языках (например, полногласные), но также и такие, которые имеются и в других родственных языках (например, переход *o* в *u*, несмотря на то, что такое же явление свойственно лужицким, чешско-словацкому и сербскохорватскому языкам, или переход *tj* в *č*, несмотря на то, что *tj* переходит в *č* также в словенском и т. д.)³⁵ Шахматов показывает, что все классификационные признаки должны интерпретироваться исторически, а не изолировано от системы языка и его прошлого.

Шахматов, однако, не ограничился критикой ошибочной концепции Щербы. Он предложил свое решение вопроса о сербо-лужицком языковом единстве. Он установил 29 фонетических признаков, которые, по его мнению, характеризовали общелужицкий праязык. Среди них: *ъ* в сильном положении в начальном слоге перешел в лабиализованный звук среднего ряда *ó*, откуда в нижнелужицком и мужаковском обычно *é* (нелабиализованный звук среднего ряда), а в верхнелужицком *o*; *ъ* и *ь* в сильном положении в неначальных слогах утратились; звук *e* в открытом слоге перед твердой согласной перешел в *o*; звук *o* перешел в *u*; звук *ε* в середине слова перешел в *ā* и др.³⁶

Большую ценность представляют многочисленные тексты, опубликованные Щербой. Записанные опытным фонетистом, они дают полное представление о мужаковском говоре. Новшеством в славянской диалектологии того времени явились тексты, характеризующие свободную беседу, разговор, диалог. Обычно диалектолог записывал текст песен, иногда сказок, в лучшем случае рассказ об обрядах. В «Предварительных замечаниях» к изданию текстов Щерба писал: «Давно известно, что показательными для данного состояния языка могут быть только прозаические тексты, и то лишь в том случае, если они являются

³⁵ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 263—264.

³⁶ Полный перечень признаков см. А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 266—268. Критические замечания о соображениях Шахматова сделал Карл Мейер (см. «Festschrift für W. Streitberg». Heidelberg, 1924).

по форме свободным творчеством лиц, от которых записаны»³⁷. Отсюда специальный интерес Щербы к диалогу, так как «в диалоге куются новые слова, формы и обороты; к диалогу прежде всего приложимо все то, что говорится о действии разных психологических и физиологических факторов, изменяющих язык, и человек, желающий изучать эти факторы, и должен обращаться к этой форме проявления языка»³⁸. В своей диалектологической работе я много раз убеждался в истинности этих слов акад. Щербы. Идеальным для диалектолога условием является возможность записывать свободную беседу двух информаторов, в которой сам диалектолог не принимает участия.

Представители русского славяноведения оказывали большую помощь сербо-лужицким филологам, изучавшим родной язык и родную словесность. Крупнейшие деятели сербо-лужицкого возрождения Смолер и Горник были тесно связаны с русскими славистами, с Академией наук. Выдающийся сербо-лужицкий языковед Эрнст Мука (1854—1932) опубликовал ряд работ на русском языке. Из них наибольший интерес представляет ценный очерк «Литература лужицких сербов с 1548—1899 гг.» («Славянские известия», 1906, № 1). В 1910 г. Мука завершил составление большого нижнелужицкого словаря. По инициативе акад. Шахматова этот капитальный словарь начала публиковать наша Академия наук. Первый том, до слова *Narski*, вышел из печати в Петрограде в 1921 г. — «*Ślownik dolnoserbskeje rěcy*». Все значения слов в словаре даны на немецком и русском языках. «Словарь Муки, — писал акад. Б. М. Ляпунов, — представляет колоссальный труд, крупнейший вклад в изучение славянских языков»³⁹. Завершена была публикация всего словаря в Чехословакии, уже в 1928 г.

Наиболее крупная публикация о сербо-лужицких языках в советский период принадлежит А. М. Селищеву. Это сербо-лужицкий отдел в его сводном труде «Славянское языкознание. Западнославянские языки» (т. I. М., 1941, стр. 219—268). В соответствии с общим планом всей книги здесь мы найдем введение, историческую фонетику, историческую морфологию, диалектологию, тексты и словари к ним. Дана подробная библиография. Труд Селищева может служить надежным пособием для элементарного изучения истории сербо-лужицких языков. К сожалению, полностью отсутствуют сведения из области синтаксиса.

³⁷ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, т. I, стр. 3 (Приложение).

³⁸ Там же, стр. 4 (Приложение).

³⁹ Б. М. Ляпунов. Д-р Карл Мука. — Тр. Ин-та славяноведения АН СССР, II. Л., 1934, стр. 269.

Не прошел мимо сербо-лужицких языков и Г. А. Ильинский. Еще в марте 1902 г. Ильинский посетил Будышин, где имел возможность познакомиться непосредственно с верхнелужицким языком⁴⁰. Материал сербо-лужицких языков можно встретить во многих исследованиях Ильинского, посвященных сравнительной грамматике славянских языков или этимологии. Однако перу этого ученого принадлежат и специальные публикации об этих языках (например, «Сербо-лужицкое *strowy* «здоровый». — «*Slavia Occidentalis*», t. IX, 1930).

Среди многочисленных акцентологических исследований Л. А. Булаховского можно указать на работу «Сербо-лужицкие отражения древнейшей славянской акцентологической системы». Она представляет собой акцентологический комментарий к материалам Л. В. Щербы. До сих пор опубликован только автореферат работы⁴¹. В конце 1960 г. Булаховский обещал прислать эту работу для ее публикации в данном сборнике. К сожалению, этому плану не суждено было осуществиться.

В последние годы в советской славистике наблюдается оживление интереса к сербо-лужицким языкам среди молодых ученых. Этому способствует установление тесных связей советских славистов со славистами ГДР, возможность участвовать в диалектологических экспедициях и лично собирать материал на местах. Известную роль в этом сыграла и летняя Пражская школа славистов, где сербо-лужицким языкам уделяется большое внимание.

Институт славяноведения АН СССР в своих изданиях опубликовал монографию М. А. Михайлова «Суффиксы имен действующего лица в сербо-лужицком языке»⁴² и статью М. И. Ермаковой «Значение форм прошедшего времени в нижнелужицком языке (по памятникам XVI—XVIII вв.)»⁴³. Обе работы представляют собой кандидатские диссертации.

Сектор славянского языкознания Института славяноведения АН СССР планирует в дальнейшем значительное расширение тематики, связанной с изучением сербо-лужицких языков. Мы будем стремиться к объединению всех языковедов, интересующихся данной тематикой, имеющей первостепенное значение для изучения праславянского языка, истории западнославянских языков, сравнительной грамматики славянских языков и, наконец, для изучения славяно-германских языковых отношений. Огромное значение сербо-лужицкой языковой материал имеет и для решения многих теоретических проблем языкознания.

⁴⁰ В. К. Журавлев. Г. А. Ильинский. Изд. МГУ, 1962, стр. 9.

⁴¹ «Мовознавство», т. IV—V, 1947, стр. 257.

⁴² «Ученые записки Ин-та славяноведения», т. XVII, 1959.

⁴³ Краткие сообщения Ин-та славяноведения, вып. 30, 1961.

Л. Э. КАЛЫНЬ

О НИЖНЕЛУЖИЦКОМ ВОКАЛИЗМЕ

В предлагаемой статье дается синхронный фонологический анализ системы вокализма некоторых нижнелужицких говоров.

В качестве объекта исследования взяты говоры, относящиеся, согласно диалектному делению, предложенному для нижнелужицкого языка Мукой¹, к трем разным типам.

Восточно-котбусский диалект представлен говорами деревень Барбук, Грожище, Мост (лужицкие названия *Barbuk*, *Grožišće*, *Móst*; немецкие названия *Bärenbrück*, *Grötsch*, *Heinersbrück Bezirk Cottbus*), губинский диалект — говором деревни Рогов (*Rogow/Horno*, *Bezirk Gubin*), средне-пограничный диалект — говорами деревень Заброд, Терпе, Бяздов (*Zabrod*, *Terpe*, *Vjazdow/Sabrodt*, *Terpe*, *Klein-Partwitz*, *Bezirk Hoyerswerda*).

Говоры этих деревень были обследованы в ходе диалектологических экспедиций 1960 и 1961 гг., предпринятых Институтом лужицкого народоведения (*Institut für sorbische Volksforschung*) при Немецкой Академии наук.

Обследование проводилось по специально разработанной Институтом лужицкой этнографии программе — *Fragenbogen für den regionalen sorbischen Dialektatlas*.

§ 1. Фонема [e] во всех исследуемых говорах употребляется как после твердых, так и после мягких согласных. После твердых согласных фонема [e] представлена широким гласным среднего подъема передне-среднего ряда *e*.

Барбук: *'deno*, *dejšć*, *ten*, *'seno*, *sec*, *'zele*, *'zeger*, *trapa*, *krej*, *nep*, *'prozne*, *bes*, *'spedna*, *so'beta*, *'cecy*, *'cejzar*, *šejc*, *'šery*, *žerš*, *'švager*.

Грожище: *'daka*, *pj'de'granka*, *'tenka*, *tepa'rišćo*, *'suset*, *'iaseń*, *krej*, *knezt*, *'cerkva*, *cepk*, *'kružsl*, *'šnobel*, *wo'čeca*, *tver*, *mex*, *'fejfa*,

¹ См. К. Е. Мукке. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache*. Leipzig, 1891, стр. 3; P. Wirth. *Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas*, I. Leipzig, 1933, карта № 2.

zberk, 'veika, m'etyja, u'beda, 'speješ, roz'meda, mej, 'mefo, 'cuker, 'švoger, 'suxe 'dřewo, škerc, 'keza, 'gešup, 'gešiš, xe'dota.

Мост: dešć, 'sera, 'zejma, na 'jadnej, 'oušne, 'reja, 'steńco, 'naceš, 'pyžeraš, šeja, to jo 'suše, 'vejca, mex, 'merzgi, ogen.

Рогов: dep, 'deika, pôtek, 'utera, se'kera, 'zeblac, zec, prec, cen, 'žeden, 'velma, 'veica, ko'mera, 'merdar, 'pelka, pe'iesas, lo'beda, obe'žřety, 'suxe 'drewo.

Заброд: der, 'deski, ja dem, 'tergaš, 'setk, 'zeńja, 'krej, 'směšne 'šnowo, šej, 'užeńc, 'cervény, 'douei, 'zarzawe, mex, 'požeica.

Терпе: dep, my 'deimy, 'futer, 'štepsl, seš, 'brozen, crej, 'režel, 'knezt, 'kašel, 'zamožeńe, 'cervík, pelc, 'pejedaš, 'bercaš, kwesk, 'vejca.

Бяздов: dern, 'aster, 'waučera, 'nasedne, 'zeblasć, 'zelina, 'dobre, 'fedne, 'pšeńica, 'ženska, 'póserač, 'perkokoš, 'pejedač, 'beja, mex, 'vejca, 'kwesk, 'wesy.

§ 2. В исследуемых говорах имеется гласный среднего ряда средне-верхнего или верхне-среднего подъема — \ddot{y} (ϵ^y), который производит акустическое впечатление гласного, среднего между ϵ и y , с различной степенью приближения к тому или другому. Гласный \ddot{y} (ϵ^y) употребляется в позиции после твердых согласных.

Этот гласный в разных говорах развился в результате различных фонетических процессов и поэтому позиционные условия его появления и степень распространения по говорам неодинаковы.

В говорах деревень Грожище, Барбук, Мост упомянутый гласный своим происхождением обязан прежде всего делабиализации гласного o , которая в части нижнелужицких диалектов происходила в позиции после губных и заднебных согласных не перед губными и заднебными. Ср. *pij'ceraš*, *'bišan*, *'wišet*, *'mešst*, *'kiža*, *'gšla*, *'xšry*; в современных говорах в этих же случаях может произойти гласный y или ϵ .

Первоначально гласный, развившийся на месте o , будучи позиционно ограниченным в своем употреблении, функционировал как представитель фонемы $[o]$ ². В случаях типа *'skokaš*-*'skšycyš*, *bog*-*'bižy* в корнях слов одна и та же фонема была представлена разными гласными.

В современных говорах употребление гласных \ddot{y} (ϵ^y) и o перестало быть позиционно обусловленным, и гласный o возможен в позиции перед зубными согласными, а употребление гласного \ddot{y} (ϵ^y) не ограничивается лишь позицией не перед губными и заднебными согласными, т. е. в современных говорах гласные \ddot{y} (ϵ^y) и o функционально обособлены и могут быть противопоставлены друг другу.

Среди обстоятельств, способствовавших функциональному обособлению гласных \ddot{y} и o , прежде всего следует назвать изме-

² Ср. подобное утверждение — Н. Schuster-Sewc. *Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller*. Berlin, 1958, стр. 27.

нение $t > \mu$. Это изменение происходило, в частности, во всех анализируемых говорах, за исключением говоров деревень Мост и Рогов: в говоре д. Мост согласный t сохраняет свое качество, в говоре д. Рогов на месте t представлен согласный l среднее.

Развившийся на месте t спирант μ не только по своей артикуляции является губным, но и функционирует как представитель фонемы [v]. Вместе с тем губной спирант μ в большей части случаев относится к факту делабиализации гласного o как негубной согласный. Так, после заднеязычных согласных в позиции перед μ представлены результаты делабиализации o . Ср. Грожище: 'gʃy, keʷuo'rotne, keʷuožeɪ, keʷu; Барбук: 'gyu, 'xuoɪ, ku'zoɪɪ, 'kuɔask, kuɔ. В этих случаях $\mu < t$ оказывает на предшествующий гласный такое же воздействие, как согласный t в тех говорах, где он сохранился; например, в говоре д. Мост: 'kytorot, 'kʏtožeɪ, kyt, 'gyty.

Что касается позиции после губных согласных перед $\mu < t$, то здесь гласный o всегда сохраняется. Ср. Грожище — woɔ, 'smoɔa, poɔ 'tɛxa, 'poɔny, 'poɔka, to spoɔ'nosɛ; Барбук — 'woɔ, 'smoɔa, 'poɔoɔ, poɔ 'spora, poɔ'neɛe, poɔka.

В одних случаях сохранение гласного o в этой позиции является, видимо, результатом того, что процесс, приведший в конечном счете к делабиализации o , после заднеязычных согласных завершился раньше, чем после губных. После губных согласных этот процесс был еще актуален в момент изменения $t > \mu$, и поэтому $\mu < t$ мог влиять как губной согласный на предшествующий гласный. Об этом свидетельствуют такие примеры, как 'smoɔa, woɔ, poɔ 'spora; ср. Мост: 'smɔɫa, wɔɫ, pɔɫ 'spora.

Сохранение гласного o в таких словах, как 'poɔka, 'poɔny, poɔ'neɛe, не связано с относительной хронологией изменения $t > \mu$. В этих словах гласный o сохраняется и в тех говорах, где согласный t не подвергся изменениям. Ср. Мост: 'poɫny, 'poɫku, 'poɫkaɫ, po'toɫyɫ, 'poɫon, po'neɛe, po'toɫca.

Изменение $t > \mu$ создало возможность употребления гласного o после губного согласного не перед губными и заднеязычными, так как гласный o после $\mu < t$ делабиализации не подвергался. Ср. Грожище: tɔuo'zina, kɔosk, ja'uoɪca, 'suotki, 'suoɔnko, 'syuoɪ, pɔot, uo'zyɫsɔ, 'zɔoto, 'zɔoziɪ, 'xuoɔnoɫ, uoɪi, 'uoɪɫ, 'cɔonk, 'tɔocɫs, uoɪ, 'kɔoɪɫ, gɔot, 'wocɫs и др. Барбук: kɔo'nica, pɔoɫ 'Waɛgergras', tɔoɫk, 'xɔotk, 'doɔoɪ, 'uonko, 'gɔoɔny, vɫs'uoɔny, 'kɔoɪɫ, pɔot, gɔos, 'tɔoda, 'obɔoɪ и др. В этих случаях согласный μ по отношению к последующему гласному функционирует так же, как согласный t в говоре д. Мост, где произносятся — toɪ, 'gɫoɛzy, 'ztoɫo, 'toɫy, ztoɫ, za'tosny žɲi, 'mɫody, 'kɫoski.

Появлению гласного o после губных не перед губными и заднеязычными способствовало и то, что в положении после губных согласных перед лабиализованным гласным спирант μ

может утрачиваться. Ср. Грожище: 'mošiš, 'moda; Барбук: 'botko.

Таким образом, в результате изменения $t > u$ создалась возможность противопоставления гласного *o* и гласного, развившегося в результате делабиализации *o* в позиции после губных и задне-небных согласных.

Однако имеются и другие, не связанные с изменением $t > u$ случаи противопоставления названных гласных, представленные и в тех говорах, где согласный t сохранил свое качество. Так, имеется целая группа слов, в которых гласный *o*, несмотря на то, что он находится в позиции после губных и задне-небных согласных не перед губными и задне-небными, не подвергся делабиализации.

Грожище: 'polo, 'zagonk, konk, iɑ'gody, řiz'gotáš, 'gŷspodař, geš'poza, 'muxořas, 'rybořak, sy'korka, iasko'licka, 'kurwota, 'kokot, te ko'košy, 'zogol, zo'goliš, 'maŷgot, řiskoř, 'puxoř, ko'lawa, ku'moda, řiɑ'pora, 'ambos, ko'lander, mor'dowaš, 'fingorot, 'na tym 'boce, pa'zorka 'Imkerpfeife'.

Барбук: 'polo, 'na tym 'boce, do'iagod, konk, 'kokotk, 'zagon, iasko'licka, kor'nikel, korp, moš 'личинка пчелы', to'pořiščo, 'bola, 'kyza řa'koco, 'kokoš ġa'koco, 'kolapka, 'puxoř, 'rogoš, 'řiskoř, 'řiɑ'pora, 'cukor, muxořas, spo'kojom, pa'kostny, 'gyspoza, ten řiɑs ři'koco s tym o'gynom, kur'wota, 'řigotaš, nawožeņa, ma'koije, топонимические названия — pot'gyla, 'xořna, 'zagora, 'ugonk.

Мост: 'polo, 'na polo, 'iaody, 'około, 'na tym 'boce, sy'korka, sro'koška (птица), 'gŷspodař, gŷs'poza kur'wota, 'iasko'licka, 'kokoš, 'zogol|zo'goliš, 'pakosny, makořca, 'zagonk, 'rogoš, 'puxoř, 'nawožeņa, 'šcerko'tawa (травя), ro'gořska, liš'kořska, uřeři'kořska, 'řigotaš, 'ġia-gotaš, 'klapotaš, 'řakotaš, 'lapotaš, 'xrapotaš, 'Křigotaš, 'dybotaš, ma'ko'cica 'kyza, 'muxoras, 'ryborak, 'fingorot, 'řiɑ'pora, ku'moda, 'švon, kor'nikel, 'bona, špo'sarski, 'borša, 'konzum; фамилии: 'cezoic, 'nagora; топонимические названия: pša'xody, vyt pša'xodu.

Некоторые из приведенных примеров сохранения гласного *o* следует, вероятно, расценивать, как следы того состояния, когда делабиализация гласного *o* происходила только в начальном слоге слова³. Следует заметить, что в современных говорах результаты делабиализации гласного *o* возможны и в неначальном слоге.

Грожище: so'beta, do'beda, roz'meda, o'betřes, 'na dveře, sro'meta, 'nabezac, 'ogen, vŷtgeto'vane.

Барбук: pšiwyrane, 'nabyzac, opxyřžona, sro'myta, s tym o'gynom, 'nagyru, 'samŷsetk.

Мост: pše'pŷraš, 'sromŷta, 'ugŷn, 'ogŷn, 'sobyta, na'byřny, obwy'rowaš.

³ Ср. об этом К. Е. Мукке. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 99; А. Schuster-Šewc. Указ. соч., стр. 27.

В случаях типа *'rogoiski* гласный *o* сохранился благодаря последующему *ǔ*, который в дальнейшем изменился в *i*.

Наконец, гласный *o* не подвергся делабиализации в многочисленных немецких словах, усвоенных нижнелужицкими говорами (ср. *'konzum*, *'fingorot* *'ambos* и др.).

Гласный $\dot{y} < o$ не перед зубными согласными встречается реже. Кроме приведенных выше примеров с делабиализацией *o* перед $\mu < t$ названный гласный отмечен в словах *po'męgał*, *ja som'męgua* (Грожище), *'potygař* (Барбук). Таким образом, в современных говорах, переживших некогда делабиализацию гласного *o*, возможно противопоставление гласного *o* и \dot{y} (*o'*) в одном и том же положении. При этом следует подчеркнуть, что названное противопоставление встречается не только в говорах, где $t > \mu$, но и в тех, где согласный *t* сохранил свое качество, например, в говоре д. Мост:

Г р о ж и щ е: *gnot* — *zwj̃n*⁴, *'płapora* — *'pšepj̃raś*, *'ambos* — *'bjsy*, *mošk* — *mj̃st*, *konk* — *kj̃ñ*, *iasko'licka* — *kj̃'lasko*, *'kował* — *kj̃μ*, *ja'gody* — *gj̃dy*, *'muxořas* — *o'pχj̃žone*, *ja som* *'mj̃gua* — *'mokry*.

Б а р б у к: *'wosy* — *wjsa*, *'kχosk* — *wjsk*, *'polo* — *'pj̃la* ('около'), *topo'řiś*: *o* — *pj̃ce'rałi*, *na* *'boce* — *'nabj̃zac*, *bola* — *'bj̃li* (3 л. ед. ч.), *moś* — *'mj̃žo* (3 л. ед. ч.), *pa'kostny* — *'kjska*, *'kował* — *'kj̃μack*, *'zagon* — *ogj̃n*, *'puxoř* — *χj̃žyśco*.

М о с т: *kur'wota* — *'vj̃tapęś*, *švon* — *zwj̃n*, *'polo* — *'pj̃lak*, *'šposarski* — *'pj̃stawa*, *'połny* — *'spj̃tnoc*, *'borša* — *'zbj̃rk*, *ku'moda* — *'mj̃dry*, *'około* — *kj̃'łožej*, *šcerko'tawa* — *kj̃tk*, *'iasko'licka* — *'kj̃laso*, *'pakosny* — *kj̃'syśco*, *'konzum* — *'kj̃ñc*, *sro'koška* — *'kj̃sula*, *ro'gojska* — *gj̃ic*, *zo'goliś* — *gj̃la*, *'zagon* — *'ugj̃n*, *'cezoic* — *'χj̃ina*, *psa'xody* — *χj̃'dota*.

Таким образом, в перечисленных говорах первый слог слов *'skokaś* — *'skj̃cys*, *bog* — *'bj̃zy* различается гласными фонемами: гласные *o* и \dot{y} являются представителями разных фонем.

Изолировавшись от фонемы [o], гласный \dot{y} должен был стать фонемой, употребление которой ограничено лишь позицией после губных и задненебных согласных. В этих условиях, естественно, должна была проявиться тенденция присоединиться к другой фонеме, употребление которой не столь сужено позиционно.

В связи с артикуляционной спецификой гласного \dot{y} , лежащего на границе между *y* и *e*, названная тенденция могла осуществляться в двух направлениях: гласный \dot{y} мог примкнуть или к фонеме [e], или к фонеме [i].

К числу говоров, в которых гласный \dot{y} изменился в *e*, относится говор д. Грожище (ср. приведенные выше примеры на употребление *e* после твердых согласных, среди которых есть и такие, где гласный *e* развился на месте \dot{y}).

⁴ В этом случае и ниже знаком \dot{y} мы обозначаем гласный, возникший в результате делабиализации гласного *o*, без учета конкретного его качества в перечисленных говорах.

В говорах деревень Барбук и Мост гласный \dot{y} склонен изменяться в y (ср. ниже примеры на употребление y после твердых согласных).

При этом следует заметить, что единичные случаи изменения $\dot{y} > \varepsilon$ имеются и в говорах деревень Мост, Барбук, так же как отдельные случаи изменения $\dot{y} > y$ встречаются и в говоре д. Грожище.

Вследствие изменения гласного \dot{y} появляются новые случаи омонимии. Ср. в говоре д. Барбук: *mí 'ruka 'byli* и *my smy 'byli*, *ja se 'myim* и *na 'myim 'dvyru*; в говоре д. Грожище: *vet 'beje* и *te se 'beje*.

Несмотря на то, что гласный $\dot{y} < o$ имеет склонность к изменению в y и ε , ни в одном говоре это изменение не проведено настолько последовательно, чтобы привести к полной утрате гласного \dot{y} . Нередко в одном и том же слове наряду с ε или y может произноситься и гласный \dot{y} , при этом частота его появления разная у разных представителей говора. Ср. в говоре д. Грожище: *vet 'kesy|'kŷsa*, *'keřeń|'kŷřeń*, *'xry|'sxŷriś*, *mest|mŷst*; в говоре д. Мост: *'gyla|'gŷla*, *kyrc|kŷrc*, *'pystola|do'pŷstoli*, *'kuśula|'kŷśula* и т. д.

Параллельность в употреблении гласного \dot{y} и ε , \dot{y} и y не ограничивается позицией после губных и заднеязычных согласных. Во всех исследуемых говорах гласный \dot{y} (ε^y) может произноситься на месте y и реже ε , не восходящих к o . И это как в говорах, переживших делабиализацию o , так и в говорах, не знавших этого процесса.

Мост: *dŷjśc*, *'šŷra 'garona*, *nŷp*, *'vyzŷ* (3 л. мн. ч.), *'tŷke*, *rŷj* *'towaś*, *'rŷpaŷki*, *'na gyru 'gyrŷi*, *'škopyŷk*, *my smy 'xudŷ*, *'ģercŷ 'grali*, *'na łucŷ*;

'sedŷm, *'rŷiny*, *'spŷdnŷ zec*, *ten ģeśyr io 'suxŷ*, *'vysŷm*, *'rednŷ*, *'carnŷ kyn*, *pe'gatŷ*, *zmarz'nonŷ nos*, *'šŷpaś*, *oby'cŷje*.

Барбук: *'bŷja*, *'na tei 'decŷ*, *'šŷja* и *'šeja*, *'tŷke*;

'rŷiny, *ten io 'šŷrŷy*, *vyt 'kysŷ*, *stŷr'naśco*, *'obrŷc*.

Грожище: *'te'zeń*, *ja 'mysŷm*, *'brŷtveł*, *'sŷpnus*, *ten šŷ'lawi*, *pŷsk*, *'xŷla*, *bŷck*, *'dobŷtk io 'reŷiny*, *ge'nimŷ* (1 л. мн. ч.), *beŷsk* и *beśk < bŷysk*;

my smy naje'zonŷ, *'keza 'zmeio 'mŷodŷ*, *te 'gŷlcŷ*.

Рогов: *'rŷba*, *'reŷibař*, *'mlotŷŷ*, *'kniŷlŷ*, *'zŷjo* (3 л. ед. ч.), *sŷ'korki*, *vŷ*, *'umŷte*, *do 'ucbŷ*, *'xŷla*.

Заброд: *ten 'duxounŷ*, *'biŷŷ*, *'zŷca* и даже *'zeca*, *rŷś|rŷśś*, *mŷ*, *'sŷta*, *'cŷściś|'ceściś*, *dŷm*, *mŷś*, *'sŷśim*, *ja se 'mŷju*, *'rosxŷtwaś*, *ten zŷt*, *'šŷcko*, *'šŷśka*, *bŷdliś*, *te 'glinŷ*, *pŷsk*, *vôt 'tunŷ*, *'siviŷecŷ śmalc*, *ta 'viśŷna 'cŷbula*, *mŷ smŷ*, *'do speŷ*, *'staśowŷ*, *'kŷobŷk*, *'xólowŷ*, *'zŷto*, *'iaguŷ*;

te 'cycŷ, *krŷj*, *te śŷ*, *te 'kwêtki su 'zeskŷetŷ*, *'seŷtk*, *'sŷnuś*, *'šŷry*.

Терпе: *te 'zŷlzy*, *psŷk*, *se 'zŷviś*, *'zŷto*, *sŷn*, *'ceŷsta*, *'dŷbzak*, *'řidnŷ 'mantl*, *te 'noŷŷce*, *'vesŷ*, *do 'tunŷ*, *'stŷřio*, *'ciśnŷ*, *'skiarzŷ*

(3 л. ед. ч.), 'žǵdke, 'štrǵcyl, grǵiny, tɛi 'wócǵ, 'slingǵ, 'strowǵ, vǵ, iǵ 'kńiguǵ, 'maǵ, 'wopǵs, mǵ, na 'bǵkox, 'sǵkańe, 'sǵno (в этом случае ǵ на месте y, который является в этом говоре заменой *ě после твердых согласных).

Бяздов: 'sǵpnuć, psǵk, 'kórǵto, 'wótǵńić, šǵc и даже šeioš, 'žǵua, 'žǵto, 'cǵsćić, 'pešǵ, 'sǵroki, 'prutǵ (им. мн.), 'žǵvica, 'šǵška и даже 'žeńica, 'šeška, 'sǵdřiški, 'pǵtatei, mǵ 'bǵdlimy, 'džomǵ, pǵsk, ia se 'mǵiu, 'kopǵto, 'xolowǵ, bǵk, 'sǵta 'traida и 'syta, 'šǵreio и 'syreć, šǵc, 'sǵtǵo (в этом говоре заменой *ě после твердых согласных является y); 'sǵra/'sera, 'nožyce, 'iasǵn/'iase#n, šǵja.

Во всех приведенных случаях наряду с гласным ǵ может произноситься гласный y или, соответственно, e.

Какое же место в системе вокализма исследуемых говоров занимает гласный ǵ?

Фонологическая характеристика гласного ǵ в этих говорах неодинакова; в зависимости от того, находится ли гласный ǵ в параллельном употреблении с одним из гласных y, e или же — с обоими этими гласными.

В говорах деревень Рогов и Терпе гласный ǵ находится в параллельном употреблении только с гласным y. Во всех тех случаях, где произносится ǵ, может произноситься и y. Гласные ǵ и y не образуют смысловозначительного противопоставления; гласный ǵ противопоставлен гласным, образующим другие фонемы, так же как им противопоставлен гласный y (byk|bǵk — bok — buk — 'baska — 'beia). Гласные ǵ и y в этих говорах, будучи функционально тождественными, являются факультативными представителями одной фонемы и могут оформлять фонетические дублиеты слов.

По-иному обстоит дело в говорах деревень Мост, Барбук, Грожище, Заброд, а также Бяздов. Благодаря тому, что здесь гласный ǵ находится в параллельном употреблении с двумя гласными — y и e, — нельзя считать гласные ǵ и y, с одной стороны, и ǵ и e, с другой, — функционально тождественными.

Различие между ǵ и y состоит в том, что y противопоставлен гласному e, в то время как гласный ǵ этого противопоставления не образует. Аналогичное различие представлено и между ǵ и e: гласный e противопоставлен гласному y, а гласный ǵ этого различия не образует. Ср. в говоре д. Барбук: 'bǵžy|'byžy — 'beia|'bǵia.

Таким образом, гласный ǵ, употребляясь на месте e и y, функционально не тождественен ни тому, ни другому, а образует самостоятельную функциональную единицу.

Гласный ǵ является представителем фонемы, в которой нейтрализуется противопоставление фонем, представленных гласными e и y, т. е. [e] и [i]. Эта фонема, которую мы обозначим через [ǵ], позиционно ограничена лишь положением после твердых согласных.

Так как фонема [ŷ] факультативна в своем употреблении, то нейтрализация противопоставления фонем [e] и [i] также не обязательна. Тем не менее уже сама возможность этой нейтрализации приводит к тому, что противопоставление [e] — [i] после твердых согласных утрачивает свою четкость, вследствие чего появляются такие случаи произношения *e* вместо *y*, как приведенные выше 'žesca, 'šeška, 'cesćiš, 'debzak, и *y* вместо *e*, как это зафиксировано в говоре д. Мост в случаях типа 'wyncę (вместо 'węcę).

В тех говорах, где имеется фонема [ŷ], как бы сосуществуют две системы вокализма — в одной из них фонемы [e] и [i] противопоставлены после твердых согласных, в другой — нет.

§ 3. В позиции после мягких согласных фонема [e] представлена гласным переднего ряда среднего подъема *e*.

Г р о ж и щ е: 'šeço, 'kšeb'iat, 'ryše, ka'šeta, 'šcerpny, 'pěrsćejń, 'žesna, 'žerc, pš'e'zeno, 'paždžere, 'kńežna, sńe'gula, 'grębo, řep, pš'i'ž-řebna, 'leńk, 'les, 'letaš, 'peta, sp'er'xliny, du'pěne, 'zběgnuś, 'bęuę, 'gmęjna, 'męso, 'znańe, 'wędro, 'gwęska, 'męd'wjeź, 'pukeł, Ker'xoba, 'šeške, 'oęeń, gęrc, 'ieś, 'jezyk, 'ęg'lina.

Б а р б у к: ži'šetko, tšeś, 'šyše, 'žežka, żeń, sće'siny, 'pyždze, 'ńębo, p'e'ńezy, 'pěre, 'dřemaś, 'leše, 'lepej, 'pěpěr, pęść, 'obet, dro'bęńcki 'pońe, 'męriś, 'uńeńk, 'swęty, 'węziś, węc, za'keuka, 'keta, 'iesno, 'jeleń, 'ieś'ńica.

М о с т: šer'lica, 'wyšepaś, pš'e'siwo nas, 'žetaś, 'iańžel, 'zdželba, 'pšeśceraś, 'sńeś, co'wańe, 'zdřejo (3 л. ед. ч.), napřeki, to še 'lejo, 'lubej, 'grabe, 'zmęta, 'męwa, 'zveno, 'węzaś, te 'murske, 'dškęł, 'ęei-poł 'Göpel, 'ieść, 'ieřebinka.

Р о г о в: 'šerńowy, spšek, 'šesto, 'zaščelk, ku'žela, 'iagne, 'kõńeńc, 'ńeřeśny, 'zřebe, wõřex, 'ugle, kles':iki, pęńk, pęś, dro'bęńcki, 'ubeliś, 'semę, 'křarmęńc, 'węřšńa, žy'węne, za'tykelc, 'oęeń, 'řacřen, 'muřęze, wut tuka w'er'duřom ia na'jety, p'e'ředanj.

З а б р о д: 'zmušena, 'šcepк, 'sćelna, 'ćeńjo (3 л. ед. ч.), 'žerńik, 'paždžere, 'žrańe, 'bõlecę, 'kuleso, 'soleny, 'sydřeški, 'šařeńe, te'pera, 'połšpe (мест. ед.), 'bęlizna, 'zmejo (3 л. ед. ч.), 'řacmeń, 'węc, šwerc, 'wuske, 'gakerjo (3 л. ед. ч.), 'wuęel, 'droęe, 'maręej, 'iecene.

Т о р п е: 'sedaś, 'sedawa, ćert, te 'luže, 'droždžęje, 'cowańe, 'cřeça, 'gõrej, 'glejko, 'wolecą groś, pęś, 'papera, 'libe, 'hobet, 'wuńe, 'męx, 'węzańe, 'krõwęcę, 'musķecę, 'w'uęeń, 'dwõje.

Б я з д о в: 'přice, 'ćedawa, 'šcepš, 'džeń, 'šudze (1 л. ед. ч.), to jo 'tuńe, 'předy, 'řezńik, 'mleju (1 л. ед. ч.), 'pęłńeńe, 'wõřex, 'wobedwac, 'męx, 'męrkęac, 'marxwej, 'šyćke, 'wuęel, 'droęek (род. ед.), to jo 'suře, 'jedna, 'zaječene, 'suře leta.

В начале слова фонема [e] имеет неодинаковую фонетическую реализацию в говорах, относящихся к коттбусскому и губинскому диалектам, с одной стороны, в говорах, входящих в состав средне-пограничного диалекта, — с другой.

В коттбусских и губинском говорах фонема [e] в начале слова представлена гласным *e* несколько более широкого образования, чем после мягких согласных, но более узким, чем после твердых согласных.

Ср. Барбук, Грожище: *e|'dyša*, *'eǰgst*, *'ela*, *'eǰki*, *erd'bery*; в говоре д. Грожище еще и *'ekawa*.

В говоре д. Барбук, а также д. Мост гласный *e* в начале слова в отдельных случаях сопровождается слабым придыхательным протетическим звуком *h*: Барбук — *^heblowaš* и *ten 'eblik*; Мост — *^hela* и *'ela*. В этом случае протеза является совсем необязательным элементом фонетической реализации фонемы [e].

В говорах, входящих в состав средне-пограничного диалекта, фонема [e] в начале слова реализуется в гласном *e*, который всегда сопровождается протетическим призвуком *h* (*x*). Протеза входит как обязательный элемент в способ образования звука, представляющего фонему [e] в начале слова. Отклонения составляют лишь некоторые слова немецкого происхождения, имеющие в начале гласный *e* без протезы. Ср. Заброд: *^hekawka*, *^heleń*, *^herebina*, *^xeida*, *'eimer*, *'erdbery*; Трепе: *^heǰgst*, *^heida*, *^heleń*; Бяздов — *^heǰgst*, *^herebina*, *^heida*/*^xeida*.

Протеза *h* перед *e* выполняет функцию сигнала начала слова.

§ 4. Во всех анализируемых говорах имеется гласный переднего ряда верхне-среднего подъема, закрытый *ê*. Степень закрытости этого гласного может быть разной — от очень закрытого *ê* до слегка суженного гласного *é*, который, однако, явственно отличается от гласного *e*.

Гласный *ê*, за редким исключением, употребляется только в корневых морфемах. Поэтому он представлен главным образом в начальном слоге слова, а в неначальном слоге — лишь в приставочных образованиях. Какие-либо другие позиционные условия — твердость или мягкость последующего согласного, открытость или закрытость слога — не сопровождают употребление гласного *ê*.

Во всех тех морфемах, где произносится гласный *ê*, может произноситься и гласный *e*. Возможность произношения *ê* и *e* в одной и той же морфеме не связана с различием в позиционных условиях. В данном случае речь должна идти о параллелизме в употреблении гласных *ê* и *e*, когда одно и то же слово может произноситься и с *ê*, и с *e* без того, чтобы изменять его значение. При этом в случае параллелизма в употреблении гласных *ê* и *e* в одних говорах преимущество имеет гласный *ê*, в других — *e*. В речи отдельных представителей говора гласный *ê* также имеет разный удельный вес.

Грожище: *'bêliš*, *vê'reńe*, *'mîeso*, *'klêto* (3 л. ед. ч.), *mê*, *'rêdne*, *lêš*, *'medîeš*, *'mêriš*, *'psaslênk*, *'sêuo*, *'zêns*, *ven io mê 'znaty*;

гласный *ê* в нена начальном слоге в слове — 'serpês. В этом говоре гласный *ê* встречается очень редко.

Барбук: 'pêşy, pêsĥ, 'sûetuo, vêtş, 'bêuy, 'mêuka, rêz, rê'zarña, zêt, 'scêna, ksên, plęcneş, gnêw, 'slêpy, 'scêpa, 'zêp, 'brême 'klêşca, 'snês, 'bêliš, 'lêse, grêx, mêt, 'mêso, rêdy, 'sêşke, pês, pêtĥ, 'mêke, 'iêzyk, 'grêtĥi, 'pșêza, mêt, vêzaş, 'knêstwo, 'prêdny, 'umrês, ut'rête, mêtneĥ, zêñ, 'tyzêñ, to io mêt 'luto, dvê (им. ж. и ср. рода) to 'myslêne, uxva'lêne, 'baska mêt'ê'neĥu, 'iâşcêr. В этом говоре гласный *ê* распространен довольно широко, но почти во всех словах в параллельном употреблении с *e*.

Мост: drês, 'rêpa, 'prêdny, 'lêto, 'zêtaş, pêsĥ, snêĥ, lêsĥ, sêsto, 'stşêlaş, 'begaş, 'smêtÿ, 'pêşy, 'wêra, snê'gula, rê'zarña, zaſ'rêty, ruş'krêty, pêt'zêle, nÿ'lêpşy, ob'êşyş, 'optrês, 'spÿiêz, opslê'pony, 'namêşane; dvê, 'dvêĥu, 'obeĥu; rêp, ia 'tsêsu, 'sêşke, knês, spşek, 'pșêza, spês, mêtso, 'sûêzeñ, 'vêcş, mêt, zê'kowaş, my sùêşimy, gl'daĥko, pşed'nica; 'nêtêşny 'zapês, 'rozvêzany; mysmy 'wumêtli, iês, 'iêleñ, 'zbêraş, 'lêmias, mysl'êne, 'pşitwa'êne. В этом говоре употребление гласного *ê* носит систематический характер и параллельность в употреблении гласных *ê* и *e* представлена значительно менее широко, чем в упомянутых выше говорах.

Рогов: mêt, slêps, 'rêzaş, 'zêlo 'iêza, 'zêza'zêza, plês 'плыть', pêsĥowaty, ob'êdowaş, mêtso, to 'mloko se 'zbêzyio, obÿ'zrêty, op'klêpiş, op'slêpiş, 'mêtşyş; zêĥ, 'iêzyk, 'knêñi, 'rêdnê, pêsĥ, 'mêtsowa, se ob'êşyş; um'rêty, 'zêra, iês, 'zêñ', 'mêno. В этом говоре параллелизм в употреблении гласных *ê* и *e* широко распространен; некоторые представители говора почти не знают гласного *ê*.

Заброд: 'rêka, lês, 'gnêzdo, 'nêmski, 'iêzdzis, plês, 'slêna (< slêdna), 'tsêlaş, 'cêsto, drês, mêt, 'smêşne, 'vêza, 'zîere, pêsĥ, 'bêliš, 'mêtso, 'kvêtĥi, ia som 'mêua, diê'rukaicş; 'sênuş, 'rêdny, ia som pşet, pşek, 'zêşel, 'pêta, 'mêke; zêñ, 'iêtca, três, 'zbêrañe, 'zênsa.

Терпе: ia'iêdu, 'zêsi, fêc, 'slêpy, 'slêpik, 'snêgowy, 'rêzañca, 'iêduo, 'snêdaş, klêp, 'mêtis, 'vêzeş, 'bêliš, 'pêgi (им. мн.), 'zvêrie; 'pêta, 'glêdaş, se 'zêkowaş, 'sênuş, 'zvêzaş; 'três, iês, 'zênsa, 'utrês, 'gmêina, 'glêişy, 'iêsno, 'mêno, dvê, 'zazymñêse.

Бяздов: drêĥ, 'iêduo, 'snêdaĥ, bêtĥ/'bêwe, 'mêtic, mêt, 'spêwaĥ, dvê, 'zvêzaĥ, 'rêly, my smy 'pşêdli 'cêşke; dzên/dzêñ. В этом говоре гласный *ê* представлен слабо, многие представители говора почти совсем его не знают.

Каково же место гласного *ê* в системе фонем перечисленных говоров? В связи с тем, что в одной и той же морфеме и в одной и той же позиции могут употребляться как гласный *ê*, так и *e*, может показаться, что гласные *e* и *ê* функционально тождественны, и противопоставление *e-ê* не имеет смыслообразительного значения. Однако это не так.

Действительно, гласные *ê* и *e* могут оформлять звуковые дублиеты слов. Но параллельность в употреблении *ê* и *e* является

односторонней в том смысле, что везде, где произносится *ê*, возможен гласный *e*, но не везде, где произносится *e*, возможен гласный *ê*. Рядом с *pěsk/pesk* всегда будет *'perko*. Это дает основание говорить о том, что противопоставление гласных *ê-e* может иметь смысловозначительное значение, т. е. гласный *ê/é* — представитель фонемы [ê]. Однако фонема эта занимает в системе особое место в том смысле, что она представляет собою необязательный элемент системы вокализма исследуемых говоров и поэтому легко заменяется фонемой [e].

Вытеснение фонемы [ê] среди исследуемых говоров наибольших результатов достигло в говоре д. Грожище, а затем д. Бяздов. Наиболее последовательно фонема [ê] сохранилась в говорах д. Мост, а также деревень Заброд и Терпе. Говоры деревень Барбук и Рогов занимают в этом отношении среднее место.

§ 5. Фонема [i] во всех исследуемых говорах и позиции после мягких согласных представлена гласным переднего ряда верхнего подъема нелабиализованным *i*.

Грожище: *kôl'siny, do 'šmėřsi, 'ksiduo 'šciuka, 'braći a'soci, cel'ažiny, 'žiwy, 'zdžimaš, gno'žica, nīs, 'niuki 'sar'nik, gr'i'ma'ne, 'iabrik, 'lixu, ka'lišco, šker'piny, še ro'ze'piš, bic, su'a'biny, kro'micka, svi'na, 'cer'vik, vi'u'laty, 'fil'nik, 'skiba, Ki'ia'na, ġift, se'ģibaš, 'bas'žink.*

Барбук: *'sixy, 'šipka, 'vėtsi, 'sežim (1 л. ед. ч.), 'žiši, 'žirki, g'niš, 'nimske, 'variš, 'škřicka, 'šklicka, ob'li'niš, 'piwo 'drobiš, se 'dymi (3 л. ед. ч.), 'mitca, 'viki, kim'bery, 'm'yrzgi, si'a'muter' 'žiny, 'meržiny.*

Мост: *pš'segaš, kšyšci'iany, mlo'žina, 'to'ni, ouš'nišco, 'řigo'taš, 'šli'nik, 'licyš, na'ku'piš, 'bincaš, viš, 'pš'ovic, 'kiby, 'no'gi, 'kiu'kaš.*

Рогов: *pšiš, kle's:iki, 'xožiš, 'ko'nik, ne'e'řicka, ob'lico, 'goli (местн. ед.), ko'pica, 'sp'iwaš, 'vi'no, kô'i'sina, 'ruki, 'mlogi ras, zek'žiny, 'peržin.*

Заброд: *šiz'rebna, 'šiprosna, 'pušćina, 'ćizaš, 'žirka, my 'iež-džimy, 'nitka, 'wôj'nik, 'dri'ne, 'ia'rica, 'lišawa, 'xo'pina (3 л. ед. ч.), 'sp'iwaš, 'po'itka, 'kisa'u, 'uki, gero'ģiny, 'peluži, 'suži.*

Терпе: *šiš 'приехать', 'gašik, mo'žica, do 'groži, 'gno'ežina, 'gô'niš, g'niš, 'had'rik, 'libe, 'u'piny, 'k'lar'mica, 'pasviš:o, 'viki, se 'ģibaš, se'trežiš, 'muži, 'one 'smuģi.*

Бяздов: *se 'ći'ňio (3 л. ед. ч.), 'ćiz'rebna, 'nući, 'džibawy, 'zdžimać, 'ga'nik, 'rež'nik, to se 'kuri, te'riće, 'liwy bok, 'boli mi, 'pisa'ne, bić, 'sprowicka, mir, 'roskiduac, ta 'ģiždzela, pši.*

В позиции после твердых согласных фонема [i] представлена гласным среднего ряда верхнего подъема нелабиализованным *y*. При этом в средне-пограничных говорах при образовании *y* положение языка является более передним и высоким, язык не оттянут назад, как в остальных анализируемых говорах (а также в русском языке).

Грожище: 'pastyř, dym, 'prosyř, pše'zymneř, na 'roynym, 'kryřc, 'nedopyr, 'bydlarski, myř, 'kisany, 'suxy, 'xytař, 'přyca, 'žytna, 'ian 'cygel; vy 'klebe, vy'suxa, ta 'kycka sky'cyňa, te'gyrki, xy'žyřc.

Барбук: 'styři, 'dyxař, na'sypař, 'zyna, 'pyře, 'dobytk, 'nımy, 'suyıno, te 'pxy, roř'xytowař, 'uocys, 'žyca; 'pytřauk, 'spydny, 'zbyžo, se 'bytař, myř, 'mydrak, 'vyda, 'vytřy, 'kysmy, kyrc, 'gyneř, 'gydy, 'gyřup, do xyře'buza, 'xyřna.

Мост: 'tyžeň, 'kuždy, 'casy, 'dva dny, 'ryba, 'młyńnik, 'pšeřtry'xowař, 'obydlar, 'mysař, vy, one 'smugy, 'vėxy, řyva'nıca, žyt, řigo'cucy kyň; 'pydzamk, 'byža myc, zbyrk, kmytř, vysk, twyř, řkyrc, ky'žyřc, gyřc 'gocř' и 'gvozď', xyřc, xy'dota.

Рогов: za'tykelec, dyx, 'syty, la'sycka, zy (род. ед.), kal'dyny, 'pudryř, 'řcakly, mlyn, ko'pyto, 'dobytk, se myř, sta'řıwy, 'one 'smugy, 'řıxy, žyła, 'řyře, 'klocys 'das Trittbrett treten'.

Заброд: 'řtyri, 'přsty, 'trařdy (род. ед.), syn, 'syno, 'zernyřko, 'gryzwate 'polo, 'wobryc, 'gřıby 'pytař, 'xromy, myř, 'mlokowy, 'přeřy, 'uxyřıř (но 'muři), 'stolcyk, 'cyry žeň.

Терпе: 'tygřık, 'tyřlar, 'xudy, 'sydnuř, 'obesyř, 'kőzycka, 'gıar'nycar, ne'vedryřko, pyř, 'wōtėby, myn, 'pıwowy, 'xyřka, 'žywy, cyc.

Бяздов: 'tykać, 'tydžeň, 'dybzak, sylza, 'syře, 'mıazy, 'gozyć, 'knyřk, 'pokryta, 'wopyř, 'gřıby 'pytać, se myć, vy, 'rosxytęac, 'řyry, 'žyňa, 'cyry, 'řwacyć.

В говорах деревень Рогов и Терпе, как уже говорилось выше, фонема [i] после твердых согласных, кроме того, может быть представлена гласным *y*.

Гласный *y* может утрачиваться в конце прилагательных мужского рода после *u* (*w*) перед следующим словом.

Грожище: 'młıńcoy 'kameň, 'Kısay kaç, 'kulkoy 'sařıonk, 'pıotoy pal, 'kruřkoç bom, 'veřřnoç bom, 'dořıoy 'řamlık, 'zmıatanoy ğarnıc.

Барбук: 'gnoıoy 'ıabřık, 'břazyoy gřıp, bėy přeřk, 'xromoy 'ģıbel, 'vaboç stuı, 'cuřkoç korp, 'vyřeçoy bom, 'młıńcoç kameň.

Мост: 'colkoç 'kařcık.

Рогов: 'colkoç roř, 'plotoy slup, 'ıablukoç, 'kruřkoç, 'veřřnoç bom, 'mlyńıkoç, 'pakařoy 'borřa.

Заброд: 'kosoç bom, 'ryboç gat.

Терпе: 'głınoç 'boden. Вследствие этого форма прилагательных мужского рода в контексте может выступать в двух фонетических вариантах — с гласным *y* в окончании и без него.

В позиции начала слова фонема [i] в разных говорах имеет неодинаковую фонетическую реализацию.

В говорах деревень Грожище, Барбук, Мост, Рогов представителем фонемы [i] в начале слова является гласный *y*.

Грожище: 'namřı yř, yř na 'řaru, ve'lıka 'yca (<Hitze).

Барбук: 'ykawa, 'ykař, 'taka 'yca (а также 'hyca), yř, 'gyreř 'yře.

Мост: 'ykawa, 'yca, yř.

Рогов: 'ykawa, 'yca, yś, 'ympaś.

Гласный *y* в этих говорах — основной вариант фонемы [i], так как именно гласный *y* может выступать в позиции, необусловленной качеством предшествующего согласного. Возможность употребления гласного *y* в начале слова — следствие тех фонетических процессов, которые в перечисленных говорах имели место в названной позиции. В силу того, что сочетание **ʝ* в начале слова в большей части случаев утратилось (ср. *te, gra, graś, 'škřicka, 'špa*), гласный *i* в начале слова оказался представленным лишь в немногих словах. Но и в этих случаях перед начальным *i* развился протетический заднебный звонкий спирант *h*.

В связи с тем, что нижнелужицким говорам было чуждо употребление гласного *i* после заднебного спиранта (ср. 'xysiś, 'xyla), произошло изменение *i* > *y* после *h*. Изменение это было облегчено тем, что гласные *i* и *y* функционировали как представители одной и той же фонемы. В дальнейшем произошла утрата протетического *h*, и стало возможно употребление гласного *y* в начале слова. Гласный *y* беспрепятственно сохранился в начале слова, так как в тот период, когда в начале слова не были возможны ни *y*, ни *i*, ни один из этих гласных не представлял собою основного варианта фонемы, употребление их обоих одинаково было связано с качеством предшествующего согласного элемента.

В говорах деревень Заброд, Терпе, Бяздов протеза *h* сохраняется перед начальным *y*, поэтому здесь представителем фонемы [i] в начале слова является гласный *y* с протезой *h*. Отдельные случаи отсутствия протезы перед *y* встречаются и в этих говорах.

Заброд — *na 'mêru^h yś, 'hympaś*, а так же 'fort yś.

Терпе — 'hykawa, ^hyś, 'hyžno, 'hytca и *my 'comy yś*.

В говоре д. Бяздов в начале слова наряду с гласным *y* с протезой возможен гласный *i* с протезой. Это — произносительные варианты, а не противопоставление гласных *y* и *i* в начале слова. Ср. *hyc, 'hykačka, 'hiča, hić, 'hinac*. Гласный *i* с протезой отмечен и в говоре д. Терпе в слове 'hička.

§ 6. Фонема [o] употребляется как после твердых, так и после мягких согласных и представлена гласным заднего ряда среднего подъема лабиализованным *o*.

Грожище, Барбук, Мост: 'topiś, 'še(ê)sto, 'dobry, sof, 'usoko, 'le(ê)zo (3 л. ед. ч.), noc, 'noga, 'droga, mrok, 'poŋny (Мост — 'poŋny), bok, 'pismo, 'domoi, 'dřewo, woŋ (Мост — wyf), 'kokot, skop, 'zagon, 'zaxopiś, 'šorca, 'zapražona, 'iacor, 'cora;

'šota, 'šopny (Мост — 'šopty), 'šćokaś, 'ćoxu, 'saižonk, 'žoučo, 'přace'nowa, 'cřowo, fot, lot, 'daloko, 'duřons, 'štařo (3 л. ед. ч.), 'něb'no, zlu'bony, m'ot, 'vezm'om, 'řopka.

Рогов: *pôstola*, 'dojis, som (1 л. ед. ч.), 'kuzol, 'okno, 'rotno, 'klobyk, 'kobolk, 'slowo, 'okolo, 'bycko, 'zagonk, 'suxo, šoу, 'možomy (1 л. мн. ч.), ly'couko;

uplašonk, 'šćogno, 'bačo, ra'žony, zapuk'ňona, gr'oblo, low, 'xlow, 'xořjo (3 л. ед. ч.), 'drob'iona m'iot, 'lan'iom, 'zna'iom (1 л. ед. ч.).

Заброд, Терпе: 'stolcyk, 'stoie (3 л. ед. ч.), 'dois, 'iason, 'gusor, 'zelezo, 'zerno, noš, 'gromaže, 'pořer, bom, 'dumoki, 'štucocyš, woуs, 'skokaš, 'zagon, 'xořinaš, 'žona, 'čorvik;

'stašowŷ, 'kosyš:o, 'šopуy (Заброд—'čopуy), 'rožony, 'ieždžo, 'čeňjo, 'peřioуy, lot, 'dub'ionki, m'iot, 'ioguа.

Бяздов: 'žŷto, 'često, 'doňica, 'susot, 'gnoic, 'roskiduac, ten 'pot (> p'ot), 'pomoc'nik, 'sobota, 'moda 'kokoš, 'namoc'ene 'žŷto, 'wobet, 'štucocyš, 'kokula, 'xopeňk, 'šoluany, 'šouta, 'žouck, 'ňico, 'kôcor;

'kopcowy, 'kôcoу, 'wučoba, 'budžo (3 л. ед. ч.), 'čiňjo (3 л. ед. ч.), styřjo, 'c'opу, 'xôlowy, 'gôib'ioу (род. мн.), 'ioguа.

§ 7. В исследуемых говорах имеется гласный заднего ряда средне-верхнего подъема, узкий, сильно-лабиализованный *ô*. Условия появления этого гласного и широта его распространения по говорам неодинакова.

В говорах, входящих в состав коттбусского наречия, гласный *ô* произносится в позиции перед губными согласными, главным образом *w(у)*, реже перед другими. Гласный *ô* в этих говорах появляется редко, обычно в той же позиции произносится гласный *o*.

Грожище: 'lid'owaš, kô'wale, ve'iakôу, stôу, rôу, 'strôušy, tši 'krôуy, 'žôuka.

Барбук: pôur 'kyrcа, nawô'žeňa, 'rôуno, stôу|stuu, 'côukou korp, pôu'oka и b'ôzda, 'žôuka.

Мост: dô py'stoli, 'strôуy и tôžyš:o, 'žôuka.

В этих говорах гласный *ô* является факультативным позиционно обусловленным представителем фонемы [o].

В говорах д. Рогов и говорах, входящих в состав среднепограничного диалекта, гласный *ô* развился главным образом в результате происшедшего некогда изменения *o* > *ô* в позиции после губных и заднебных согласных не перед губными и заднебными. Гласный *ô* появляется преимущественно в начальном слоге слова.

В современных говорах последовательность употребления гласного *ô* в указанной позиции нарушена; вместо ожидаемого *ô* здесь нередко произносится *o*. При этом выбор гласного не связан ни с каким дополнительным позиционным фактором. В одной и той же морфеме, в одной и той же позиции может произноситься как *ô*, так и *o*.

Рогов: 'pôipas, 'spôrny, zbôrk, bôl, môtk, 'môdrac, 'vôtšy, vôsk, kôň, 'kôcka, kôrc, gôlc, gôšc, 'xôžizš; 'pôlo, 'špôda, 'gôspôdar, 'pôsat, bô'lece, 'môžo, 'môla, 'môro, 'vôset, 'svôžizba, 'vôiak, 'vôda,

skô še, kô'žyšćo, 'kôza, 'gôtowaś, 'gôle, 'gôdy, 'xôry, xô'łacka; и в то же время 'boży, se'bołaś, 'bošan, 'postroŋk, p'o'rožiś, na 'poli, mod'lita, morzgle, 'motaś, 'možno, most, 'dwoje, 'wojak, votsto'łana 'voda, 'kocka, 'koltar, ko'nope, ko'łasko, gość, golc, 'xołziś, opxo'łzona, 'gody, vôt 'got, 'xoina и т. д. В этом говоре гласный ô в начальном слоге отмечен в единичных случаях: navô'zenar, obvôra'neju, ros'pôraś.

Заброд: 'pôstawa, 'spôtki, 'pôdvesk, bôrk (< zborck), bôl, môi, môst, 'wôtgotuaś, wôsk, vôs, 'skôrka, 'kôtko, kôn, 'gôrki, gôip, xôina, xôi (< xôul), 'xôłziś, 'bôlei, 'bôna, 'pôseñene, 'spcze, 'pôlo, 'môtas, 'môla, 'môlei, 'vôda, 'wôsepica, 'kôlebaś, 'kôfeñ, 'kôcor, 'gôdouny, 'gôra, 'gôspodař, 'xôžyšćo, 'xôlowy, 'xôdota — и pon 'потом', spotk, 'postroŋk, 'požzomy, 'polak. 'spozy, 'bocon, 'boli, 'možu (3 л. мн. ч.), 'moteiduo, te 'wose, 'woraś, votopeś, 'twor, škorc, 'kośidua, 'koso, goip, ia xoïdzim и т. д. В этом говоре произношение гласного ô последовательно ограничено начальным слогом слова, а так как ударение всегда падает на начальный слог, то и положением под ударением (исключения единичны, например фамилия 'nakôñc). В связи с этим имеем чередование ô:о в зависимости от передвижения ударения: z 'gôry:'na goru, 'gôtuaś:'wôtgotuaś.

Терпе: 'pôžerk, 'spôrowaś, pô'žycyś, 'bôliś, 'bôsy, nei'bôlei, 'môzale, 'môže (3 л. мн. ч.), môst, kârc, kô'sula, kônc, 'kôcor, kô'ryto, tei stei dwôi'nikai, 'wôña (3 л. ед. ч.), 'wôtamknuś, 'vôjak, 'svôizba, 'kôlnia, 'gôle, gôip, 'gôrka, 'xôry, xôi и 'na tym 'boce, 'boli (3 л. ед. ч.), škorc, 'koza, twor, most, 'mostu, do 'wojny, 'wojka, 'woraś и т. д. Чередование ô:о в зависимости от положения слога в слове (словосочетании): môc:'potocnik, z 'gôr y:'na goru, 'skôrka:'vôt skorki, 'pôlo:'na polo, 'môie:'vôt 'moix.

Бяздов: 'pôskać, 'pôlo, 'pôtkowa, 'bôsy, 'bôlei, 'môzgi, môst, 'môtyka, štvôrtk, wôst; 'wôsepice, 'kôcoy, kôsc, 'kôcor, 'kôžany, 'gôñic, se 'gôlic, gôip, na 'gôru, 'xôry и 'pojedzomei, 'moteiduo, 'wocko, 'koślu (вин. ед.), koñc, 'kosmy и др.

Гласный ô в этих случаях первоначально функционировал как представитель фонемы [o] в первом слоге слова после губных и задненебных согласных не перед губными и задненебными. Однако в настоящее время в исследуемых говорах эта позиционная закономерность в употреблении гласных ô и о нарушена.

Изменение согласного t > ц привело к появлению целого ряда слов, в которых, несмотря на наличие соответствующих позиционных условий (после губных не перед губными и задненебными), никогда не выступает гласный ô, а всегда лишь о.

Заброд: uoi, 'suotki, zuość, xuoTk, 'uocyś, do 'uôza, 'kuoñca, puot, 'boško (< błoško), 'mody (< młody), mośiś.

Терпе: 'muody и 'mody, 'možica, 'uois, 'uoni, zuość, guos.

Бяздов: 'moćic, mošk, xotk, pot (< plot), 'stpuocyś.

Отсутствие изменения $o > \hat{o}$ в этих случаях создало бы возможность противопоставления гласных $o - \hat{o}$ (даже при их параллельном употреблении: *'môdry/modry* — только *'mody*), однако этому препятствует то обстоятельство, что гласный \hat{o} выступает еще и в других случаях, где он определенно является представителем фонемы [o], а именно — после любых, преимущественно твердых, согласных, перед губными согласными, главным образом $w(u)$.

Заброд: *'pasmôu* (род. мн.), *'nitkôu*, *'iaikôu*, *'štykôwaš*, *'zeipôwa*, *'sûôwo*, *'zumôwaš*, *'pôtkôwa*, *'krôwa*, *dôu*, *'nôwa*, *'strôušy*, *žôutk*, *žôuck*, *'kašlôwaš*, *te žôuki*.

Терпе: *stôu*, *'krôwôu*, *'narôwaš*, *'kôcôr*, *iaikôu*, *žôuc*, *pôtkôwa*, *vo'iaikôu*, *'iažôu*, *'žêkôwaš*, *'strôwy*, *'žufôu*, *'kôňôu*, *'guôwa*, *'mandlôwaš*, *'žufôu*, *'kôňôu*.

Бяздов: *'kôlepkôwaš*, *'zeipôwa*, *'wôrdôwaš*, *'pôbedny*, *'strôwy*, *'raznôwaš*, *wôt 'wowôu*, *'krôwescy*, *'kneplôwy*. Во всех подобных случаях возможен и гласный o .

В случаях $pôu$ 'носу, $wôu$, $kôu$, $'okôu$ (Заброд), $wôu$, $pôu$ 'носа (Терпе) не совсем ясно, является ли здесь гласный \hat{o} результатом изменения $o > \hat{o}$ после губных и задненебных не перед губными и задненебными (в данном случае перед t) или же развился под влиянием последующего губного u . Может быть, более вероятно второе, так как в этих же говорах отмечено *'goçu*, *'smoçu*, *'poçoň* (Заброд); *'goçu*, *'uokoçu* (Терпе).

В говоре д. Рогов на месте t представлен согласный l — среднее, поэтому здесь отсутствуют те нарушения первоначального позиционного употребления гласных \hat{o} и o , которые в других говорах обусловлены изменением $t > u$. Ср. Рогов: *glos*, *'losy*, *'loňi*, *'loňiš*, *'plotno*, *klos*, *'locyš*, *xlotk*, *'zloto*, *klôňica*.

Однако и в этом говоре имеются случаи произношения гласного \hat{o} за пределами позиции после губных и задненебных не перед губными и задненебными. Ср. *'brôžňa*, *'krôwa*, *rôl*, *prôlôwaš*, *'skôpesc* 'meso.

Таким образом, в исследуемых говорах первоначальная позиционная обусловленность употребления гласного \hat{o} нарушена и заменена другой: если раньше гласный \hat{o} выступал после губных и задненебных не перед губными и задненебными, то теперь позицию употребления гласного \hat{o} можно определить как позицию в соседстве с губными и задненебными согласными вообще (ср. *'kôza*, *'wôda*, *wôu*, *kôu*, *'krôwa*, *'nôwa*).

Гласный \hat{o} находится в параллельном употреблении с гласным o : вместо \hat{o} всегда может быть произнесен гласный o , но не наоборот — не всегда гласный o может быть заменен гласным \hat{o} .

Гласный \hat{o} наряду с гласным o является представителем фонемы [o]. Но в отличие от гласного o гласный \hat{o} является

факультативным, позиционно ограниченным представителем фонемы [o].

Гласный *ô* при некотором утрировании его артикуляции изменяется в гласный *u*. Подобное изменение довольно часто встречается в говорах деревень Рогов и Заброд, в говорах же деревень Терпе, Бяздов — реже, как как здесь гласный *ô* имеет менее напряженную и закрытую артикуляцию.

Рогов: *na 'puli, 'pudryś, zburk, kmuś, mił, zwun, 'vurɛx, 'vulɛcy, 'skurŋi, ku'ryto, 'kuzol, na 'guɛ, xu'dota* и т. д.

Заброд: *busy, na 'musce, pŋi 'vuzu, na 'svuio pulo, 'kuleno, 'kurabiɛ, z 'kulesom, z 'gury, 'gula, 'xurośc, 'kruwa* и т. д.

Терпе: *skut, 'skurpina, 'skurka.*

Бяздов: *'rozmuda, 'skurŋe, 'xuica, 'kureŋ, to 'wiŋaŋe.*

Изменение *ô > u* наблюдается и в тех говорах, где гласный *ô* представлен только перед губными согласными.

Грожище: *'struwośc, stuɥ, 'zagruwk, 'gryuka; род. мн. — 'kŋigruɥ, 'grybuɥ, xɛ'roścuɥ, 'geścuɥ, 'uoksuɥ, ge'rubuɥ.*

Мост: *'zagruwk, 'mužo* (3 л. ед. ч.), *tu'žys:o; род. мн. — 'bratsruɥ, xy'roścuɥ|oɥ, 'cartuɥ.* Барбук: *'kobuɥk, род. мн. — 'babuu.*

Возможность произношения в одной и той же морфеме и в одной и той же позиции гласных *o, ô*, с одной стороны, и гласного *u*, с другой, ведет к тому что фонемы [o] и [u] начинают оформлять фонетические дублиеты слов (*'koɛŋ/'kôɛŋ/'kuɛŋ*), а это ослабляет смысловозначительную значимость противопоставления фонем [o] — [u].

§ 8. Возможность употребления фонемы [o] в начале слова и ее фонетическая реализация в этой позиции неодинаковы в исследуемых говорах. Это различие обусловлено разным качеством и разной судьбой протетического согласного в отдельных говорах.

В говорах, входящих в состав котбусского диалекта, и в говоре д. Рогов протетический согласный был утрачен перед гласным *o*, за которым следовал губной или задненебный согласный⁵. В остальных же случаях протетический согласный отождествился с согласным *w(v)*, представляющим фонему [v]. Вследствие этого в названных говорах фонема [o] широко известна в позиции начала слова, где представлена гласным *o*. Ср. в говорах деревень Грожище, Мост, Барбук, Рогов: *'opask, 'obe(ê)t, 'obryc, 'oɛŋ, 'okno, oɥc, 'oxlica.* Начальный гласный *o* в словах немецкого происхождения: Грожище: *'oldar* (< *Adler*), *or'nodyl* (> *Haarnadel*). Барбук: *'omatka* (> *Ohnmacht*).

В говорах деревень Заброд, Бяздов протетический согласный, развившийся некогда перед начальным *o*, последовательно со-

⁵ Ср. Z. Stieber. *Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich.* Kraków, 1934, стр. 59.

хранился и отождествился с согласным $w(v)$, представляющим фонему [v]. Заброд: 'woblac, 'wobuś, 'wouś, 'voset, 'wobruc, 'wôcki, 'wôlei. Бяздов: 'wopyś, 'wôtcube, 'wôhropić, 'wôlśa, 'wob-grodźeny, 'wobuć, 'woklepк. Вследствие этого по существу становится невозможным употребление фонемы [o] в начале слова. Имеется лишь несколько слов, в которых фонема [o] выступает в начале слова, реализуясь в гласном о с протезой h . Почти все эти слова восходят к немецким, содержащим начальный согласный h . Ср. Заброд: ^honak (< Hahn), ^hoka (< Haken), ^hoder (< Hader); Бяздов: — ja 'bydlim ^hoу, ^hoder, ^honak. Спирант h в словах немецкого происхождения приравнен к протезе — сигналу начала слова, во-первых, потому, что в говорах нет фонемы, представленной согласным h , а во-вторых, потому, что протеза h в этих говорах выступает и перед другими начальными гласными, как это было показано выше. Характерно, что в тех говорах, где имеется тенденция к утрате протезы, утрачивается и начальный согласный h в словах немецкого происхождения. Ср. в говоре д. Грожище or'nodŷl < Haarnadel; в говоре д. Рогов ja som śla 'juter 'olit (< holen).

В говоре д. Терпе перед начальным гласным о развился протетический согласный двух видов: билабиальный спирант, отождествившийся с согласным $w(v)$, представляющим фонему [v], и задненебный (или гортанный) спирант h . Ср. 'wokno, 'woptreś, 'woblekas, 'wokoу, 'woset, 'wouś; wej ^hobej 'siżotej ^hoу, se ^hobesyś, ^hobzeуś, ^hobwaręne, ^hobet, ^hobmywaś. Нередко одно и то же слово может выступать в двух вариантах — с начальным w и h . Ср. ^hoblico/'woblico, ^hopyś/'wopyś. Вероятно, спирант h имеет более позднее происхождение⁶; об этом свидетельствуют такие примеры, где h заменяет w , не являющееся по своему происхождению протетическим. Ср. ^hordowaś (< нем. werden), ^hopata (< 'уората < topata).

В этом говоре зафиксированы и случаи произношения в начале слова гласного о без протезы: 'obřeżowaś, 'obesyś, 'obuś, 'obworowaś, oko'powaś, na'obyma, 'obet, po o'beżé.

Таким образом в этом говоре фонема [o] в начале слова может быть представлена как гласным [o] с протезой h , так и гласным о без протезы. При этом всякое слово, имеющее в своем начале фонему [o], может выступать и во втором варианте, а именно — с фонемой [v] перед о. Именно этой возможностью объясняется существование таких произносительных вариантов, как ^hoblico/'woblico.

§ 9. Фонема [u] представлена гласным верхнего подъема заднего ряда лабиализованным u . Она употребляется как после твердых, так и после мягких согласных.

⁶ См. К. Е. Мукке. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, стр. 289.

Грожище, Барбук, Мост, Рогов: 'tucne, 'tuna, duś, 'dūpíš, 'sused, suk, zur, 'nući, 'padnuś, 'krupy, pup, 'muka, 'smuga, kur', kus, gus, 'xudy, cuś, 'tšuna;

pj(ó)še'lešu, 'ćumaś, kśut, 'zbeścujo, 'pěścu (тв. ед.), 'žuřka, kluc, luś, 'luby, dñu, 'vele ty'žeñu, ve 'kuřu, brux, na 'ñeb'u, 'stař'u, 'gřeb'u, 'iama'u/'lamju/'lamju (3 л. мн. ч.), 'iuxa.

Заброд, Терпе, Бяздов: vot 'skōtu, du (3 л. мн. ч.), 'suśyś (Бяздов—'suśyć), 'zupa, 'nuxaś(ć), 'ruka, pić, 'bruslac, muž, 'vuǰel, 'kuřwaǰida, 'zgubiś(ć), 'zberxu, 'šula, 'cukor; 'piś(ć)u (местн. ед.), ćup, 'iaćuber, k 'rañu, na 'keřju, 'bluwaś, luś, 'iuxa.

Фонетическая реализация фонемы [u] в начале слова в исследуемых говорах неодинакова, что связано с различной судьбой протетического согласного перед начальным и в этих говорах.

В говорах деревень Грожище, Барбук, Мост, Рогов протеза перед начальным и или не развилась или, если развилась, то полностью утратилась. Поэтому здесь в начале слова широко представлен гласный u, который и является представителем фонемы [u] в этой позиции. Ср. 'uxo, 'uǰerk, 'utřeś, 'ugle, uǰk, 'udojć, 'upac, 'uǰoř, 'uknuś. В говоре д. Мост отмечено также — 'wucabñik, wuźe'kowaś; в говоре д. Рогов — ul и wul.

В говорах деревень Заброд и Терпе перед начальным гласным u протетический согласный выступает в двух видах: билabiaльный спирант w, отождествившийся с согласным, являющимся представителем фонемы [v], и заднебный (или гортанный) спирант h. Многочисленны также случаи отсутствия протезы перед начальным u. Нередко одно и то же слово может произноситься и с протезой и без нее.

Заброд: 'wugnaś, 'wumjty, 'wuske, wutk, 'ia 'wuknu, 'huseta, 'traǰida, 'hupak; se 'utřeś, 'upśenuś, 'ubegaś, 'užeñć; 'uski и 'wuske, 'uxo и 'wuxo и т. д.

Терпе: 'wuǰerk, 'wuśy, 'wuřezowaś, 'wuski, 'wuñeść. 'husoki, 'haknuś, 'hukranuś, 'humyty, 'hupac, 'uknuś, 'uxowaś, 'usoki, 'ucycśiś 'uřeźany, 'uñe, 'uźba, 'užeñć, 'uśy и т. д.

В этих говорах фонема [u] в начале слова представлена гласным u, который может сопровождаться, но не всегда, протезой h. При этом каждое слово с фонемой [u] в начале может выступать в ином варианте, а именно — с фонемой [v] в начале слова перед u (huxo/uxo/wuxo).

Аналогичная ситуация представлена в говоре д. Бяздов. Здесь протетический согласный w примкнул к фонеме [v]. В то же время нередко согласный w перед начальным u может и отсутствовать. Ср. 'wućoba, 'wusknuć, 'wuryć, 'wuñe, wuřezać, ia du na 'wuǰdźbu, 'wuknuć, 'wudawać, 'wuǰel, 'wudoǰena 'krowa, 'wuśy, 'wuxyćić и 'uski, 'usknuć, 'uryć и т. д.

В этом говоре фонема [u] в начале слова представлена гласным u; слово с начальным u может выступать и в ином варианте — с фонемой [v] в начале слова перед u.

§ 10. Фонема [a] представлена гласным непереднего ряда нижнего подъема нелабиализованным — *a* — и употребляется как после твердых, так и после мягких согласных.

Грожище, Барбук, Мост, Рогов: 'stary, 'dawaš, 'prosař cazař, naš, 'krajuńik, spaš, 'bardo, 'mazy|mały|maly, 'zamaš|łamaš|łamaš, 'swaźba, 'kacka, dgaš, pxa, 'tšaqa, 'žaba, 'iařica, cart;

"šajki, 'šcaška, 'žaseš, žaš, ňašć, 'kuř'awa|kuřawa, lan, 'kšebjat, pac|pjac, smáš|smiaš, 'mjaza, 'głargawa, pšes'kjaržyš, iacor, iaden;

Заброд, Терпе, Бяздов: 'šota (в Бяздове — čota), daš (dač), česak, 'zarzawy, 'naletna, 'praiš ('praić), 'žibawy ('džibawy), 'baba, pas, 'kapalica, 'matny, puat, 'nitkaty, pxa, šant, žaga, 'carny; 'šajki (Бяздов — 'cajki), 'čaška (Терпе — 'šcaška), 'šcakcy (Терпе — 'pšakcy), 'žiases (Бяздов — 'džases), 'sukña, ňiasć, řiap, 'iacerja, plaš (Бяздов — plac), 'kšebjat (Бяздов — 'šcebjat), řiasć, mjac, 'šes'kjaržyš (Бяздов — 'šes'kjaržyć), 'gjaršć, 'jasele, 'jara.

В начале слова гласный *a* употребляется только в словах немецкого происхождения и в аппелятивах. При этом в тех говорах, где отсутствуют протетические согласные, начальный согласный *h* в немецких словах утрачивается, будучи приравнен к аналогичной протезе.

Грожище, Барбук, Мост, Рогов: 'adřik (<Heiderich), 'amster.

Барбук: 'amstrař (<Hamster), 'antwal⁷, 'abmos (Мост, Рогов — 'ambus), 'aster, 'anglowaš, 'apka, 'ampo, 'andryški, 'ajta-ajta;

Рогов: 'amer (<Hammer).

В тех говорах, где начальные гласные сопровождаются протезой, начальный согласный *h* в словах немецкого происхождения сохраняется и функционирует как протеза. Ср. в говоре деревень Заброд, Терпе: ^hadřik, ^hamster, ^halster (<Halfter).

В говоре д. Бяздов протеза *h* перед начальным *a* отмечена в слове 'hajtka, д. Терпе — ^hajta-^hajta.

§ 11. Сочетания гласных в исследуемых говорах представлены лишь в немногих случаях. В основном они обязаны своим появлением утрате согласного, находившегося между гласными.

Грожище: kost'a'nia < kostanija, mst'e'idyo < motojidlo, 'čusek и 'cusejak.

Мост: 'ctsek/'ctysek, za'eka, 'pługoy < вин. дв. pługowu.

Барбук: 'cusek, 'tauk < taług, za'eka, mro'išćo < mroišćo.

Заброд: 'gnoimy (1 л. мн. ч.), 'dreane и drej'ane, 'stoeca и 'stojeca, ja 'praim, 'staiš, 'kšuišćo < kšuišćo, 'gaus < gatuz, 'řioco < řigoco.

⁷ Этимологию слова 'antwal как содержащего нем. Hand- дает П. Вирт. — P. Wirth. Beiträge zum sorbischen (wendischen) Sprachatlas, I, стр. 34.

Терпе: 'gnois, 'prais, ten 'dai; в слове 'zauz гласный и развился на месте ц.

Бяздов: 'cyeek, se 'daič, 'doič, 'praič, 'gnoič, 'dreane 'tofle; в слове 'šmauc — гласный и на месте ц.

Сочетания гласных содержатся также в некоторых словах немецкого происхождения. Ср. 'šnauca < schнауze, 'pauka < Pauke, 'radio, be'amter.

Первоначальные сочетания гласных представлены в словах 'pauk, 'paucyna, а также на стыке приставки и корня — 'naobedowany (Мост), ia som 'naucony (Барбук), и в звукоподражательном 'maucu (Заброд).

§ 12. Между исследуемыми говорами имеются значительные различия в отношении ударения. Эти различия касаются как силы экспираторного ударения, так и его прикрепленности к определенному слогу.

В говорах, входящих в состав коттбусского диалекта, экспираторное ударение имеет незначительную силу и слабо выделяет ударенный слог среди прочих. В говорах же средне-пограничного диалекта ударенный слог по своей экспираторной силе четко противопоставлен остальным слогам в слове. Говор д. Рогов в этом отношении стоит ближе к говорам средне-пограничным.

В двухсложных словах во всех говорах ударение падает на первый слог. Что касается слов, состоящих из трех и более слогов, то здесь по говорам представлена различная ситуация.

В говорах деревень Рогов и Грожище в словах, состоящих из трех и более слогов, ударение обычно падает на предпоследний слог. Словообразовательные и формообразовательные изменения, связанные с увеличением количества слогов, в этих говорах сопровождаются передвижением ударения на предпоследний слог.

Рогов: ouš/ouš'niščo, 'še/e'še'leši, 'skoše/sko'setou, krauc/krau'-soca, žyt/žy'douka, 'gulup/gu'lub'ou, ryš/ry'jomy, 'cesas'ce'sawa, 'pšeza/pše'd'nica, 'zvěře/zvě'rešim, 'glowac/te glo'wace, 'uzac/u'zaica, 'ryba/ry'becy, 'vidly/vidlo'wiščo и т. д.

Грожище: to 'veňa/ve'ňaňe, 'mecny/mec'nejšy, 'piše/na'pity, cygel/cygel'ouňa, kowaš/kowal'ski, 'tvarc/tvarc'ojski, 'rubak/ru'bakı, 'sekerc/se'kera, suk/su'katy, 'pŷlak/pŷ'lacka, 'prosař/vet pro'saři (род. мн.), 'vŷlak/ve'jowaš и т. д.

Вместе с тем в этих говорах возможность ударения на первом слоге в словах, состоящих из трех и более слогов, не исключена полностью.

Так, ударение на первом слоге последовательно имеют прилагательные, образованные от существительных с помощью суффикса -ov-.

Рогов: 'rotnowy, 'iajowy, 'tvarogouy, 'mlokowyy, 'sepowy, 'puc-koуy и т. д.

Г р о ж и щ е: 'pigowa, 'bogouy, 'p̄erouy, 'doišowy, 's̄eižowa, 'makow̄e, 'ḡrisowa и др.

Ср. также другие случаи ударения на начальном слоге в словах, состоящих из трех и более слогов.

Р о г о в: 'v̄otcyñiś, 'futrowaś, 'narowaś, 'ñamozac, ta 'utera, 'nožym̄i (тв. мн.), 'iac̄s̄'ia, v̄ot 'marx̄eje.

Г р о ж и щ е: 'lidowaś, 's̄ivicowaś, 'mudr̄ejišy, 'zmušona, 'dumoko, 'ñižyna, 'suseda (род. ед.), 'vezets 'gele, 'dājoteł (3 л. дв. ч.), 'kisauy.

В говоре д. Мост в трехсложных словах ударение чаще падает на первый слог. Слова, стоящие из четырех и более слогов, могут иметь два ударения — на первом и на предпоследнем слоге.

Ср. 'v̄jtapeś, 'vytnasona, 'lažescy, ia som 'pytała, 'pyjebaś, 'zazopiś, 'iabr̄aty, 'zmušona, 'nawite, 'usoko, 'napr̄eki, 'senowy, 'ḡrisowa, 'br̄azouy, 'brodaica, 'utšoba, 'kokošam (дат. мн.), 'p̄jstawa, 'paždzēre, 'strom̄jta, 'suseži;

'vytpro'sował, 'pał'ñowa 'lampa, 'zaptašone, 'ḡyto'wali, 'naobedo'wany, 'pynožeje, 'wytproso'wane, 'domar'kowaś и т. д.

Вместе с тем нередки случаи, когда в словах, состоящих из трех и более слогов, ударение падает на предпоследний слог. При этом выделяется ряд словообразовательных типов, довольно последовательно имеющих ударение на предпоследнем слоге.

Это — существительные женского рода с суффиксом -ic-: oxl̄ica, p̄sas'lica, oblekar'ñica, dup'ñica, tkajar'ñica, p̄iakar'ñica, kro'micka, ieś'ñica, p̄se'ñica и 'bružñica; отглагольные существительные среднего рода: ze'syše, ḡri'maňe, žeko'wane, 'zakopo'wane du'peňe — и 'p̄isaňe, 'virowaňe; глаголы с суффиксом -ova-: žê'kowaś, kopic'kowaś, p̄seštry'xowaś, rač'nowaś, zagra'bowaś, fryštu'kowaś.

Однако не следует думать, что ударение на предпоследнем слоге в говоре д. Мост ограничено только этими словообразовательными типами, оно встречается во многих других случаях. В говоре д. Мост наблюдается также передвижение ударения на предпоследний слог при словообразовательных и словообразовательных изменениях, связанных с увеличением количества слогов в слове.

Ср. 'naul̄ac/naul̄akta, w̄era/w̄e'recy, 'ḡjdy/ḡj'douny, 'sl̄epy/opsl̄e'fony, 'm̄jtaś/m̄j'tamy, 'um̄reś/um̄'rety, 'narot/p̄j'roziś, 'grabaś/gra'bišćo, 'pactyř/pas'tyřka, mros/mrozo'waty и т. д.

Говор д. Терпе по месту ударения близок к говору д. Мост. Здесь также в словах, состоящих из трех и более слогов, ударением преимущественно является первый слог. Но в то же время возможно, хотя и реже, чем в д. Мост, ударение и на предпоследнем слоге.

Ср. guss'ñica, ua'sycka, kar'ñikel, 'zvéř'e|tok zvé'reša, kro'micka,

pó'žycyś, ta kśi'viżna, sr'o'mota, ko'pica, par'noxy, kó'ryto, roz'dute,
obet/po o'beże, tva'reńe 'śéle/śe'leśim, 'obwo'rowaś и т. д.

В говорах деревень Заброд и Бяздов ударение последовательно падает только на первый слог. Исключение составляют лишь суперлативные формы. Ср. Заброд: *na'ibôlei na'ilepsy;* Бяздов — *na'uscziśy, na'uśei, na'menśy.*

Различие в месте ударения в исследуемых говорах сопровождается различием в той функциональной нагрузке, которую несет на себе ударение.

В говорах, подобных говору д. Заброд, функция прикрепленного к определенному слогу ударения ограничена ролью знака, выделяющего слово как таковое в контексте.

Более широкую функциональную нагрузку несет ударение в говорах деревень Рогов, Грожище, Мост. В связи с тем, что в этих говорах различие в месте ударения может быть сопряжено с определенными словообразовательными и формообразовательными типами, ударение здесь не только выполняет роль знака, выделяющего слово в контексте, но может являться признаком определенного грамматического типа (например, прилагательных на *-ov-*, существительных женского рода с суффиксом *-ic-* и др.).

§ 13. Анализ системы вокализма говоров, входящих в состав трех разных нижнелужицких диалектов, свидетельствует о том, что эти говоры весьма различны по своему звуковому составу и тождественны по составу фонематическому.

Для вокализма исследуемых говоров характерно то, что в пределах среднего и верхнего подъема различие между артикуляцией переднего и среднего ряда не имеет функционального значения и гласные переднего и среднего ряда в пределах одного подъема функционируют как представители одной фонемы (*e* и *ε* — фонема [e], *i* и *y* — фонема [i]).

Система вокализма строится на основе следующих дифференциальных признаков: верхний — верхне-средний — средний — нижний подъем; в пределах верхнего и среднего подъема — передний и непредний (или задний и незадний) ряд; противопоставление по ряду сопровождается противопоставлением по наличию или отсутствию лабиализации. Подобную систему можно представить следующим образом:

i	u
ê	
e	o
a	

Подобная система вокализма максимальна и весьма неустойчива. В связи с тем, что фонема [ê] являет собой необязательный элемент системы и склонна отождествиться с фонемой [e].

приведенная выше система имеет тенденцию заменяться другой, различающей всего три подъема:

i	u
e	o
a	

Для системы вокализма исследуемых говоров характерно наличие и других факультативных, необязательных элементов.

Так, во всех говорах, хотя и в разной степени, в определенной позиции после твердых согласных ослаблено противопоставление между гласными фонемами среднего и верхнего подъема: противопоставление фонем [i] — [e] может нейтрализоваться в [ÿ], противопоставление фонем [o] — [u] — в [u]. По идее, в позиции после твердых согласных наряду с приведенной выше возможна еще и другая система вокализма, состоящая из трех фонем и различающая всего два подъема — верхний и неверхний, т. е.

ÿ	u
a	

Однако реализация этой системы не обязательна, она может осуществляться, а может и не осуществляться.

Отсутствует твердая норма и в фонетической реализации отдельных фонем. Так, по говорам фонема [o] может быть представлена в одной и той же позиции как гласным o, так и ô, фонема [i] — гласным y и ÿ, в начале слова фонемы могут реализоваться в звуке с протезой и без нее.

Различия между ударенным и безударным вокализмом в исследуемых говорах нет.

3. ТОПОЛИНЬСКА

(Польша)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СЕРБО-ЛУЖИЦКИХ АФФРИКАТ

(изменение *tr̥, pr̥, kr̥* в *ć, (p)ć, sć* в слепянском и мужаковском диалектах)

Данная статья является попыткой разрешения одного частного, но не выясненного до сих пор вопроса из истории лужицкого консонантизма. Как известно, оба сербо-лужицких языка имеют в своем фонематическом составе наряду с *r* также *r̥*, возникший из праславянского *r* в позиции перед *j* и перед гласными переднего ряда. Частота появления этих фонем в ходе развития сербо-лужицких диалектов была ограничена вследствие тех изменений, которым подверглись на всей сербо-лужицкой территории группы *tr̥, pr̥, kr̥* и на значительной части нижнелужицкой территории группы *tr, pr, kr*. В данном случае речь идет именно об ограничении частоты явления, так как те же самые группы нового происхождения, возникшие в результате метатезы или исчезновения редуцированных гласных, сохранились вообще без изменений.

Вопрос, который я хочу затронуть, касается судьбы рефлексов групп *tr̥, pr̥, kr̥* в слепянском и мужаковском диалектах на юго-востоке Нижней Лужицы. В июле 1961 г. я принимала участие в обследовании говоров, проводившемся сербо-лужицкими диалектологами на территории мужаковского диалекта, в деревнях Вускидь (нем. Weisskeissel, луж. Wuskidź), Яблоньц (нем. Gablenz, луж. Jabłońc) и Скарбишойце (нем. Skerbersdorf, луж. Skarbišojcy)¹.

¹ Собранный нами материал принадлежит диалектологической секции Ин-та лужицкого народоведения в Будишине (Institut für sorbische Volksforschung—Institut za serbski Ludospyt). Я сердечно благодарю руководство Института за предоставленную мне возможность использовать эти материалы.

Я записала в этих деревнях следующие формы с рефлексамии данных групп согласных:

pr — *časć* (W)², *p^hčasć* (J), *pčadla* (J), *napčazene* (W), *časćica* (W), *zapsćak* (W), *zapsćanuć* (J), *pčaćelka* (S); *kopšywa* (W), *kopćiwu* (J); *ćić* (W), *pćić* (S), *ćišla* (W), *ćib^hera* (W), *ćitwark* (W), *ćitwark* (J), *ći nas* (J); *ćegrats* (W), *ćeskarženy* (W), *ćestań* (W), *ćětok* (W), *šćitok* (W), *ćýtok* (S), *popć* (W), *popć* (S), *pópr* (J); *jępć* || *jępś* (J), *jępć* (S).

tr — *šćina* (W), *šćina* (J); *šćaski* (W), *šćaski* (J); *šćělic* (W), *šćelać* (J, S); *iasćerp* (W), *iasćeř* (S); *wósćeza* (W), *wósćeza* (J); *ći* (W), *ćeci* (W); *časć* (W); *nućka* (W); *wiće* (S), *wićeńe* (J); *kósćeńc* (J), *kósćeńc* (J), *bućapka* (J, S).

kr — *ćesćijan* (W), *ćesćijan* (J), *ćisćian* (J); *šćić* (W), *šćić* (J, S); *šćiš* (W, J), *šćizńa* (W); *šćida* (J); *šćidło* (W), *šćidło* (J); *šćut* (W), *šćut* (J), *šćut* (S), *čužišćo* (S).

Эти записи, отражающие известные колебания, связанные с индивидуальными особенностями речи информатора, ясно говорят о рефлексах (*p*)ć, ć и šć. Подобные записи были сделаны полвека тому назад и Щербой в его монографии о Вускиди³. Цитирую:

pr — *ćišćo* (I, 1)⁴, *hinćić* (I, 3), *cur'ik ćišće* (I, 7), *n'idćizj* < *n'ipćizj* (II, 2), *pćišćel* (IV, 8), *ćilećel* (I, 1), *ćiporla* (I, 2); *napćećiwu* (I, 7), *šćitokom* тв. п. (I, 9); *ćicě* (I, 1), *ćistw* (I, 1), *ćispotńe* (I, 8).

tr — *zasćelić* (I, 7); *ćeci* (III, 2); *nućka*, *nuć* (I, 1).

kr — *ćesćian* (I, 4), *šćil* (III, 1); *šćiš* (I, 9), *šćiz* (II, 1).

Щерба отказывается от выяснения генезиса слепянско-мужаковских рефлексов *pr*, *tr*, *kr*. Он относит его к ряду неясных вопросов, отсылая читателя к соответствующим разделам грамматики Муки⁵. В свою очередь, Мука⁶ объясняет каждую из данных групп в отдельности. В мужаковско-слепянском сочетании *ts* < *tr* Мука видит результат нормального нижнелужицкого развития. Первоначальную замену *kr* он записывает в виде *šć*. Это вызывает возражение Щербы, который здесь слышит и записывает *šć*. Новейшие записи в Вускиди и ее окрестностях (ср. выше) заставляют признать правоту Л. В. Щербы и усматривать в группах *šć*, *šć* результаты вторичной ассимиляции.

² Буква в скобках указывает на сокращенное название деревни.

³ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, т. I, Пг., 1915.

⁴ Римская цифра означает серию текстов Л. В. Щербы, арабская — номер текста.

⁵ См. Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 182—183.

⁶ К. Е. Мукке. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, стр. 229—233.

Далее Мука добавляет очень интересную деталь, а именно: «... в верхнелужицком языке подобный переход представлен в единственном слове *kšćć*..., которое теперь в большинстве диалектов звучит как *šćć*».

Больше всего трудностей вызывает у Муки объяснение изменений группы *pr'*, которой он приписывает переход в *ptś*, а затем, факультативно, в *'tś*: «... Учитывая процесс возникновения звука, необходимо отказаться от написания *ć* для *tś* или *tř*, которое иногда встречается». И далее: «Это *t*, кажется, должно было развиться из группы с колеблющимся *r*; впрочем, в Браунсдорфе близ Мужакова, восточнее Нейссе, еще сохранились следы *r*...: *t'si*... *t'seći*»⁷. Нормализованное написание словаря Муки точно отражает изложенные здесь взгляды его автора, лексический материал не вносит ничего нового.

Так кратко представляется вопрос о современном виде рассматриваемых групп согласных и их интерпретациях, дававшихся до сих пор. Теперь напомним важнейшие факты из истории сербо-лужицких аффрикат.

Все четыре аффрикаты, которые свойственны группе западнославянских диалектов в древнейших фазах ее развития, относятся к группе согласных, наделенных акустической чертой «мягкости», т. е., согласно дистрибутивному критерию, эти согласные способны выступать в позиции перед *i* (в оппозиции к согласным, выступающим перед *y*). В пределах этой группы *s*, *š*, *š'* и (очень редко) *ṣ̌* стоят наряду с *š*, *ž* и *j* вне так называемой корреляции мягкости, т. е. не имеют «твердых» оппонентов с той же самой артикуляционной основой. Объединяющей их чертой в системе является способ артикуляции, чертами же, взаимно дифференцирующими эти четыре аффрикаты, являются звонкость и место артикуляции. В диалектах, которые легли в основу группы сербо-лужицких языков, *ṣ̌*, возникший из *g₂* и *dj*, перешел в *z*; в результате этого звук *ṣ̌* стал играть роль позиционного варианта *s*, зависящего от условий сандхи; если принять во внимание, что *ṣ̌*, выступающий исключительно в группе *žṣ̌*, можно, в свою очередь, толковать как вариант *š*, то понятно, что обе звонкие аффрикаты очень быстро оказались вне системы самостоятельных фонем.

Затем следует отметить ряд таких изменений гласных, как верхнелужицкое *e* \geq *a*, верхне- и нижнелужицкое *e* \geq *o*, верхне- и нижнелужицкое *ɛ*, *ɛ* \geq *e*, *o*, утрата *ɛ*, *ɛ* в верхне- и нижнелужицком языках. Благодаря этим изменениям смягченные *t'*, *d'*, *s'*, *z'*, первоначально выступавшие только перед гласными переднего ряда, были введены в ранг самостоятельных фонем. После происшедших изменений система интересующих нас

⁷ К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 232.

переднеязычных согласных, общая для обоих сербо-лужицких диалектных комплексов, была представлена следующим образом:

s z
s' z' c' t' d'
š ž č

Эту систему, достаточно богатую и малостабильную, оба сербо-лужицких языка, каждый по-своему, редуцировали и упорядочили.

В результате инноваций, происходивших на нижнелужицкой территории, пути развития верхне- и нижнелужицкого языков разошлись. Среди этих инноваций первой и наиболее чреватой последствиями был переход $\check{c} > c$ в нижнелужицком языке. Трудно сказать, происходил этот переход до или после отвердения обоих звуков. Во всяком случае, оба этих изменения, т. е. $\check{c} > c$ и отвердение этих согласных, относятся уже к эпохе самостоятельного развития сербо-лужицких диалектных комплексов, как можно заключить из того факта, что в нижнелужицком языке процесс отвердения охватил, кроме s' , z' , c' , также и спиранты \check{s} , \check{z} .

Зато общей для обеих территорий была аффрикатизация t' , d' , датируемая, как и аналогичный процесс в польском языке, XIII веком. Как географическое распространение аффрикатизации, так и совпадающий по времени с аффрикатизацией факт перехода нижнелужицких групп $\check{s}\check{c}$, $\check{z}\check{c}$ в $\check{s}c$, $\check{z}c$, кажется, свидетельствует о том, что аффрикатизация предшествовала изменению $\check{c} > c$ и уж во всяком случае отвердению нижнелужицких аффрикат и спирантов.

После всех этих изменений состав аффрикат и переднеязычных спирантов в современном литературном верхнелужицком языке представляется следующим образом:

s z c
š ž č ǰ

Наименее устойчивым (входящим в наименьшее количество привативных оппозиций) является \check{c} , который по диалектам спорадически утрачивает затвор и переходит в \check{z} ⁸.

Для того чтобы представить себе соответствующую нижнелужицкую систему, необходимо отметить еще одну инновацию, несомненно самую позднюю из всех выше рассмотренных, а именно — известный всей собственно нижнелужицкой террито-

⁸ Ср. Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków. 1934, стр. 60.

рии переход \acute{c} , $\acute{ž}$ в \acute{s} , $\acute{ž}$. Он ясно отражен в орфографии памятников XVI в. После осуществления этого перехода в нижнелужицком языке установилась следующая система:

s z c

š ž

ś ź

Упомянутое раннее отверждение \acute{s} и $\acute{ž}$ способствуют сохранению оппозиции \acute{s} — \acute{s} и $\acute{ž}$ — $\acute{ž}$.

Интересующая нас здесь слепянско-мужаковская территория занимает промежуточное положение по отношению к областям Верхней и Нижней Лужицы. На этой территории прошел процесс изменения \acute{c} в c , а также общелужицкое отверждение ряда s' , z' , c' . Менее ясным представляется вопрос об отверждении \acute{s} , $\acute{ž}$. Так, Щерба в своей монографии определяет вускидские \acute{s} и $\acute{ž}$ как мягкие и пишет после них не y , а i^9 ; Штибер в книге «Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich»¹⁰ интерпретирует это как южномужаковский периферийный архаизм. В моих записях \acute{s} , $\acute{ž}$, представленные, впрочем, небольшим числом, являются в основном, твердыми, за исключением групп $\acute{s}\acute{c}$, $\acute{ž}\acute{ž}$ и двукратной записи $l\acute{ž}ca$, $l\acute{ž}icka$ (W). Аффрикаты \acute{c} , $\acute{ž}$, которые на слепянско-мужаковской территории не утратили затвора, факультативно реализуются и как \acute{c} , $\acute{ž}$, что понятно при отсутствии самостоятельных зазубных аффрикат. Представляется, что таким образом в группе $\acute{ž}\acute{ž}$ мог появиться вторичный $\acute{ž}$, совершенно неизвестный Щербе. Мука, пожалуй, неправильно интерпретирует его как мужаковский архаизм¹¹.

Такой же потенциально широкий диапазон вариантов, как \acute{c} , $\acute{ž}$, имеют в связи с отсутствием самостоятельных \acute{s} , $\acute{ž}$ зазубные спиранты \acute{s} и $\acute{ž}$. Этим можно объяснить сохранение рядом с \acute{s} , $\acute{ž}$ смягченных \acute{s} , $\acute{ž}$.

Подведем итоги. На слепянско-мужаковской территории мы имеем следующее соотношение:

s z c

š (š) ž (ž)

ć (ć) ś (ś)

Теперь остается подумать над тем, что мы знаем о хронологии изменения групп $t\acute{r}$, $p\acute{r}$, $k\acute{r}$ и, в связи с этим, при каких условиях этот процесс проходил в отдельных сербо-лужицких диалектных областях. Terminus a quo дает Мука, когда он пишет, что в XIII в., а может быть, и еще позже, в нижнелужицком,

⁹ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 12—13, 27, 30.

¹⁰ Z. Stieber. Указ. соч., стр. 64.

¹¹ См. К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 214.

как и в верхнелужицком языке вообще еще не существовало изменения *r* в группах *kr*, *pr*, *tr* ни перед мягкими, ни перед твердыми гласными, как свидетельствуют немецкие формы лужицких топонимических названий, зафиксированные в то время¹². Что касается *terminus ad quem*, то тот же Мука пишет, что «перед мягкими гласными группы *kr*, *pr*, *br* встречаются уже в древнейших нижне- и верхнелужицких языковых источниках в соответствии с н.-луж. *kś*, *pś*, *tś* или в.-луж. *ks*, *ps*, *ts*»¹³.

Вибрационная артикуляция *r* обуславливает то обстоятельство, что этот звук, теряя характер сонанта, может равным образом превратиться как в спирант, так и в соответствующий смычный согласный — единственной не безразличной чертой здесь является место артикуляции¹⁴. Помня об этом, не трудно принять, что когда где-то между XIII и XV в. описываемую эволюцию, связанную с утратой звонкости, испытывало лужицкое *r* в группах *tr*, *pr*, *kr*, на верхнелужицкой территории оно было ассимилировано палатальным спирантом *š*, а на нижнелужицкой территории — также палатальной аффрикатой *č*. Примерно в то же самое время в говорах собственно Нижней Лужицы *r* твердое в группе *tr* перешло в *š*, а на северо-западе этой территории подобную эволюцию пережили группы *pr* и *kr*. Согласный *č* как заместитель для мягкого *r* и *š* вместо твердого *r* — это единственная возможность, которой могла воспользоваться нижнелужицкая фонологическая система того периода. Разумеется, мы молча принимаем, что процесс превращения *r* в спирант предшествовал процессу отвердения *š* и *ž*. Согласный *č*, возникший из *r*, на нижнелужицкой территории пережил эволюцию, подобную эволюции *č < t'*, т. е. он везде, за пределами слепянско-мужаковской территории, перешел в *š*. Чем-то вроде непосредственно филологического аргумента именно такой очередности изменений является орфография «Нового завета» Якубицы. Штибер на основании непоследовательной орфографии памятника доказывает, что в период его возникновения переход *č*, *ž* в *š*, *ž* собственно уже совершился¹⁵. Таким образом, подобную картину дают и формы, заключающие давние группы *tr*, *pr*, *kr*, с той разницей, что — если верить фонетическому произношению написанного — там еще ощущается вибрация исчезающего *r*. Именно у Якубицы¹⁶ находим такие записи, как:

¹² К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 229.

¹³ Там же.

¹⁴ Л. В. Щерба. Указ. соч., стр. 57, 60—61; E. Sievers. Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1893, стр. 109, 260; и ссылаюсь, собственно, на Сиверса, так как на его постановку вопроса опирается Мука при рассмотрении эволюции *r*, *r* (К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 220).

¹⁵ См. К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 61.

¹⁶ Цит. по К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 229.

prczyschla, prczysche nutrschayschego, trczy... (Якубица обозначает *ć* через *cz*, реже *tcz* или *tz*; *ś* — через *sch*)¹⁷. Согласно с предлагаемым здесь пониманием вопроса слезяноско-мужаковские *ć*, (*p*) *ć*, *ść* \ll *tr*, *pr*, *kr* следовало бы трактовать как архаизм, а не как инновацию.

¹⁷ Менее ясным представляется вопрос об орфографии Мегизера, который, как доказывает Штибер (указ. соч.), не знал изменения *c*, \bar{z} в *ś*, *ź*. Встречающиеся у него записи типа *szelati* наряду с *strelati* (К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 229), действительно, свидетельствуют в пользу предлагаемой здесь постановки вопроса (знак *z* у Мегизера означает *ć* или *c*; ср. Z. Stieber. Указ. соч., стр. 61), однако написание первоначального *pr* через *sp* требует особой интерпретации (ср. К. Е. Муске. Указ. соч.). Может быть, это какая-нибудь локальная метатеза группы развившейся по верхнелужицкому типу (с мягким *ś*?).

В. А. ДЫБО

ОБ ОТРАЖЕНИИ ДРЕВНИХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И ИНТОНАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕРХНЕЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ

То, что *ó* и *ě*, появляющиеся вместо *o* и *e* в закрытых слогах, также *ó* и *ě* в рефлексах праславянских **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, отражают старые долготы, возникшие или в результате падевия «еров», или как продолжение древнейших интонационных отношений, с достаточной убедительностью было показано в целом ряде работ¹. Однако границы материала, на основании которого можно судить о том или ином количественном или акцентно-интонационном явлении в различные периоды истории верхнелужицкого языка, не были еще достаточно четко определены по отношению к каждому из этих явлений. Наиболее полное собрание материала по данному вопросу было представлено в статье М. Рытаровской «О pochodzeniu samogłosek ścieśnionych *ó* *ě* w języku górno-łużyckim»². Ее работа подтвердила положение, выдвинутое Фортунатовым, Шахматовым и Лер-Сплавинским, об отражении в верхнелужицком языке **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* под древней акутовой и новоакутовой интонацией как *trót*, *tlót*, *trět*, *tlět*, а под циркумфлексом как *trot*, *tlot*, *trjet*, *tlet*. Но вместе с тем недостаточное разграничение доказательного материала и материала, лишь не противоречащего выдвинутым положениям, приводит ее к ряду неверных

¹ См. Ph. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen. — «Archiv für slavische Philologie», Bd. IV, 1880, стр. 575—576; А. А. Шахматов. Заметки по истории звуков лужицких языков. Пг., 1917 (Отд. оттиск из ИОРЯС, т. XXI, кн. 2, 1916), стр. 5—7, 26, 35—36; T. Lehr-Splawiński. De la stabilisation de l'accent dans des langues slaves de l'ouest. — «Revue des études slaves», t. III, 1923, стр. 189—190.

² «Slavia occidentalis»; t. VI. Poznań, 1927, стр. 70—84.

выводов и к определенному смещению исторической перспективы. Это особенно ярко проявляется в двух моментах.

1) М. Рытаровская не снимает предвзятельно материал с *ó* и *ě* в закрытых слогах при анализе рефлексов старых акцентно-интонационных отношений, включая, таким образом, в раздел, посвященный новому акуту, много слов, в которых старые акцентно-интонационные отношения были перекрыты (затерты) новыми долготами, возникшими в результате падения редуцированных.

2) М. Рытаровская не учла позднейших ограничений в употреблении *ó* в верхнелужицком литературном языке и в близких ему диалектах (*ó* здесь не может стоять перед губными и заднеязычными), и поэтому там, где она опиралась на отрицательные показания материала (отсутствие *ó, ě*), выводы ее не надежны. Это относится прежде всего к аргументам в пользу отражения новоциркумфлексовой интонации в верхнелужицком.

Таким образом, строгое изучение рефлексов старых долгот в верхнелужицком языке возможно лишь путем последовательного снятия пластов с одновременным тщательным историческим и диалектологическим исследованием. Задача статьи — показать некоторые возможности и пути такого исследования.

Три типа *o* [*ó* (орф. *ó*), *o* и *o* (орф. *o*)]³ в верхнелужицком языке распределяются следующим образом:

Звук	Слог	Перед согласными																
		c	d/dz	t/c	r/r	l	n/n	z	ž	s	s	h*	w (ž)/w	p/p	b/b	m/m	k	ch
ó	откр.	+	+	+	+	+	+	+	+	+			—	—	—	—	—	—
	закр.	+	+	+	+	+	+	+	+	+			—	—	—	—	—	—
o	откр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—			+	+	+	+	+	+
	закр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—			+	+	+	+	+	+
o	откр.	+	+	+	+	+	+	+	+	+			—	—	—	—	—	—
	закр.	+	+	+	+	+	+	+	+	+			—	—	—	—	—	—

* Позиция перед историческим *h*, по-видимому, в зависимости от стиля произношения может относиться как к предшествующему ряду позиций, так и к последующему. В дальнейшем будет принят первый вариант, как более архаический.

Из таблицы хорошо видна особенность, отмеченная еще Мукой⁴; *ó* не встречается в положении перед губными и заднеязычными. Гласный *o* также не встречается в этом положении.

³ Относительно качества гласных *ó* и *o* см. Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934, стр. 50, 51.

⁴ К. Е. Мücke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891, стр. 98.

По-видимому, оно является позицией нейтрализации противопоставления фонем *ó* и *o*, а звук *o*, встречающийся только в этой позиции, нужно считать архифонемой. Для сравнительно-исторического исследования этот факт совпадения фонем важен, ибо он не позволяет привлекать в качестве аргументирующего материала слова из литературного языка с *o* (т. е. *o*) перед губными и заднеязычными. Формы *kruwa* (*krówa*), *pluwa*, в которых *u* (*ó*) противоречит общей тенденции развития *ó* в литературном языке и близких ему говорах, требуют предварительного рассмотрения с диалектологической и исторической точек зрения. Иногда в словари из диалектов проникают слова с *ó* перед губными и заднеязычными (ср. *wróble*, *włóknó* в работе М. Рытаровской, стр. 75). Естественно, что и такие слова нельзя использовать в качестве аргументов без предварительного доказательства первичности этого *ó* и определения условий его сохранения, что предполагает непереносное установление диалектного источника.

Эта нейтрализация, по-видимому, — явление вторичное, возникшее в результате того, что сужение *o > o* перед губными и заднеязычными привело к уменьшению фонетического различия между *o* и *ó* и постепенному стиранию его. О прежнем наличии *ó* в этом положении свидетельствуют чередования: *sroka* — *sróci*; *mloko* — *w mlóce*; *prok* — *próčawa*; *plókać* — *plóčny*; *pčola*, *pčolka* — *pčólnica* и т. п., но такие чередующиеся формы имеют только вспомогательное значение для установления прежнего фонетического облика слов с *o* перед губными и заднеязычными. Поэтому в начале исследования следует исключить весь материал, относящийся к позиции нейтрализации.

Сравнительно-исторический анализ показывает, что все слова с *o* в закрытых слогах распределяются по трем типам.

1. Близкие производные (уменьшительные существительные, отыменные прилагательные и т. п.) от слов с постоянным *o* в корне: *soška* от *socha*; *wočka* от *woka*; *wojko* от *wojo*; *stronka*, *stronski* от *strona*; *sponka* от *spona*; *tworny* от *tworić*; *nošny* от *nosyć*; *twornik*, *twornja* от *twora* и др. Эти слова позднего происхождения, или *o* проник в них под влиянием начальной формы.

2. Слова, в которых закрытый слог образовался в результате выпадения гласного полного образования (*y*; *i*; *u* любого происхождения и т. п.). К ним относятся также инфинитивы и повелительное наклонение: *košla* (< **košula*), *polca* (< **polica*), *korto* (< **koryto*), *dosć* (< **dosyť*), *spožćić* (< **spozyćić*), *łoniši* (< **łoniši*), *holčka* (< *holička*, см. *holiczka* у Matthaei, 1721, стр. 63), *bość* (< **bosti*), *rość* (< **rosti*) и др.

Закрытость слога в этих словах — явление исторически позднее, поэтому в процессе исследования их нужно рассматривать как слова с открытым слогом.

3. Небольшая группа слов, где $o < *ъ, *ь$: *won* ($< *wъnъ$), *woš* ($< *wъšъ$), *rož* ($< *rъžъ$), *knot* ($< *krъtъ$), *pos* ($< *pъsъ$).

Сюда же примыкают слова, в которых $*ъ$ в закрытом слоге, образовавшемся в результате падения следующего редуцированного, дает $ó$ (орф. $ó$): *bóz* ($< *bъzъ$), *rót* ($< *rъtъ$), *són* ($< *sъnъ$), *tón* ($< *tъnъ$). Однако наличие предшествующей группы показывает, что возникновение $ó < *ъ$ не определяется закрытостью слога и проблема $ó, o < *ъ, *ь$ должна быть выделена как самостоятельная.

По исключении этих трех групп, распределение $ó$ и o выглядит следующим образом⁵:

Слог	$ó$	o
открытый	+	+
закрытый	+	-

Ясно, что закрытый слог был позицией нейтрализации противопоставления $ó$ и o , возникшей после выпадения следующего редуцированного.

Естественно, что для установления следов древнейших интонационных отношений можно обращаться лишь к тем позициям, где противопоставление $ó \leftrightarrow o$ сохранилось, а именно — к положению в открытом слоге.

Гласный $ó$ в открытом слоге находится:

а) в словах с группами $*tort, *tolt (*tert, *telt)$: *wróna* ($< *vorna$); *klóda* ($< *kolda$); *dróha* ($< *dorga$); *wlóha* ($< *volga$); *plóna* ($< *polna$); *blóto* ($< *bolto$); *bróna* ($< *borna$); *brózda* ($< *borzda$); *črjóda* ($< *čerda$); *črjóslo* ($< *čerslo$); *stróža* ($< *storžja$); *próca* ($< *portja$); *brón, brónje* ($< *bornъ$); *skróń, skrónje* ($< *skornъ$); *dłón, dłónje* ($< *dolnъ$); *hródź, hródže* ($< *gordъ$); *slódź, slódže* ($< *soldъ$); *lódź, lódže* ($< *oldъ$); *mlóc, mlóča* ($< *melčъ$); *chróst, chrósta* ($< *xvorstъ$); *mróz, mróza* ($< *morzъ$); *mlót, mlóta* ($< *moltъ$); *wrót, wróta* ($< *vortъ$); *róst, rósta* ($< *orstъ$); *dlóžic* ($< *dolžiti$); *klócić* ($< *koltiti$); *mrócić* ($< *morčiti$); *chłódžic* ($< *xolditi$); *plóšic* ($< *polšiti$); *wlócić* ($< *volčiti$); *wrócić* ($< *vortiti$); *próšic* ($< *poršiti$); *brónic* ($< *borniti$); *chłóšcić* ($< *xolšiti$); *brózdžic* ($< *borzditi$); *dróžic* ($< *doržiti$); *tlóčic* ($< *tolčiti$); *próskać* ($< *porskati$); *dróže* ($< *dorže$); *klóc* ($< *kolti$); *próc* ($< *porti$); *próšć* ($< *porsčъ$); *wlóža* ($< *volžja$); *sróci* ($< *sorčъjъ$); *plóc* ($< *polti$);

⁵ Закрытыми не считаются слоги, в которых o находится перед древнейшими сочетаниями согласных, а также группы $-ort < -rt$.

plóco (<**polte*); *próčawa* (<**porčjava*); *hróšatko* (<**goršętko*);
w mlóce (<**vъ melčę*).

б) В некоторых словах с древним кратким *o*: *lójic* (в грамматике Краля⁶: *lójic*, наст. вр. *lójju*, пов. накл. *lój*, прош. вр. *lójach*, 1-прич. *lójil*, стр. 86; Jord. *lówic*, стр. 86, *lówu*, *nałówu*, стр. 89, *lówi*, стр. 194, пов. накл. *lów* 92⁷); *mnóžic* (Schn.: *mnóžicę*, стр. 123⁸; Sm. Kr. R.: *rozmnóži so, so mnóži*, стр. 15⁹); *dójic* (совр. литер., ср. также Jord.: *dójju*, стр. 89, 92; *nadójju*, стр. 89, пов. накл. *dój*, стр. 92); *wóřic* (совр. литер.), *wótry* (совр. литер.), *mókry* (Schn.: *mókrę*, *mókro*, стр. 218; Sm.¹⁰: *mókry*, -a, -e, под *nass*); *móc*, *móžeš*, *móže* и т. д., но *mohu*; *wóń*, *wónje*; *zlóšce*, *zlóšce*; *bóle*; *hórje*.

Однако имеются слова с **tort*, **tolt*, у которых в открытом слоге находится *o*: *broda* (<**borda*); *strona* (<**storna*); *klósa* (<**kolsa*); *klós*, *klósa* (<**kolsъ*); *brjód*, *brjoda* (<**verdъ*); *brjoh*, *brjoha* (<**bergъ*); *člón*, *člona* (<**čelnъ*); *hlód*, *hloda* (<**goldъ*); *hlós*, *hlósa* (<**golsъ*); *hród*, *hroda* (<**gordъ*); *próh*, *proha* (<**poręъ*); *chłód*, *chłoda* (<**xoldъ*); *włós*, *włósa* (<**volsъ*); *wrjós*, *wrjosa* (<**versъ*); *wróh*, *wroha* (<**vorgъ*); *stód*, *stoda* (<**soldъ*); *łós*, *łosa* (<**olsъ*); *črona* (pl.) (<**černo*, начальная форма, вероятно, **černъ*); *wrota* (pl.) (<**vortā*); *zloto* (<**zolto*); *hrono* (<**gorno*, -es-основа); *stón*, *stónje* (<**solnъ*); *włóc*, *włóce* (<**voltъ*); *drohi* (adv. *droho*) (<**dorgъjъ* и др.); *młody* (<**moldъjъ*); *plony* (<**polnъjъ*); *slony* (<**solnъjъ*); *zlóty* (<**zoltъjъ*); *łoni* (<**olni*); *slózyna* (<**selzena*); *włodyka* (<**voldyka*); *włózyny* (из **volga*); *stódzić* (<**solditi*); *hlódzić* (<**golditi*); *drožic* (<**doržiti*); *zlóćic* (<**zoltiti*); *stónic* (<**solniti*); *młódzić* (<**molditi*).

Именно в различии трактовки этих сочетаний, как было уже показано Фортунатовым, и нужно искать отражение древнейших акцентно-интонационных и количественных отношений. Отдельно следует рассматривать вторую (б) группу слов.

Итак, по отношению к *ó* выделяются четыре проблемы: 1) история нейтрализации противопоставления *ó* ↔ *o* перед заднеязычными и губными и сохранение его по диалектам; 2) условия различного отражения сочетаний **tort*, **tolt*; 3) условия различного отражения *ь*, *ъ* в закрытых слогах; 4) причины

⁶ G. Kral. Grammatik der wendischen Sprache in der Oberlauzitz. Bautzen, 1895.

⁷ I. P. Jordan. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlauzitz. Prag, 1841 (сокращ. — Jord.).

⁸ F. Schneider. Grammatik der wendischen Sprache katolischen Dialect's. Budissin, 1859 (сокращ. — Schn.).

⁹ «Kralo-dwórski Rukopis» в переводе Смолера. Praha, 1852 (сокращ. — Sm. Kr. R.).

¹⁰ J. E. Smolef. Njemsko-Serski Słownik. Buděšín, 1843 (сокращ. — Sm.).

спорадического появления *ó* на месте старого краткого *o* в открытом слоге и в *ór < *r* (*bórzy, źórto*).

В статье «Samozynk «ó» w Slepjanskej paréči»¹¹ Мука отметил, что в западном катольском и тухорьском диалектах *ó* встречается в закрытых слогах перед губными и заднеязычными: *póp, khóbká, pótč, kótč, wót, skók, móch*, но *popa, woła, skoka, mocha*¹², *dróbny, dróbčk, słówka, dźówka, próch, dół, stół* и др., но *w dole, na stole*¹³.

Существование подобных диалектов отражено также в работе Э. Штибера «Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich» (Краков, 1934). С другой стороны, нейтрализация противопоставления *ó ↔ o* и в будышинском диалекте — явление относительно новое. Еще грамматика А. Зайлера¹⁴ в основном сохраняет это противопоставление. В будышинских печатных изданиях первой половины XIX в. *ó* перед губными и заднеязычными отражается довольно регулярно, хотя уже намечаются и постепенно расширяются слабые позиции. Беглый просмотр материала позволяет предположить, что падение *ó* проходило не одновременно перед всеми губными и заднеязычными и что раньше всего *ó* исчезло в словах, где оно чередовалось с *o* (*o*).

Грамматики И. П. Иордана и Ф. Шнейдера, построенные на говорах катольского диалекта, также в основном сохраняют *ó* в данной позиции. Замена *ó* новым *o* и в этих грамматиках происходит лишь перед определенными звуками (у Шнейдера перед *k, b, m*) и только в словах, где *ó* чередовалось с *o*. Например, у Ф. Шнейдера: *wótkno* (стр. 15, литер. *wokno*), *rwókać* (стр. 16, 23, литер. *ptokać*), *wróbel* (стр. 16, литер. *wrobek*), *wwótkno* (стр. 16, литер. *wtokno*), *hróch* (стр. 18, литер. *hroch*), *dów* (стр. 22, литер. *dot*), *ków* (стр. 22, литер. *kot*), *rwómo* (стр. 23, *ptomjo*), *pów* (стр. 23, 24, *pot*), *stów* (стр. 23, *stot*), *swóta* (стр. 23, *stota*), *rów* (стр. 28, *row*), *póp* (стр. 41, *pop*), *snóp* (стр. 42, *snop*), *króp* (стр. 43, *krop*) и др.; но *bok* (стр. 20, 39), *kwok* (стр. 22, *klok*), *źwob* (стр. 23, *žlob*), *dom* (стр. 40, 36), *schtom* (стр. 20), где *ó* чередовался с *o*.

Если исключить слабые позиции, которые у различных авторов, по-видимому, не совпадали, то распределение *ó* и *o* перед губными и заднеязычными в этот период ничем не отличалось от их распределения перед другими согласными. Поэтому материал из изданий первой половины XIX в. после его расчленения, аналогично произведенному в современном языке,

¹¹ «Časopis Maćicy serbskeje», Lětnik LI, zešiwk II, 1898, стр. 86—88.

¹² Там же, стр. 87.

¹³ Там же, стр. 88. Здесь и ниже термином «катольский» обозначается диалект верхнелужицких католиков.

¹⁴ A. Seiler. Kurzgefaßte Grammatik der Sorben-Wendischen Sprache nach dem Budissiner Dialekte. Budissin, 1830 (сокращ. — Seil.).

может быть использован для изучения рефлексов древних акцентно-интонационных и количественных отношений в верхнелужицком языке¹⁵.

I. СЛОВА С ГЛАСНЫМ *ó* В СОЧЕТАНИЯХ, ВОСХОДЯЩИХ

К **tort*, **tolt*

1. ***krówa*** (*kruwa*) (Seil.: *Kruwy*, *Kruw(ow)*, *Kruwómi* и т. д., стр. 19; Jord.: *Kruwa*, стр. 12, 47, 54, 127, *krówa*, стр. 12; Schn. *Kruwarña*, стр. 76; Sm.: *kruwa*, -y, под *Kuh*; H.-Sm.: *kruwo* I, 323, *kruwy* I, 79, 100, bis, II, 169, bis, 170 [девять раз]; *kruwi* I, 68, трижды, *kruwje* I, 213, *kruwi* I, 298, *kruwički* I, 100, *kruwařka* I, 100 [5 раз], 212, 203, bis, 319, *kruwařki* I, 79, *kruwařkow* I, 23).
2. ***pluwa*** (Sm.: *pluwy*, -ow pl., под *Spreu*; H.-Sm.: *pluwy* II, 192).
3. ***stóma*** (Jord.: *stóma*, стр. 12, 37, 52, 125, *stóme*, стр. 125, *stómamy*, стр. 52; Schn.: *Sstóma* [как пример протестантского написания], стр. 23, *Swóma*, стр. 23, 48, *Swótó*, род. ед., стр. 259, *Swóme*, стр. 48; Sm.: *stóma*, -y, под *Stroh*; H.-Sm.: *na stómi* I, 140, bis; *stómička* I, 208, bis, II, 160, bis; *stómički* II, 160; *stómičku* II, 160; *ze stómičku* I, 280 bis; *stómjanym* I, 116; *stómjanymi* I, 20).
4. ***sróka*** (Seil.: *Ssróki*, им. мн., стр. 122; Jord.: *sróka*, стр. 8, 35; Sm.: *sróka*, -i, под *Elster*, *srókaty*, -a, -e, под *gescheckt*; ČMS, 1848: *sróka*, стр. 27, bis, 29, bis, 42, *k srócy*, стр. 27; H.-Sm.: *sróka* I, 117 [напеч. *spóka*], 223, 255, 256, 323, 391, II, 215; *srókopel* I, 258, *srókopol* I, 323, *srókopelej* I, 258).
5. ***plómjo*** (Seil.: *Plómjo* и др. формы, стр. 22; Schn.: *Plómjo* [как пример протестантского написания], стр. 23, *Pwótó*, стр. 23, 60; Sm.: *plómjo*, -menja, под *Flamme*, под *Feuer*, уменьш. *plómeško* под *Flamme*; Sm. Kг. R.: *plómjo*, стр. 59; H.-Sm.: *plómjo* II, 281).
6. ***prómjo*** (Seil.: *Prómjo*, стр. 23; Jord.: *próto*, (-ena), стр. 12; Schn.: *Próto*, стр. 60, *prómenité*, стр. 95; Sm.: *prómjo*, -menja, под *Flechte*; H.-Sm.: *prómeskow* I, 83).
7. ***mlóko*** (Seil.: *Mlóko*, стр. 20, *Mlózy*, стр. 20; Schn.: *Mlóka*, род. ед., стр. 259; Sm.: *mlóko*, -a, под *Milch*, но adj. *mlokowy*, -a, -e, там же; H.-Sm.: *mlóko* I, 322, II, 215, bis; *mlóka* I, 392, *z mlókom* II, 213, *mlókowy* I, 213, II, 266; *mlókač* II, 201).

¹⁵ С этой целью мною были полностью просмотрены грамматики Зайлера, Иордана и Шнейдера, словарь Смолера, «Kralo-dwórski Rukopis» в переводе Смолера, «Časopis Mačicy Serbskeje», Letnik I, 1848 (сокращ. — ČMS, 1848) и L. Haupt, J. E. Schmaleg. Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder Lausitz. Grimma, 1841 (сокращ. — H.-Sm.). Материал из грамматик и словаря приводится без пропусков, из остальных текстов — выборочно. Подбор текстов в большой степени определялся наличием их в библиотеках Москвы.

8. **Łóbjo** (Schn.: *Łóbja*, род. ед., стр. 290, bis, 291, 294, по *Łóbju*, стр. 289, adj. *połóbskich*, стр. 289, не показателен; Sm.: *Łóbjo*, -a (n), под *Elbe*; H.-Sm.: *Łóbjo* I, 173, 322; z *Łóbjom* I, 6).
9. **chróbtly** (Seil.: *króbtlych*, стр. 134, глагол: *boškróblił*, стр. 114; Jord.: *króbli*, стр. 192; Schn.: *chróbtly* [пример протестантского написания], стр. 22, *chróbwó*, стр. 217, adv. *chróble* стр. 217, сущ. *Khróbwosęz*, стр. 25, *chróbtłość* [пример новой орфографии], стр. 291; *khrowé*, стр. 22, вероятно опечатка; Sm.: *chróbtly*, под *dreist*, *frei*, *getrost*, *kühn*, adv. *chróblje*, под *dreist*, *kühn*, сущ. *chróbtłość*, -*ęje*, под *kühn*, но глагол: *so skhroblic*, под *erkühnen sich*; CMS, 1848: *chróbtly*, стр. 34, *chróbtlo*, стр. 29, *chróbtloscu*, стр. 3; H.-Sm.: *chróblje* I, 22, 25, 139, 205, 206; z *chróbtlej* II, 239).
10. **wróbel, wróbla** (Seil.: *Róbel*, стр. 11, 25, *Róbla*, стр. 11, 134, *Róblje*, стр. 13, уменьш. *Róblík*, стр. 25; Jord.: *wróbel*, стр. 113; *Wróbel*, *Wróblowa* [фамилии], стр. 48; *wróbla*, стр. 113, *wróblow*, стр. 111; *róbel*, *róblow*, там же; Schn.: *Wróbel*, стр. 16, *Róbel*, стр. 37, 43, *Róbla*, стр. 37, *Róblow*, стр. 43; Sm.: *wróbel*, -*bla*, под *Sperling*; H.-Sm.: *wróbel* I, 323, *'róbla* I, 231, z *'róblom* I, 223, *róblje* I, 117; *wróblaca* II, 221).
11. **šmrjók, šmrjóka** (Jord.: *šmrók*, стр. 32; Schn.: *Schmrók*, стр. 44; Sm.: *šmrjók*, *šmrók*, -a, под *Fichte*).
12. **próch, prócha** (Seil.: *Próch*, стр. 25; Jord.: *próch*, стр. 12, 116; w *próchu*, w *próše*, стр. 116; Schn.: *Próch*, стр. 40, na *Próch*, стр. 223, loc. *Próchu*, *Próšche*, стр. 40; Sm.: *próch*, -a, под *Staub*; CMS, 1848: *do prócha*, стр. 19; Sm. Kr. R.: z *prócha*, стр. 20; H.-Sm.: *prócha* II, 178).
13. **prók, próka** (Sm.: *prók*, -a, под *Armbrust*, *Bogen*; Sm. Kr. R.: *próki*, стр. 17; H.-Sm.: *prók* II, 224, 282).
14. **trók, tróka** (Sm.: *trók*, -a, под *Dreigeflecht*).
15. **hróch, hrócha** (Jord.: *hróch*, стр. 12, 116, род. п. *hróchu*, стр. 116, местн. п. *hróše*, там же; *hróchońšco*, стр. 41; Seil.: *Róch*, стр. 11; Schn.: *Hróch*, стр. 18; Sm.: *hróch*, -a, под *Erbsen*, но *hrošatko*, там же; H.-Sm.: *'róchu* I, 46, *hróchu* II, 172; по *hróšatku* II, 172).
16. **mrók, *mróka** (только Jord.: *mrók*, стр. 38, но - так как у Иордана *ó*, чередующийся с *o*, перед *k* выпадает, можно думать, что и в косвенных падежах у этого слова был *ó*).
17. **ptókać** (Schn.: *ptókaćj* [как пример протестантского написания], стр. 23, *rwókaćj*, стр. 16, 23, 158, *rwókarnia*, стр. 76; Sm.: *ptókać* XXXIII и под *waschen*, *ptókanje*, под *Wäsche*, *Waschen*, *ptókańja*, под *Waschhaus*, *ptókańniča*, под *Wäscherin*; Sm. Kr. R.: *wopłokawši*, *wupłokawši*, стр. 57; H.-Sm.: *ptókać* I, 178, bis).

18. **prókać* (в просмотренных мной текстах не отмечено, но, по-видимому, *prykać* в словаре Пфуля¹⁶ может восходить лишь к данной праформе, с диалектным развитием *ó > y*: ср. *flyma*, *flymanu* у Matthaei (1721) в Register, под *das Stroh, strohern*).
19. *młówić*? (Sm.: *młówić*, стр. XXXIII, в приставочных формах *o*, под влиянием приставочных форм, вероятно, *młówić*, под *sprechen*; следует также учитывать тенденцию к восстановлению *o* в положении между двумя *w*: *ó* перед *w* переходило в *u*, ср. *runy* < **równy*, *wiűcer* < **wówűcer*, *wus* < **wóws*, в этом случае формы *młówić*, *wowűcer*, *wows*, которые существовали уже до падения *ó* перед *w*, следует считать восстановленными по аналогии).

II. СЛОВА С ГЛАСНЫМ *o* В СОЧЕТАНИЯХ,
ВОСХОДЯЩИХ К **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*

1. *hłowa* (Seil.: *Łowy*, стр. 100, bis, 130, *Łowu*, стр. 96; Jord.: *hłowa*, стр. 12, 43, *hłowy*, род. ед., стр. 193; Schn.: *Hłowa* [как пример протестантского написания], стр. 22, *Hwowa*, стр. 18, *Wowa*, стр. 22, 49, *Wowé*, род. ед., стр. 78, *Wowó*, род. ед., стр. 261; Sm.: *hłowa*, стр. XXVIII и под *Kopf*, *hłowu* в сп. опечаток как исправление ошибочного *klowa*, под *köpfen*; ČMS, 1848: *hłowa*, стр. 42 и др. Противоположных примеров нет).
2. *mrowja* (Sm.: *mrowja*, *-wje*, под *Ameise*, *mrowišćo*, *-a* 'Ameisenhaufen', там же).
3. *włoko* (Sm.: *włoko*, *-a*, под *Bast*).
4. *włoka* (pl.) (ČMS, 1848: *włoka* 'Pflugschleppe', стр. 81; Н.-Sm.: *woka* II, 214).
5. *črowo* (Sm.: *črowo*, *-a*, под *Darm*, *črowa*, *-ow*, под *Gedärme*, *Eingeweide*; Н.-Sm.: *črjowo* II, 202).
6. *strowy* (Seil.: *strowy*, *strowje*, стр. 91; Jord.: *strowy*, стр. 10, 33, 34, 49; Schn.: *strowó*, им. ед., стр. 144, 217, *strowa*, ж. р., им. ед., стр. 78, *strowi*, им. мн., стр. 256, *strowe* adv., стр. 217; Sm.: *strowy*, под *gesund*, *strowość*, *-cje* под *Gesundheit*, *strowje*, *-a*, под *Heil*, *strowić*, под *grüssen*; ČMS, 1848: *strowe*, стр. 15, *strowjenje*, стр. 16; Н.-Sm.: *strowy*, *strowa* II, 249, *strowość* II, 239, *strowje* II, 279).
7. *plowy* (Jord.: *plowy*, стр. 12, *plowša*, 'Kuhname, Falbe', стр. 41, *plówy*, стр. 50, возможно опечатка, во всяком случае этот единичный пример не может быть достаточным доказательством отражения нового акута в этой категории; Sm.: *plowy*, *-a*, *-e*, под *fahl*, *falb*; Н.-Sm.: *plowemu* II, 279).
8. *črjór*, *črjopa* (Seil.: *Cžróp*, стр. 27, 28, *Cžrópk*, стр. 27, *Cžropenza*, стр. 28; Schn.: *Tžróp*, *Tžrópk*, стр. 68; Sm.: *čróp*, *-opa*, под *Scherbe*).

¹⁶ P f u h l. Lausitzisch-wendisches Wörterbuch. Budissin, 1866.

9. *žlob, žloba* (Jord.: *žlob*, стр. 12, 46; Schn.: *Žlob* [как пример протестантского написания], стр. 23; *Žwob*, стр. 23; Sm.: *žlob, -a, -u* под *Gerinne, Krippe, Schlucht*. Во всех случаях наблюдается потеря чередующегося *ó* в им. п., см. выше).
10. *włoch, włocha* (Jord.: *Włoch* при *włóski*, стр. 53, по-видимому раннее выравнивание по косвенным падежам).

Это распределение случаев с *ó* и *o* перед губными и заднеязычными в языке первой половины XIX в. и в грамматиках, построенных на катольском наречии, подтверждается данными говоров, сохранивших противопоставление *ó* и *o* полностью или частично. Так, в Горах З. Штибер отмечает *młoko, płóc*, но *čr'ódo, čr'ópu*¹⁷, из катольской части Верхней Лужицы приводит формы *p'ókač* и *suóma*¹⁸. По-видимому, тщательное изучение диалектов с этой точки зрения может дать большой материал для истории верхнелужицкого вокализма в его связи с праславянскими акцентно-интонационными отношениями.

III. СЛОВА С *ó* < **o*, **o* В ЗАКРЫТОМ СЛОГЕ ПЕРЕД ГУБНЫМИ И ЗАДНЕЯЗЫЧНЫМИ

1. *móch* (Jord.: *móch*, стр. 42, 46, эту же форму отмечает Мука в катольском наречии¹⁹, ср. также *móx* в Радворье и в Краповых²⁰).
2. *šow* (CMS, 1848, стр. 171, форма единичная и требует подтверждения).
3. *lóchki* (Schn.: *lóchki* [*lóhki*], стр. 94, 288, *lóchko*, adv., стр. 220, *z lóhka*, стр. 87, 104, *z lóhka*, стр. 87; Sm.: *lóhki* под *leicht*, с пометой «spr. lochki»; CMS, 1848: *lóhko*, стр. 20, *k lóhkiemju*, стр. 4, *z lóhka*, стр. 29. У Jord. эта форма отсутствует: *lohki*, стр. 54, 55, bis, 57 при *lóžši*, стр. 57; подобная же форма обнаруживается в диалектах²¹).

IV. СЛУЧАИ ПОЯВЛЕНИЯ *ó* В ГРУППАХ, ВОЗНИКШИХ ИЗ *!* (*r*)

1. *dóthi* (CMS, 1848: *dóthi*, стр. 97, bis, *dótho*, стр. 97, 98, *dótha*, стр. 106, *dóthjej*, стр. 113).
2. *dóth* (Schn.: *Dól* [протестантское], *Dów* 'Schuld, Thal').

Вероятно, эти случаи сопоставимы с такими примерами, как *bórzy, žório*, но их так мало и они так спорадичны, что делать какой-либо вывод о их связи с древними акцентно-интонационными различиями кажется преждевременным.

¹⁷ Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934, стр. 5.

¹⁸ Там же, стр. 44.

¹⁹ CMS, Lětnik LI, zešiwk II, 1898, стр. 87.

²⁰ Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich, стр. 20, 21.

²¹ Там же, стр. 21.

Если отделить случаи с *ě*, восходящим к праславянскому **ě*, то оставшиеся слова с гласным *ě* распределяются на группы, аналогичные группам с *ó*: 1) слова с *ě* в закрытом слого и с *e* в открытом, отражающие долготы, возникшие в результате падения редуцированных; 2) *ě* в сочетаниях, восходящих к **tert*, **telt*; 3) *ě* из **ь* в закрытом слого, 4) спорадические примеры с *ě* из **e* в открытом слого.

Вторая и третья группы обладают тем же свойством, что и аналогичные группы с *ó*: во-первых, не все слова с **tert*, **telt* имеют *ě* в открытом слого и, во-вторых, не во всех словах с **ь* в закрытом слого появляется *ě*.

1. *ě* в сочетаниях, возникших на месте **tert*, **telt*: *brěza* (<**berza*); *slěbro* (<**selbro*, **serbro*); *žrědlo* (<**žerdlo*); *mlěwo* (<**melvo*); *brěmjo* (<**bermeĵ*); *žrěbjo* (<**žerbeĵ*); *šmrěk*, *šmrěka* (<**šmerkъ*); *drěn*, *drěna* (<**dernъ*); *trěb*, *trěba* (<**terbъ*); *drěst*, *drěsta* (<**nerstъ*); *srěb*, *srěba* (<**serbъ*); *prěki* (<**perky*); *srěž*, *srěže* (<**seržъ*); *wrěšč*, *wrěšče* (<**verščъ*); *mlěc* (<**melti*); *mrěc* (<**merti*); *plěc* (<**pelti*); (za)*wrěc* (<**verti*); *trěc* (<**terti*); *drěc* (<**derti*); *prěc* (<**perti*); *žrěc* (<**žerti*); *črěc* (<**čerpti*); *prěcić* (<**perčiti*); *srěžić so* (<**seržiti seĵ*); *srěbać* (<**serbati*); *wrěskać* (<**verskati*); *wrěšćeć* (<**versčeti*); *brěčina* (<**berčina*); *brěkowc* (<**berkovъsъ*); *trěšeň* (<**čeršъnъ*).

2. *e* в сочетаниях, возникших на месте **tert*, **telt*: *srjeda* (<**serda*); *trjeba* (<**terba*); *drjewo* (<**dervo*); *črjewo* (<**červo*); *blen*, *blena* (<**belnъ*); *wrjesk*, *wrjeska* (<**verskъ*); *wlec* (<**velkti*); *trjebić* (<**terbiti*); *srjedzić* (<**serditi*); *trjebać* (<**terbati*); *wrjeskać* (<**verskati*); *wrjećeno* (<**verteno*).

ě <**ь*, **ъ* в современном литературном языке встречается лишь в одной основе: *čětny* (<**тътъnъĵь*). В диалектах это изменение встречается чаще, ср. *kěrk* (<**kъrkъ*) в радворском диалекте, ср. также в грамматике Маттеи (1721 г.) *Miecsĵ* (стр. 35 и Register, под *das Schwerdt*), т. е. *měc* (<**тъчъ*); *wědnio* (стр. 141), т. е. *wědnō* (<**въ+дъne*). За исключением этих немногочисленных, но показательных случаев, подавляющее число примеров дает *e* <**ь* (**ъ*) без удлинения в закрытом слого: *dzeň* (<**дъnъ*); *wjes* (<**въsъ*); *lesć* (<**лъstъ*); *len* (<**лнъ*); *česć* (<**чъstъ*); *mjesk* (<**мъskъ*); *pjeňk* (<**ръnъkъ*); *mjenk* (<**тъnъkъ*); *šewc* (<**šъwъcъ*); *sćežka* (<**stъžka*); *wjeska* (<**въska*); *dwjerno* (<**dvъrno*); *mjeňši* (<**тъnъši*); *ceňki* (<**тъnъkъĵь*); *čes(t)ny* (<**чъstъnъĵь*), *les(t)ny* (<**лъstъnъĵь*); *ker* (<**kъrъ*); *dešč* (<**dъždъ*); *sep* (<**sъpъ*); *krej* (<**krъvъ*); *deska* (<**dъska*); *šepać* (<**šъpъtati*); *teptać* (<**tъpъtati*), в литературном также *kěrk* (<**kъrkъ*), *mjeć* (<**тъчъ*).

Хотя материал в этой группе распределен неравномерно, все же, очевидно, нельзя отвлечься от такого примера, как *čětny*, где аналогичские изменения исключены, и следует для *ь* принимать два рефлекса в закрытом слого — *e*

и ё, соответственно о и ó из *ъ. Параллелизм развития групп **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, дающих ó, ё в своих рефлексах наряду с о, е, и развития *ь, *ъ, дающих в закрытых слогах ó, ё наряду с о, е, позволяет выделить эти две группы фактов, а причину их различного отражения искать в древнейших акцентно-интонационных отношениях.

Для рефлексов **tort*, **tolt*, **telt*, **tert* материал подтверждает в основном положения, выдвинутые Фортунатовым и принятые затем Шахматовым, Лер-Сплавинским и Рытаровской²². Следует лишь специально отметить, что различие этих рефлексов продолжает старое различие двух праславянских парадигм: неподвижной и подвижной²³. Следовательно, долготные рефлексы дает не только акут и новый акут, но и предударная долгота в неподвижной окситонированной парадигме. Специфические долготные рефлексы показывают основы глаголов на *-ati*, *-ajǫ*, *-aješь*.

Рефлексы **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* в именах

В словах неподвижной парадигмы **tort*, **tolt*, **telt*, **tert* изменились в *trót*, *tlót*, *tlět*, *trět*. В словах подвижной парадигмы эти сочетания отразились как *trot*, *tlot*, *tlet*, *trjet*. Неподвижная парадигма включала три типа слов: а) со старым акутом корня, б) с новым акутом в корне, в) с предударной долготой корня. Все три типа дают одинаковые долготные рефлексы в верхнелужицком языке. Что касается подвижной парадигмы, то здесь уже в праславянском произошла нейтрализация интонационных противопоставлений, в результате которой все слова, относящиеся к ней, получили циркумфлексовую интонацию, отразившуюся в верхнелужицком в виде краткостей.

I. Неподвижная парадигма

1. Основы на -а женского рода

а) Акут

1. *brěza* (< **běrza*, ср. русск. берѣза, укр. берѣза, серб. brěza, слов. brěza, чешск. břıza, польск. brzoza).
2. *klóda* (< **kólda*, ср. русск. колóда, укр. колóда, серб. kláda, слов. kláda, чешск. kláda, польск. klóda).

²² Ph. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der litu-slavischen Sprachen. — «Archiv für slavische Philologie», Bd. IV, 1880, стр. 575—576.; А. А. Шахматов. Заметки по истории звуков лужицких языков. Пг., 1917, стр. 5—7, 26, 35—36; Т. Lehr-Splawinski. De la stabilisation de l'accent dans des langues slaves de l'ouest. — «Revue des études slaves», t. III, 1923, стр. 189—190; М. Rytarowska. O pochodzeniu samogłosek scieżnionych ó, ё w języku górnołużyckim. — «Slavia occidentalis», t. VI. Poznań, 1927, стр. 70—84.

²³ В. А. Дыбо. О реконструкции ударения в праславянском глаголе. — ВСЯ, № 6.

3. *wróna* (< **vǒrna*, ср. русск. *ворóна*, укр. *ворóна*, серб. *vràna*, слов. *vrána*, чешск. *vrána*, польск. *wrona*).
4. *kruwa*, где *u* < *ó* перед *w* (< **kǒrva*, ср. русск. *корóва*, укр. *корóва*, серб. *kràva*, слов. *kráva*, чешск. *kráva*, польск. *krowa*).
5. *pluwa*, где *u* < *ó* перед *w* (< **pělva*, ср. русск. *полóва*, укр. *полóва*, серб. *pljěva*, слов. *plěva*, чешск. *plěva*, диал. *pliva* [но также со специфическим сокращением *pleva*]²⁴, польск. *plewa*).
6. *dróha* — более старый вариант (< **dǒrga*, ср. русск. *дорóга*, укр. *дорóга*, серб. *dràga*, слов. *drága*, др.-чешск. *dráha*, польск. *droga*).
7. *wlóha* — более старый вариант (< **vǒlga*, ср. русск. диал. *волóга*, укр. *волóга*, серб. *vlàga*, слов. *vlága*, чешск. *vláha*, словацк. *vlaha*).
8. *slóma* — литер. первой половины XIX в. и западные говоры (< **sǒlma*, ср. русск. *солóма*, укр. *солóма*, серб. *slàma*, слов. *sláma*, чешск. *sláma*, польск. *sloma*).
9. *sróka* — литер. первой половины XIX в. и западные говоры (< **sǒrka*, ср. русск. *сорóка*, укр. *сорóка*, серб. *svràka*, слов. *sráka*, [чешск. *straka*, со специфическим чешским сокращением], польск. *sroka*).
10. *plóna* (Скорей всего из **pǒlna*, с древним удлинением по типу *бóрон*: *ворóна*; в варианте **polnĭa* скорей всего новый акут, ср. словинц. *plóńó*, хотя существует вариант *plóńó*, польск. *plonia*, где возможен как акут, так и циркумфлекс. Слов. *plánja* и чешск. *pláně* могут указывать как на акут, так и на новый акут).

б) Новый акут

1. *stróža* (< **stǒrĭža*, ср. русск. *сторóжа*, укр. *сторóжа*, серб. *stràža*, чак. *stráža*, слов. *stráža* [*stráža*, по аналогии], чешск. *stráž* [переход в тип основ на *-i-*], польск. *stróža*).
2. *próca* (< **pǒrtĭja*, ср. чешск. *práce*, словацк. *práca*).

в) Предударная долгота

1. *bróna* (< **bornà*, ср. серб. *brána*, *bránu*; ст.-чешск. *brána*, словацк. *brána*, польск. *bróna*; русск., укр. *боронá*, *бóрону* и польск. *brona* показывают переход этих слов в подвижную парадигму).
2. *brózda* (< **borzdà*, ср. русск. *бороздá*, *бороздý*, серб. чак. *bräzdä*, *bräzdü*, им.-вин. мн. *bräzdě*, чешск. *brázda*, словацк. *brázda*, польск. *brózda*).

²⁴ Ср. Л. А. Булаховский. Акцентологический комментарий к чешскому языку. вып. 2, 3. Киев, 1956, стр. 13.

3. *črjoda* (< **čerdà*, ср. русск. *чередá*, *чередý*; серб. *črijèda*, *čri-jèdu*, им.-вин. мн. *črijède*; чешск. *třída*, словацк. *črieda*; польск. *trzoda* и серб. чак. *črèdà*, *črèdu* отражают подвижную парадигму).

Имеется лишь одна основа женского рода на *-i-*, где можно с большой степенью вероятности предполагать неподвижную парадигму со старым акутированным корнем:

dłón, *dłónje* (< **dólnь*, ср. русск. диал. *долонь*, серб. *dłàn*, слов. *dłàn* с нефонетич. род. ед. *dlanì*; *pódlan* также свидетельствует о старой неподвижности ударения. В чешском *dlaň* краткость, обычная для старых акутированных основ на *-i-*: ср. *nit*: серб. *nit*, слов. *nit*; *myš*: серб. *miš*, слов. *miš*; *zet*: серб. *zèt*, слов. *zèt* и др.²⁵).

Долготные рефлексы в основах на *-i-*, относящихся в других славянских языках к подвижной парадигме, будут разобраны ниже.

2. Основы на *-o-* среднего рода

а) Акут

1. *blóto* (< **bólto*, ср. русск. *болото*, укр. *болото*, серб. *blàto*, слов. *bláto*, чешск. *bláto*, польск. *bloto*).

в) Предударная долгота

1. *črjosto* (< **čerslò*, ср. русск. *чересло*, укр. *чересло*, словацк. *čerieslo*, диал. *črieslo*, польск. диал. *trzósto* [*č³òsuo*]²⁶. Польск. *trzósto*, и русск. *чересло* вторичны).
2. *mlóko*, литер. первой половины XIX в. и в западных диалектах (< **melkò*, ср. русск. *молоко*, укр. *молоко*, серб. *mlíjeko*, словацк. *mlieko*, чешск. *mléko*, диал. *mlíko*, польск. [Linde] *mléko*, диал. *mlyk^o*²⁶).
3. *žrědto*, диал. западн. *žrìodno* (< **žerdlò*, ср. русск. *жерело*, укр. диал. *жерелó*, болг. *жрѣлó*, *ждрелó*, серб. *ždrijèto*, слов. *žréto*, чешск. *zřídlo*, польск. *źródto*).
4. *slěbro* (< **serbrò*, восстанавливаемого по западнославянским языкам, ср. чешск. *stříbro*, словацк. *striebro*, польск. диал. *śrybno*²⁷; русск., укр. *серебрó*, показательное для ударения, двойственно в историко-фонетическом отношении, оно может происходить из **sъrebro*, конечно при условии ранней ассимиляции гласных; южнославянские примеры из **sъrebro*).

²⁵ См. Л. А. Булаховский. Акцентологический комментарий к чешскому языку, стр. 23.

²⁶ См., например, М. Кусафа. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.

²⁷ М. Кусафа. Указ. соч.

5. *mléwo* (< **melvò*, ср. польск. [Linde], *mléwo*; русск. *мелево* под влиянием *мэливо*; серб. *mlévo* относится к подвижной парадигме).

3. Основы на *-en-* и *-ent-* среднего рода

Из основ на *-en-* в неподвижную парадигму входят:

1. *brēmjo* (< **bērmę*, ср. русск. диал. *берэмя*, блр. *берэмо*, чешск. *břímě*, польск. (Linde) *brzemie*, диал. *bźęmę*²⁸; южнославянские языки показывают более поздние переходы в другие акцентные парадигмы: сербск. *brēme*, *brēmēna*, при мн. *bremēna*, предполагает праформу **bērmę*, т. е. подвижную парадигму, слов. *bréme*, *breména* — праформу **bermę*).
2. *prómjo* — первая половина XIX в. (вероятно, из **pōrmę*; надежных подтверждений в других славянских языках обнаружить не удастся, ср. серб. *prāmen* *prāmena*, слов. *prāmen*; чешск. *pramen* могло возникнуть в результате сокращения акутовой долготы в трехсложном слове; отрицательные показания чешского и польского *promień* свидетельствуют о том, что если долгота в лужицком исконна, то она восходит к акуту, но не к новому акуту).
3. *plómjo* — первая половина XIX в. (может быть, из **pōlmę*, подтверждений в других славянских языках нет; восточнославянские факты свидетельствуют о подвижной парадигме, т. е. о циркумфлексе корня: русск. *пóломь*, укр. диал. *пóлом'я*, блр. *пóломь*, ср. также серб. *plāmen*, *plāmēna*, местн. ед. *plāmēni*, слов. *plāmen*, *plāmēna*).

Оба последних верхнелужицких примера совершенно надежны, хотя неясно, насколько у них первоначальны рефлексы долгот. Ввиду того что акцентные парадигмы имен на *-mę* подверглись сильным изменениям в различных славянских языках, прийти к какому-либо однозначному решению пока невозможно.

Из основ на *-ent-* в эту парадигму входят: *žřěbjo* (< **žerbę[t]*, ср. укр. *жереб'я*, слов. *žrebè*, *žreběta*, чешск. *hřibě*, словац. *žriebä*, но польск. [Linde] *žrebie*, серб. *ždrijebe*) и этимологически неясное *plóco*, *plóceča* 'Rothaubchen, Karuzinerpilz' (может быть, из **pōlte[t]*).

4. Основы на *-o-* мужского рода

а) Акут

1. *mróz*, *mróza* (< **mōrzъ*, ср. русск. *морóз*, укр. *морóз*, серб. *mráz*, словен. *mráz*, *mrāza*, чешск. *mráz*; польск. *mróz*, *mroza*²⁹).

²⁸ М. Кусаца. Указ. соч.

²⁹ В словацком *mráz* неясная долгота; ср. Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 124.

2. *šmrěk, šmrěka*; диал. западн. *šmrjók, šmrjóka* и *šmrók, šmróka* (< **směrkъ*, ср. укр. *смерék, смерéka*; серб. *сmrěk* и *сmrök* [< **smrěk*], польск. [Linde, под *šwierk*] *smrok, smrek*, диал. *smrek*³⁰; серб. *smrěka* и слов. *smrěka* не могут быть аргументами, поскольку в основах на *-a* часто представлена метатония).
3. *hróch, hrócha* — первая половина XIX в. (< **gōrхъ*, ср. русск. *горóх*, укр. *горóх*, серб. *gràh*, словен. *gràh, gràha*, чешск. *hrách*, словацк. *hrach*, польск. *groch*).

б, в) Новый ъ акут и предударная долгота

1. *chróst, chrósta* (< **xvorstò*, ср. русск. диал. *хворóст*, укр. *хворóст*, серб. *hrást, hrásta*, слов. *hrást*, польск. *chrust*; русск. *хворóст* — переход в подвижную парадигму).
2. *drěň, drěna* (< **dergnò*, ср. русск. *дерён, дерёна*, укр. *дерён*; серб. *drijen, drijena*; *drěn, dréna*; *drin, drina*; слов. *drěň, drěna*, чешск. *dřín*, словацк. *drieň*, словинц. *dřón, dřóna, dřónu*).
3. *mlóč, mlóča* (< **melčb*, ср. серб. *mlič, mlíča*, чак. *mlič, mlíčä*; чешск. *mlíč*, словацк. *mliče*; словинц. *mlóč*, кашубск. *mlěč, mlóč*; укр. *мóлоч* и слов. *mlěč* отражают подвижную парадигму).
4. *wróbl, wróbel*, род. п. *wróbla* — первая половина XIX в. и западные диалекты (< **vorblb*, ср. укр. *горобéль, горобля́*; слов. *vráblj, vráblja*; польск. *wróbel*; словацк. — топоним — *Vráble, Vrábel' vo Vrábl'och*; но ср. чешск. диал. *vřabel', vřabl'a*).

Два слова, относящиеся в других славянских языках к неподвижной парадигме, дают в верхнелужицком краткие рефлексы:

1. акут — *próh, proha*, ср. русск. *порóг*, укр. *поріг, порóгу*; серб. *präg, präga*; слов. *pràg, prága*, чешск. *práh*, словацк. *prah*, польск. *próg, proga*. В этом случае, по-видимому, нужно предполагать изменение по аналогии, поддержанное и даже вызванное ранним падением *ó* перед *h*, в позициях, где *h* сохранялся или заменялся лабиальным.
2. новый акут — *blen, blena* (ср. слов. *blèn, blěna*; чешск. *blín*; серб. *bûn, búna*, с другой ступенью огласовки; верхнелужицкому соответствует словацкое *blen*, предполагающее подвижную парадигму; но следует также отметить, что *ě* в верхнелужицком часто неустойчиво, и, возможно, в этом слове мы имеем дело с переходом *ě > e*, условия которого неясны).

В прилагательных рефлекс акута, возможно, наблюдается в *chróibly*, нареч. *chróblje* — первая половина XIX в. (< **xórbvrъ*,

³⁰ М. К у с а л а. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich, стр. 65.

если не из **xorbrǝ*, ср. укр. *xopóbro*, польск. *chrobry*; для чешск. *chrabře* ср. др.-чешск. *chytr, bratr, habr*; но серб. *hrábar, hrábra*).

В сравн. степени *dróže* следует видеть рефлекс нового акута, ср. русск. *дорóже*, чешск. *dráže*³¹ и рефлекс нового акута краткостей в русск. диал. *бóле*.

II. Подвижная парадигма (циркумфлекс)

1. Основы женского рода

1. *broda* (< **bordǝ*, вин. п. **bořǝ*, ср. русск. *бородá, бóроду*, укр. *бородá, бóроду*; серб. *bráda, brádu*; чешск. *brada*, польск. *broda*).
2. *hlava*, соврем. и первая половина XIX в. (< **golvǝ*, вин. п. **golǝp*, ср. русск. *головá, гóлову*; укр. *головá, гóлову*; серб. *gláva, glávu*; чешск. *hlava*, польск. *głowa*).
3. *srjeda* (< **serdǝ*, вин. п. *seřǝ*, ср. русск. диал. *середá, сéреду*; укр. *середá, сéреду*; серб. *srijèda, srijedu*; чешск. *středa*, польск. *środa*. В чешск. *střída* — вторичный переход в неподвижную парадигму, как результат семантической дифференциации).
4. *strona* (< **stornǝ*, вин. п. *stořǝ*; ср. русск. *сторонá, стóрону*; укр. *сторонá, стóрону*; серб. *strána, stránu*, чешск. *strana*, польск. *strona*).

Лишь в одном случае наблюдается краткий рефлекс в *-i*-основе ж. р. подвижной парадигмы: *stón, stonje* (< **solǝnǝ*, ср. русск. *сóлонь*, чешск. диал. *slaň*; но чешск. литер. *sláň*). Что касается основ на *-i* с долготными рефлексами при рефлексах подвижной парадигмы в других славянских языках, то они будут разобраны ниже.

2. Основы среднего рода

1. *črjewo* (< **čeřvo*, ср. русск. *чéрево* [*чeрéво* по мн. числу], укр. *чéрево*, болг. *чрѣвó*, слов. *čřevó*, чешск. *střevo*, словацк. *črevo*, польск. *strzewo*. Серб. *crijèvo*, по-видимому, вторично).
2. *drjewo* (< **deřvo*, ср. русск. *дéрево* укр. *дéрево*, серб. *drijevo*, слов. *dřevó*, чешск. *dřevo*, словацк. *drevo*, польск. *drzewo*).
3. *zloto* (< **zolto*, ср. русск. *зóлото*, укр. *зóлото*, серб. *zláto*, слов. *zlató*, чешск. *zlato*, польск. *zloto*).
4. *wrata*, мн. (по-видимому, следует сравнивать с русск. диал. *воротá*, болг. *вратá*, серб. *vráta*, чешск. *vrata*, хотя суще-

³¹ Ср. Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 63.

ствуют и рефлексы неподвижной парадигмы; может быть, собственно лужицкое развитие).

К подвижной парадигме относились, вероятно, также *črona* (мн.) < *čefno; *włoko*, *włoka* (мн.) (первая половина XIX в.) < *volko³²; *hrono* < *gořno, но в других славянских языках нет достаточного материала для подтверждения этого предположения.

Из $\varphi(t)$ -основ на принадлежность к подвижной парадигме указывает *prosjō* (< *pořsę[t], ср. серб. *prāse*, чешск. *prase*, словацк. *prasa*, польск. *prosię*. Укр. *поросся*, слов. *prasè*, *pra-séta* — результат распада парадигмы).

3. Основы на -o- мужского рода

1. *brjód*, *brjoda* (< *veřdъ, ср. русск. *вѣред*, укр. *вѣред*, серб. *vrļjed*, чешск. *vřed*, словацк. *vred*, польск. *wrzód*, *wrzodu*; слов. *vrèd*, *vrèda*, вероятно, по глаголу *vréditi*).
2. *brjoh*, *brjoha* (< *beřgъ, ср. русск. *бѣрег*, укр. *бѣрег*, серб. *brļjeg*, слов. *brèg*, чешск. *břeh*, словацк. *breh*, польск. [*Linde*] *brzeg*, *brzegu*).
3. *htód*, *htoda* (< *goldъ, ср. русск. *голод*, укр. *голод*, серб. *glād*, слов. *glād*, чешск. *hlad*, словацк. *hlad*, польск. *głód*, *głodu*).
4. *htós*, *htosa* (< *golsъ, ср. русск. *гѣлос*, укр. *гѣлос*, серб. *glās*, слов. *glās*, чешск. *hlas*, словацк. *hlas*, польск. *głos*).
5. *hród*, *hroda* (< *gořdъ, ср. русск. *город*, укр. *город*, серб. *grād*, слов. *grād*, чешск. *hrad*, словацк. *hrad*).
6. *čtón*, *čtona* (< *čelnъ, ср. серб. *člān*, слов. *člèn*, чешск. *člen*, словацк. *člen*, польск. *człon*, *człona*; в укр. *челѣн* ударение, вероятно, вторично).
7. *črjóp*, *črjopa* — первая половина XIX в. (< *čęřъ, ср. русск. *чѣрен*, укр. *чѣрен*, серб. *crijep*, слов. *črèp*, чешск. *třep*, словацк. *črep*, польск. *trzop*).
8. *chtód*, *chtoda* (< *xoldъ, ср. русск. *холод*, укр. *холод*, серб. *hlād*, слов. *hlād*, чешск. *chlad*, словацк. *chlad*, польск. *chłód*, *chłoda*).
9. *klós*, *klosa* (< *kolъ, ср. русск. *колос*, укр. *колос*, серб. *klās*, *klāsa*; слов. *klās*, чешск. *klas*, словацк. *klas*, польск. *ktos*).
10. *włós*, *włosa* (< *volъ, ср. русск. *волос*, укр. *волос*, серб. *vłās*, слов. *lās*, чешск. *vlas*, словацк. *vlas*, польск. *włos*).
11. *wrjós*, *wrjosa* (< *veřsъ, ср. русск. *вѣрес*, укр. *вѣрес*, серб. *vrļjes*, слов. *vrèš*, чешск. *vres*, словацк. *vres*, польск. *wrzos*).
12. *wrôh*, *wroha* (< *vořgъ, ср. русск. *ворог*, укр. *ворог*, серб. *vrâg*, слов. *vrâg*, чешск. *vrah*, словацк. *vrah*, польск. *wróg*, *wroga*).

³² Но ср. *włoka*, см. М. Кисаѣа. Указ. соч., стр. 106, под *włoki*.

13. *slód, stoda* (< **soldъ*, ср. русск. *солод*, укр. *солод*; серб. *slád, sláda*; слов. *slád, sláda, sladú*; чешск. *slad*, словацк. *slad*, польск. *slód, stodu*; относительно варианта в.-луж. *slód, stóda* в словаре Смолера см. ниже).
14. *žlob, žloba* — первая половина XIX в. (< **želbъ*, ср. русск. *жлоб*, укр. *жлоб*; серб. *žljev, žljeba*; слов. *žlěb*, др.-чешск. *žleb*, словацк. *ž'ab, žleb*; польск. *žłób, żlobu*).

Примеры подвижной парадигмы с долготными рефлексамн (типа: *mlót, mlóta; wrót, wróta; próch, prócha*) будут рассмотрены ниже.

Прилагательные с циркумфлектированным корнем, относившиеся в краткой форме к подвижной парадигме, дают рефлексы краткости. Надежных следов нового акута в этой категории установить не удалось.

1. *drohi*, наречие *droho* (< **dořgъ*, ср. русск. *дорог, дорогá, дорого*; укр. *дорого*; серб. *drâg, drága*; слов. *drâg*; для рефлекса в полной форме ср. чешск. *drahý*, словацк. *drahý*, польск. *drogi*).
2. *mlody* (< **moľdъ*, ср. русск. *молод, молодá, молодо*; серб. *mlád, mláda*, слов. *mlád*; полную форму ср. чешск. *mladý*, словацк. *mladý*, польск. *mlody*).
3. *plony* (< **polnъ*, ср. слов. *plân*; для полной формы ср. чешск. *planý*, словацк. *planý*, польск. *plony*, литер. *plonny*).
4. *plowy* — первая половина XIX в. (< **polvъ*, ср. серб. *plâv, pláva*; для полной формы ср. чешск. *plavý*, словацк. *plavý*, польск. *plowy*. В слов. *plâv, pláva*, по-видимому, вторичное развитие).
5. *slony* (< **solnъ*, ср. русск. *сблон, солонá, солоно*; серб. *slân, slána*; слов. *slân*; для полной формы ср. чешск. *slaný*, словацк. *slaný*, польск. *slony*).
6. *zloty* (< **zoltъ*, ср. слов. *zlât*; для полной формы ср. чешск. *zlatý*, словацк. *zlatý*, польск. *zloty*).

К этой же группе, вероятно, относится *strowy*, установить акцентную парадигму которого не представляется возможным: связь этого слова с **szdorvъ*, как известно, оспаривается. Если же принять это сравнение, то, по-видимому, краткостный рефлекс в этом слове нужно объяснить так же, как и аналогичный рефлекс в чешск. *zdravý*; можно ли здесь принимать новоциркумфлексовую интонацию — этот вопрос может быть решен лишь в результате тщательного изучения других западнославянских языков: верхнелужицкий практически не дает материала для его решения.

ó в *wróny*, по-видимому, под влиянием *wróna*, ср. серб. *vrân, vrána*; слов. *vrân*; для полной формы ср. чешск. *vraný*, словацк. *vraný*, польск. *wrony*).

I. Неподвижная парадигма

а) Новый акут (тип в)

1. *brónić*³³ (< *bornīti, 1 л. *bornjǝ, 2 л. *bórnišь, ср. укр. бороні́ти, бороні́ш; слов. brániti, bránim; чешск. brániti, словацк. bránit'; польск. диал. brónić).
2. *brózdzić* (< *borzdīti, 1 л. *borzdjǝ, 2 л. *bórzdišь, ср. укр. борозді́ти, борозді́ш; слов. brázditi, brázdim; чешск. bráz-diti; словацк. brázdit'; польск. bruździć, т. е. brózdzić).
3. *chłódzić* (< *xoldīti, 1 л. *xoldjǝ, 2 л. *xóldišь, ср. укр. хо-лоді́ти, холоді́ш; польск. диал. chłódzić [x'óźić]; но слов. hladīti, hladim; чешск. chladiti, словацк. chladit', польск. литерат. chłodzić).
4. *dłózić* (< *dolžīti, 1 л. *dolžjǝ, 2 л. *dólžišь, ср. слов. dláziti, dlážim; чешск. dlážiti, словацк. dláždit').
5. *kłócić* (< *koltīti, 1 л. *koltjǝ, 2 л. *kóltiшь, ср. русск. коло-тíть, колóтишь; укр. колоті́ти, колóтиш; болг. клáтия; слов. klátiti, klátim; чешск. klátiti, словацк. klátit', польск. kłócić).
6. *młócić* (< *moltīti, 1 л. *moltjǝ, 2 л. *móltiшь, ср. русск. молотíть, молóтишь; укр. молоті́ти, молóтиш; болг. млáтия; слов. mlátiti, mlátim; чешск. mlátiti, словацк. mlátit', польск. młócić).
7. *prósić* (< *poršīti, 1 л. *poršjǝ, 2 л. *póršišь, ср. укр. поро-шíти, порóшиш; чешск. prášiti, словацк. prášit', польск. prósić).
8. *strózić* (< *storžīti, 1 л. *storžjǝ, 2 л. *stóržišь, ср. слов. strážiti, strážim; словацк. stražit', польск. [Linde] stróżyć; но русск. сторожíть, сторожíшь; укр. сторожі́ти, сторо-жі́ш).
9. *włócić* (< *volčīti, 1 л. *volčjǝ, 2 л. *vólčišь, ср. русск. воло-чíть, волóчишь; укр. волочі́ти, волóчиш; болг. vláча; слов. vláčiti, vláčim; чешск. vláčiti, словацк. vláčit', польск. włó-czyć).
10. *wrócić* (< *vortīti, 1 л. *vortjǝ, 2 л. vórtiшь, ср. русск. во-ротíть, ворóтишь; болг. врáтия, слов. vrátiti, vrátim; чешск. vrátiti, словацк. vrátit', польск. wrócić).
11. *prěcić* (< *perčīti, 1 л. *perčjǝ, 2 л. *pérčišь, ср. слов. přě-čiti, přěčim; чешск. přičiti, словацк. priečit' sa, но русск. перéчить, укр. перéчити).

³³ В инфинитивах рефлексы долгот, конечно, непервоначальны, они проникают сюда из настоящего времени, это хорошо показывают кашубские факты. Но так как в верхнелужицком процессе выравнивания завер-шен, можно приводить глагол в словарной форме.

б) Акут? (тип а)

Сюда входит несколько глаголов с рефлексивами долготы в корне, которым в других западнославянских языках соответствуют глаголы с рефлексивами краткостей. Рефлексивы краткости в чешском, словацком и польском языках в этой группе глаголов могут указывать или на акутированность корня или на вхождение их в подвижную парадигму, но так как в восточнославянских и южнославянских языках эти глаголы часто показывают связь с неподвижной парадигмой с бывшим акутом корня (тип а), есть основание видеть в *ó* верхнелужицких глаголов рефлексивы акута, тем более что широкое проникновение долготных рефлексивов в многосложные слова, так же как и формы, подобные *plómjo*, *prómjo*, *třěšeŋ*, *břěkowc*, дают основание предполагать отражение акутированных гласных в виде долгих в верхнелужицком и в начальном слоге трехсложного слова. Конечно, такое рассмотрение этих глаголов может быть только гипотезой, выдвинутой в предварительном порядке.

1. *mróčíc* (< **mōrčiti*?, чешск. *mračiti*, словацк. *mračit'*, польск. *mroczyc*; ср. русск. *морóчить*, укр. *морóчити*, болг. *мрáча*; но болг. и *мрачá*, слов. *mračiti*, *mračim*).
2. *plóšíc* (< **pōlšiti*?, чешск. *plašiti*, словацк. *plašit'sa*, польск. *ploszyc*; ср. серб. *plāšiti*, *plāšim*; слов. *plāšiti*, *plāšim*; но русск. *полошúть*, *полошúшь*, а укр. *полошúти*, *полошúши*).
3. *tlóčíc* (< **tōlčiti*?, чешск. *tlačiti*, словацк. *tlačit'*, польск. *tlóczyć*; ср. русск. *толóчить*, правда наряду с *толочúть*, *толочúшь*; слов. *tlāčiti*, *tlāčim*; но серб. *tlāčiti*, *tlāčim*; укр. *толочúти*, *толочúши*).

Эти примеры могут рассматриваться также и как собственно лужицкое развитие: переход из подвижной парадигмы в неподвижную. Так как состав акцентных парадигм у глаголов на *-i-* сильно колеблется в различных славянских языках, то такое толкование едва ли не более вероятно, чем предложенное выше.

II. Подвижная парадигма

1. *hrodzić* (< **gorditi*, 1 л. **gořdjo*, 2 л. **gordišb*, ср. русск. *городúть*, *городúшь*; слов. *graditi*, *gradim*; чешск. *hraditi*; словацк. *hradit'*; польск. *grodzic*).
2. *hlódzić* (< **golditi*, 1 л. **goldjo*, 2 л. **goldišb*, ср. русск. диал. *голодúть*, *голодúшь*; болг. *гладя*; слов. *gladiti*, *gladim*; польск. [Linde] *głodzić*; кашубск. *głozęc*).
3. *drožić* (< **doržiti*, 1 л. **dořžjo*, 2 л. **doržišb*, ср. русск. *дорожúть*, *дорожúшь*; укр. *дорожúти*, *дорожúши*; слов. *dražiti*, *dražim*; чешск. *dražiti*; словацк. *dražit'*; польск. *drożyć się*).

4. *kročić* (вероятно, из **korčiti*, **kořčjo*, *korčišb*, ср. польск. *kroczycь*, кашубск. *kročęc*; но болг. *крáча*, *крáчиш*, *крáчил* — неподвижная парадигма с новым акутом).
5. *młodźić* (< **molditi*, 1 л. **moldjo*, 2 л. **moldišb*, ср. русск. *молодúть*, *молодúшь*; укр. *молодúтися*, *молодúшся*; слов. *mladiti*, *mladím*; чешск. *mladiti*; словацк. *mladit'*, польск. *młodzić*).
6. *śłodźić* (< **solditi*, 1 л. **soldjo*, 2 л. **soldišb*, ср. русск. диал. *солодúть*, *солодúм*; укр. *солодúти*, *солодúш*; слов. *sladiti*, *sladím*; чешск. *sladiti*; словацк. *sladit'*, польск. *śłodzić*).
7. *ślónić* (< **solniti*, 1 л. **solnjo*, 2 л. **solnišb*, ср. русск. диал. *солонúть*, *солонúм*; чешск. **slaniti se*; 3 л. ед. ч. *slaní se*).
8. *złocić* (< **zoltiti*, 1 л. **zoltjo*, 2 л. **zoltišb*, ср. русск. *золотúть*, *золотúшь*; слов. *zlatiti*, *zlatím*; чешск. *zlatiti*; польск. *złocić*; но укр. *золотúти*, *золотúш*; словацк. *zlátit'*).
9. *trjebić* (< **terbiti*, 1 л. *teřbjjo*, 2 л. *terbišb*, ср. русск. *теребúть*, *теребúшь*; укр. *теребúти*, *теребúш*; польск. [Linde] *trzebić*; но болг. *трѣбѣя*; слов. *trěbiti*, *trěbim*; чешск. *třibiti*).

Из приведенного материала довольно ясно основное распределение. Некоторое расхождение с другими славянскими языками легко объяснимо при общей неустойчивости распределения глаголов на *-i-* по акцентным парадигмам. По-видимому, существовало и расхождение по диалектам в самом верхнедужицком. О таком расхождении может свидетельствовать форма *śłodźić*, приводимая в словаре Смолера на стр. XXVI.

Два типа рефлексов долгот в инфинитивах

а) Акут

1. *klóć* (< **kóliti*, ср. русск. *колóть*, *колóла*; серб. *klāti*, слов. *klāti*, чешск. *klāti*; словацк. *klad'*, кашубск. *klóc*; но *klóc* в саборском кашубском говоре, так же как и польск. *klóć*, вторично.).
2. *mléc* (< **mělti*, ср. русск. *молóть*, *молóла*; серб. *mljěti*, слов. *mlěti*, чешск. *mlíti*; словацк. *mlet'* [при литературной вторичной форме *mliet'*], польск. диал. *mlec*³⁴, кашубск. *młoc*; кашубск. *młoc* в саборском говоре вторично).
3. *pléc* (< **pělti*, ср. русск. *полóть*, *полóла*; серб. *pljěti*, слов. *plěti*, чешск. *plíti*, словацк. *plet'* [при литературной вторичной форме *pliet'*], польск. диал. *plec*, кашубск. *płoc*; кашубск. *płoc* в северо-саборском и некоторых других диалектах вторично).
4. *próc* (< **pórti*, ср. русск. *порóть*, *порóла*, слов. *prāti* и кашубск. *proc*; кашубск. *próc* в саборском диалекте, так же как и польск. *pruć*, т. е. *próć*, по-видимому, вторичны).

³⁴ Ср., например, малопольск. *mlec* у М. Кусаła (указ. соч.).

5. *plóc* (< **pólti*, ср. русск. диал. *полóть* [крупы, хлеб], слов. *pláti* 'schwingen', чешск. *pláti* 'vláti', *l*-прич. мн. ч. *plály*; новый акут маловероятен ввиду чешской долготы в *l*-прич.).
6. *wo-bróc so* (< **bórti*, ср. русск. *борóться*, *борóлся*, *борóлась*, *борóлись*; в польск. диал. *bróc się*, как во всех подобных случаях, *ó* обобщено).
- б) Новый акут (вторичный).
1. *drěc* (< **děrti*, ср. укр. *дёртми*, серб. *drijèti*, слов. *drěti*, чешск. *dříti*, словацк. *driet'* [словацк. *dret'* в результате смешения с типом *mlet'*], польск. диал. *dřyc*³⁵, *užžyc*³⁶, кашубск. *dřęc*).
2. *mřęc* (< **mérti*, ср. русск. *умерётъ*, укр. *мерётми*, серб. *mrijèti*, слов. *mřėti*, чешск. *mříti*, словацк. *mriet'* [словацк. *mret'* — результат смешения]; польск. диал. *mřyc*³⁵, **umžyc*³⁶, кашубск. *mřęc*).
3. *prěc* (< **pérti*, ср. русск. *заперётъ*, укр. *запёртми*, серб. *zárrijèti*, слов. *zaprěti*, чешск. *zapříti*, словацк. *zapriet'*, польск. диал. *přyc*³⁷ *zapšyc*³⁸; кашубск. *pręc*).
4. *pře-strěc* (< **stérti*, ср. русск. *простерётъ*, укр. *простёртми*, серб. *pròstrijeti*; слов. *prostrěti*, чешск. *prostříti*).
5. *trěc* (< **térti*, ср. русск. *мерётъ*, укр. *мёртми*, слов. *trěti*, польск. диал. *čšyc*³⁸; в серб. *třti* сохраняется более древняя акутированная форма).
6. *za-wrěc* (< **vérti*, ср. русск. диал. *заверётъ*, слов. *svrěti*, чешск. *otevříti*, польск. диал. *zavžyc*³⁸).
7. *žrěc* (< **žerti*, ср. укр. *жёртми*, серб. *ždrijèti*, слов. *žrěti*, др.-чешск. *žřieti*, польск. диал. *žręc*).
8. *řó-črěc* (< **čěrpiti*, ср. серб. *črpsti*, укр. *черётми*, др.-чешск. *čřieti*, словацк. *čriet'*).

Хотя в ряде случаев в последнем списке примеров следует принять балто-славянский, а может быть, и праславянский акут (*strěc*: лит. *stirta*; *trěc*: серб. *třti*, лит. *tirti*; *wrěc*: лит. *vėrti*; *žrěc*: лит. *gėrti*; *prěc*: лит. *spirti*), внутриславянские сравнения показывают, что уже, вероятно, в праславянский период у части этих глаголов, по-видимому, морфологическим путем была обобщена окситонированная форма инфинитива. Это следует принять прежде всего для инфинитивов от глаголов подвижной парадигмы. Данный процесс затем охватил и ряд других инфинитивов в связи с обобщением в них полной ступени огласовки.

³⁵ Л. А. Булаховский. Акцентологический комментарий к польскому языку. Киев, 1950, стр. 45.

³⁶ Marian Kusała. Указ. соч.

³⁷ Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 45

³⁸ М. Kusała. Указ. соч.

С точки зрения общности акцентно-количественных процессов в западнославянских языках, интересно соответствие в.-луж. *wlec*: польск. опочинск. *vlec*³⁹, кашубск. (словинц.) *vlieg*⁴⁰ и в.-луж. *rosc*: кашубск. (словинц.) *rùosc*⁴⁰.

Отражение долгот в глаголах на *-ati*, *-aje*

Следует отметить также и отражение долгот в глаголах на *-ati*, *-aje*. В этом случае часто возможна двойственность решения: долгота может отражать поздний новый акут, возникший в результате оттягивания ударения с *ā* в конечном сочетании *-aje*⁴¹.

Иногда же можно думать, что долгота отражает новый акут первичного глагола на *-ati/-je-*, который был преобразован в глагол на *-aje-*. Во всех случаях, конечно, в инфинитивах долгота вторична, перенесена из настоящего времени.

1. *plōkać*, (первая половина XIX в.) (< **polkāja-* или **pólčje-*, ср. кашубск. *plōkas*, *plōkaia*, *plōca*; серб. *plākati*, *plāčē*; слов. *plākati*, *plākam*; польск. *plōkać* [орф. *plukać*], чешск. *plākati*, словацк. *plākat'*; но укр. *полóкати*).
2. *srēbać* (< **serbāja-* или **sérbje-*, ср. слов. *srēbati*, *srēbam*, *srēbljem*; др.-русск. *серебати*, *сереблю*; но чешск. *střebati*, словацк. *streat'*).
3. *prōskać* (< **porskāja-*, ср. чешск. *práskati*; но словацк. *praskat'*, ср. с чешск. вариантом *praskati*).
4. *wrēskać* (< **verskāja-*, ср. слов. *vrēskati*, *vrēskam*, чешск. *vřískati*, словацк. *vrieskat'*).
5. *slēkać* (*swlēkać*) (< **velkāja-*, ср. слов. *navlėkati*, *navlėkam*; чешск. *-vlíkati* и *-vlėkati*; словацк. *navliekat'*).
6. **prōkać* — в диал. *prykać* — в словаре Пфуля (по-видимому, из **porkāja-*).

Этой группой, собственно, завершается круг форм, в которых долготные рефлекс сочетаний **tort*, **tolt*... могут быть объяснены как непосредственное продолжение акцентно-интонационных отношений праславянского языка.

Ряд долготных рефлексов не может быть объяснен подобным образом. Эти исключения распадаются на две группы. Первая, отражающая, по-видимому, изменения количества, параллельные аналогичным изменениям в чешском языке, включает именные основы на *-i*. Во вторую входят чисто верхнелужицкие инновации в основах на *-o* мужского рода.

³⁹ Л. А. Булаховский. Указ. соч., стр. 45.

⁴⁰ Там же, стр. 46.

⁴¹ Ср. объяснение Розвадовского (Т. Vennii, J. Loś, J. Rozwadowski. Grammatyka języka polskiego, 1923, стр. 90).

4. Основы на -i-

1. *slódž, slódže*: чешск. *slád'*; но слов. *slād, sladi*; серб. *slād, slādi*.
2. *skróň, skrónje*: чешск. *skráň*; но словацк. *skraň*; слов. *skrânj, skranî*.
3. *srěž, srěže*; чешск. *stříž*; но словацк. *strež*, слов. *srěž, strěž* (м. р.).
4. *hródž, hródže*: чешск. *hrád'*.
5. *wrěšć, wrěšće*; но слов. *vrěšć* (м. р.).
6. *tłóć, tłóće*; но слов. *tláč* (м. р.).
7. *brón, brónje*; но русск. диал. *бóронь*, серб. *brân, brâni*, слов. *brân, branî* (чешск. *braň*, может быть, под влиянием приставочных форм).

Кроме приведенных выше чешских соответствий, показывающих долготные рефлексии циркумфлектированных основ на -i-, можно отметить еще ряд таких случаев: чешск. *část*, но серб. *čest, česti*; словацк. *čast'*, польск. *część*; чешск. *píd'*, но серб. *pěd, pědi*; слов. *pêd, pēdi*; польск. *piędź, piądź*, род. п. *piędzi*; чешск. *souš*, но слов. *sûš, suši*, и некоторые другие.

Эта странная рефлексия поразительным образом сочетается в чешском языке с краткими рефлексиями акутированных основ на -i-. Такие рефлексии параллельны рефлексам основ на -ja- с первоначально акутированными и циркумфлектированными корнями и, вероятно, обусловлены влиянием этих основ⁴². Возможно, что верхне-лужицкие долготные рефлексии в основах на -i- возникли в результате аналогичного же смешения их с основами на -ja-.

2. Основы на -o- мужского рода

1. *młót, młóta*; но русск. *мóлот*, укр. *мóлот*, серб. *mlât*, слов. *mlât*, чешск. *mlat*, словацк. *mlat*, польск. *młot*.
2. *mrók, *mróka* (первая половина XIX в.), но русск. диал. *мóрок*, укр. *мóрок*, серб. *mrâk*, слов. *mrâk*, чешск. *mrak*, словацк. *mrak*, польск. *mrók*.
3. *prôch, prôcha* (первая половина XIX в.), но русск. *пóрох*, укр. *пóрох*, серб. *prâh*, слов. *prâh*, чешск. *prach*, словацк. *prach*, польск. *proch*.
4. *prók, próka* (первая половина XIX в.), но чешск. *prak*, словацк. *prak*; др.-русс. *пóрок*, но в последнем случае неясно, насколько вадечно установлено ударение.

⁴² Ср. Л. А. Булаховский. Акцентологический комментарий к чешскому языку, вып. 2, 3, стр. 23, 24.

5. *trók, tróka* (первая половина XIX в.), но русск диал. *тóрок*, укр. *тóрок*, серб. *trák*, слов. *trák*, чешск. *trak*, словацк. *trak*, польск. *troki* (мн.).
6. *wrót, wróta*; но русск. *вóрот*, укр. *вóрот*, серб. *vrát*, слов. *vrát*, чешск. *vrát*, польск. *wrot*.
7. *drěst, drěsta* (нем. 'Laichkraut'), но русск. *нэпест*; серб. *mrěst, mrijest*; слов. *drěst, mrěst*; польск. *mrzost*.
8. *dróst, drósta* 'Bidens tripartita', возможно, относится к тому же корню, что и *drěst*, с другой ступенью абляута, ср. русск. *нóрост*.

Большая часть этих слов объясняется влиянием соответствующих глаголов: *mlót: mlócić; mrók: mrócić; próch: prócić; wrót: wrócić; prók: *prókać (> prykać)*, показательно также *stód, stóda* ('Malz') в словаре Смолера (ср. русск. *сóлод*, укр. *сóлод*, серб. *slād*, слов. *slād*, чешск. *slad*, словацк. *slad*; польск. *stód, stodu*) при *stódzić* в этом же словаре (стр. XXVI).

Напротив, при именах, закономерно отражающих старый циркумфлекс, обычно встречаются глаголы с краткостным рефлексом **tort, *tolt*, ср. *hród, hroda: hrodzić; hlód, hloda: hlódzić*; литер. *stód, stoda: литер. stódzić; złoto: złoćić; drogi: drożyć* и др. Для слов *trók, drěst* и *dróst* соответствующие глаголы не засвидетельствованы, но они могли существовать, ср. укр. *торочити, торочили, нереститися* и др., впрочем, в *drěst* и *dróst* заманчиво видеть первоначальную окситонезу, ср. лит. *neštas* (2), в этом случае верхнелужицкий в отличие от других славянских языков сохранял бы рефлекс балто-славянской баритонной парадигмы этого слова⁴³.

Не вошедшие в эти две группы исключения единичны и вызваны частными аналогическими воздействиями.

Таким образом, анализ материала, относящегося к рефлексам **tort, *tolt, *tert, *telt*, показывает не только связь этих рефлексов с количественно-интонационными отношениями в праславянском языке, но и некоторые локальные процессы, относящиеся уже к истории западославянских языков и самого верхнелужицкого языка.

Особую проблему представляет, как уже было отмечено, отражение **ъ* и **ь* как *ě* и *ó*, с одной стороны, и как *e* и *o*, с другой, в закрытых слогах, образовавшихся в результате падения следующего редуцированного.

В современном литературном языке есть лишь одна основа с *ě < *ь, *ъ, čěmn-*, но в диалектах и старых текстах можно, по-видимому, найти еще несколько слов такого рода. В грамматике Маттеи (1721) *Miecz* (стр. 35 и в Register под *das Schwerdt*)

⁴³ См. В. М. Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском (в печати).

из **mbь*, *wiednio* (стр. 141) < **vьdьn-*; в радворском диалекте⁴⁴ *kьrk* < **kьrьkь*. Наличие *ó* < *ь*, встречающегося, по-видимому, тоже лишь в определенных диалектах (ср. *pós* в краповском⁴⁵ говоре и литер. *pos*; *šow* в ČMS, 1848, стр. 171, и более частое *šow* (*Schow*), Schn. стр. 24, Jord. стр. 36, 117; Sm.: *šow*, *-owa*, под *Naht*, двусмысленно), может свидетельствовать о том, что, по крайней мере, в некоторых диалектах верхнелужицкого языка судьба **ь* в закрытом слоге была аналогична судьбе **ъ*. Если взять максимальное количество односложных слов с *ó* и *ě* < **ь*, **ъ* и минимальное количество односложных слов с *o* и *e* < **ь*, **ъ* и расположить по типам праславянских парадигм, то они распределяются следующим образом:

I. Неподвижная парадигма

1. *bóz*, *boza* (литер. совр. и старое и по диалектам: *bós*, R., Kг.): слов. *bàz*, *bazà*, (< **bъzъ*).
2. *móch*, *mocha* (Jord., стр. 42; Muka ČMS, 1898, стр. 87; диалекты R. и Kг. *móχ*): слов. *máh*, *màha* (*mäh*, *māha*, *mahū*, вероятно, вторичны), серб. *mäh*, *màha* (*mäh*, *māha* и *mäh*, *māha* — вторичны) (< **mъxъ*).
3. *són*, *sona* (диалекты R. и Kг. *sòn*): слов. *sàn*, *snà*; серб. *càn*, *cnà* (< **sъnъ*).
4. *šow*, *šowa* (ČMS, 1848, стр. 171; но *šou* в Kг.; *šou* в диалекте R. не может быть контраргументом, так как в этом диалекте положение перед *u* является слабым, ср. *žoutk* и *žouka*, стр. 3): слов. *šàv*, *švà* и *šàv*, *šáva*, серб. *šäv*, *švã* (< **šъvъ*).
5. *pós*, *psa* (Kг., в литер. *pos*, *psa*): слов. *pàs*, *psà* (род. п. также *pàsà*, *pàsà*), серб. *nãc*, *ncã* (< **pъsъ*).
6. *rót*, *rta*, (*rota*): слов. *řt*, *řta* (но серб. *řt*) (< **rъtъ*).
7. *měč* (*miecž*, Gramm. G. Matthaei, 1721, стр. 35 и в Register, под *das Schwerdt*, соврем. *mječ*, вероятно, по аналогии): серб. *mãč*, *mãča* (< **mbьčь*, но может быть и из **měčь?*, ср. слов. *měč*, *měča*).

II. Подвижная парадигма

1. *rož*, *ržě*: слов. *řž*, *řži*; серб. *řж*, *řжи*, *pãж*, *pãжи* (< **rъžь*).
2. *woš*, *wšě*: слов. *uš*, *uši*; серб. *juш*, *juши*; *vãш*, *vãши* (< **vъšь*).
3. *krej*, *krwě*: слов. *křv*, *křvi*; серб. *křв*, *křви* (< **krъvь*).
4. *wjes*, *wšě*: слов. *vãš*, *vãši* (< **vъšь*).
5. *lesć*, *lesće*: слов. *lãst*, *lãsti*; серб. *lãst*, *lãsti* (< **lъstь*).
6. *česć*, *česće*: слов. *čãst*, *čãsti*; серб. *čãst*, *čãsti* (< **čъstь*).

⁴⁴ Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łuzyckich. Kraków, 1934, стр. 20. Сокращенное название диалекта — R.

⁴⁵ Там же, стр. 21. Сокращенное название диалекта — Kг.

7. *len, lenu*: слов. *lân, lâna, lanû*, серб. *lân, lâna* (в говорах *lân, lâna*, у Вранчица *laan*, т. е. *lân*) (<*lǣnъ).

8. *džeñ, dnja*: слов. *dân, dnê*; серб. *dân, dnê* (<*dǣnъ).

Лишь в одном случае наблюдается расхождение: *dešč*, но серб. *dážd, dážda*; слов. *dáždž, dáždžà* (<*dǣzdjъ), но здесь, по-видимому, нужно считаться с падением удлиненного *ъ (<*ъ) в позициях, где он чередовался с кратким вариантом (см. ниже). Впрочем, может быть, следует сравнивать с сербским вариантом: *dážd, dážda* (<*dǣzdjъ).

Это распределение не изменится, если взять минимум односложных слов с *ó* и *ě* <*ъ, *ъ и максимум односложных слов с *o* и *e* <*ъ, *ъ, потому что в этом случае ко второй группе отойдут все слова с *ъ: *pos* <*ръсъ, *šow* <*šъвъ, *mječ* <*mъčъ — и, следовательно, вопрос о различной рефлексации *ъ в этой позиции будет снят, так как единственным рефлексом *ъ здесь оказываются *o* и *e*. Остается вопрос о различии рефлексов *ъ, а как раз распределение слов с *ъ не меняется: *rót, bóz, móch, són* — неподвижная парадигма, *rož, woš, knot* — подвижная парадигма. Иными словами, при максимальном взятии материала получается, что *ъ и *ъ в закрытом слоге, образовавшемся в результате падения следующего редуцированного, удлинились и давали рефлекс, аналогичные рефлексам *o и *e в той же позиции, лишь в том случае, когда они были новоактуированы⁴⁶ (т. е. в неподвижной парадигме), а при минимальном взятии материала этот вывод относится только к *ъ. Возможно, это объясняется ранним падением рефлексов удлиненного *ъ* в словах, где он чередовался со своим неуплощенным вариантом.

К сожалению, для окончательного решения этого сложного вопроса недостаточно материала. Необходимо провести тщательное исследование рефлексов *ъ и *ъ по диалектам верхне-лужичского языка с установкой на выявление позиций их удлинения.

Для единичных случаев с *ó, ě* в открытом слоге из *o, e* характерно, что они почти всегда встречаются в положениях, где можно предполагать старую новоактуовую интонацию краткостей⁴⁷.

⁴⁶ Следует отметить, что следы подобной рефлексации имеются и в чешском и словацком языках, правда только перед сочетанием согласных: др.-чешск. *šěl* <*šǣdlъ, современное *šel, děšt*? (вариант *dešt*?), словацк. *dážd*?, см. Л. А. Булаховский. Акцентологический комментарий к чешскому языку, вып. 1. Киев, 1953 стр. 26.

⁴⁷ В ряде случаев нужно предполагать распространение рефлексов нового акута краткостей в положениях, где их первоначально не было: инфинитивы и причастия глаголов на *-i-*, косвенные падежи основ на *-o-*. Производные имена: *nôžik* (первая половина XIX в.), ср. русск. диал. *ножиш*. Можно думать, что эти процессы хотя бы частично предшествовали переходу удлиненных (в результате падения редуцированных) *o* и *e*

- а) Глаголы на *-i-* неподвижной парадигмы⁴⁸. *lójic*: русск. диал. *лѡвят*, укр. *лѡвиш*, болг. *лѡвя*; *mŏžic*: ст.-русс. *ѡмноѡжиши*, укр. *мноѡжиш*; *dŏjic*: укр. *доїтися*, *доюся*, *доїшся*; *wŏtric*: болг. *ѡстря* (приводятся лишь примеры соответствия)⁴⁹.
- б) Глагол *mŏc* (*mohu*, *mŏžeš*, *mŏže* и т. д.), который явно относился к неподвижной парадигме, ср. русск. диал. *можеш*, серб. *mŏžeš*, слов. *mŏreš*, чешск. *mŏžeš*, словацк. *mŏžeš*, кашубск. *mŏžeš*.
- в) Сравнительная степень прилагательных: *bŏle*, ср. русск. диал. *бѡле*, серб. *bŏlji*, слов. *bŏlji* (с преобразованием интонации): *hŏrje*, ср. русск. диал. *гѡрши*, чешск. *hŏře*, серб. *gŏri*, слов. *gŏrji* (с преобразованием интонации).
- г) Прилагательные: *mŏkry* (первая половина XIX в.), ср. русск. диал. *мѡкрой*, серб. диал. *mŏkar* (при литер. *mŏkar*), слов. *mŏkŏr*; *mŏdry*, ср. серб. диал. *mŏdar* (при литер. *mŏdar*), слов. *mŏdŏr*; *wŏtry*, ср. русск. диал. *вѡстрой*, серб. диал. *ŏstar* (при литер. *ŏstar*), слов. *ŏstar*.
- д) Несколько существительных с первоначально краткими *o*, *e*.

Почти все они относились к старой окситонированной парадигме:

1. *thŏr*, *thŏrja*: русск. *хѡрь*, *хоря*; укр. *mхip*, *mхоря*; серб. *tvŏr* (при *tvŏr*).
2. *wŏsk*, *wŏska*, ср. серб. диал. (Пипери) *vŏsŏ^hk*, *voskŏ* (ср. в указ. работе В. М. Иллича-Свитыча § 49).
3. *pŏp*, *pŏpa* (словарь Смолера под *Pfarrer*): русск. *пѡп*, *поня*; укр. *nin*, *nonя*; серб. *pŏp*, *pŏpa*, слов. *pŏp*, *pŏpa*.
4. *hŏzdž*, *hŏzdža* (словарь Смолера под *Nagel*): русск. *гѡздѡ*, *гвоздѡ*; серб. *gvŏzd*; слов. *gŏzd*, *gŏzda*.
5. *jěž*, *jěža*: русск. *ѣж*, *ежя*; серб. диал. (Дубровник) *jěž*, *jěža*. слов. *jěž*.
6. *skŏk*, *skŏka* (первая половина XIX в.), ср. слов. *skŏk*, *skŏka*: серб. диал. *skŏk*.
7. *wŏn*, *wŏnje*; ср. слов. *vŏnj*, *vŏnja* (м. р.); серб. *vŏnj*, *vŏnja* (м. р.), но может быть и под влиянием типа **vŏnja*, ср. выше.
8. *nŏžik* (первая половина XIX в.), ср. русск. диал. *нѡжик*.

в *ŏ* и *ě*, т. е. смешению рефлексов нового акута краткостей с рефлексами удлинённых в закрытых слогах *o*, *e*.

⁴⁸ При неустойчивости распределения глаголов на *i-* по акцентным парадигмам в различных славянских языках, любой глагол этого класса с *ŏ* может быть заподозрен в принадлежности, хотя бы вторичной, к неподвижной парадигме, даже если в остальных славянских языках он относится к подвижной парадигме.

⁴⁹ Ср. также несколько примеров подобного рода в работе М. Рытарева, стр. 84.

Вряд ли сюда *zlósc, zlósce*, ср., однако, русск. диал. *злб, злба*, где рефлекс восходящей интонации краткостей объясняется начальным положением ударного слога.

Возможно, что здесь представлены скудные остатки рефлексов кратких новоаккутированных *o* и *e*. Падение системы этих рефлексов можно связывать с двумя моментами в развитии верхнелужицкого вокализма: в имени эта система была перекрыта системой чередования *ó* и *ě* удлинненных с *o* и *e*, что привело к совпадению *ó* и *ě* кратких, в большинстве случаев, где они не были закрыты долгими, с *o* и *e*. С другой стороны, в системе глагола *ó, ě* краткие очень часто оказывались в безударном положении (в приставочных глаголах), а краткость их только способствовала совпадению с *o* и *e*. Напротив, *ó, ě* в закрытых слогах и на месте **tort, *tolt, *tert, *telt* были долгими, и это способствовало их сохранению⁵⁰.

Незначительность существующего материала делает невозможным строгий анализ данного явления. Можно лишь надеяться, что исследование диалектов верхнелужицкого языка даст новые факты, которые позволят решить вопрос о рефлексах нового акута краткостей.

⁵⁰ Ср. А. А. Шахматов. Заметки по истории звуков лужицких языков. Пг., 1917 (Отд. оттиск. из ИОРЯС, т. XXI, кн. 2, 1916), стр. 5 и 35—36.

М. И. ЕРМАКОВА

МОРФОЛОГИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В НИЖНЕЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Структура глагольных форм настоящего времени и их значение рассматриваются в данной статье на материале нижнелужицкого литературного языка и некоторых говоров западного диалекта Нижней Лужицы. Данные литературного языка были извлечены из произведений нижнелужицких писателей XVIII—XX вв.¹ и из работ, посвященных нижнелужицкому языку². Данные говоров в статье используются на основе материалов экспедиционного диалектологического обследования нижнелужицкой территории, проводившегося Институтом лужицкого народоведения (ГДР) летом 1960—1961 гг. Были привлечены записи, сделанные нами в говорах некоторых деревень центральной части западного диалекта³ (деревни: Шкодов, Рогозна, Нова Яс, Ус — нем. названия: Skadow, Wilmersdorf, Neuendorf, Maust; луж. названия: Škodow, Rogozna, Nowa Wjas — Bezirk Cottbus) и в пограничных говорах западного диалекта на юго-запад от Гродка (Spremberg) (деревни: Заброд, Терпе, Блунь, Бяздов, Парцов — нем. названия: Sabrodt, Terpe, Bluno, Klein-Partwitz, Groß-Partwitz; луж. названия: Zabrodt, Terpe, Bluń, Bjazdow, Parcow — Bezirk Hoyerswerda). Мы воспользовались также материалом магнитофонных записей, произведенных в названных говорах и в говорах некоторых деревень северо-западной и

¹ Chrestomatija dolnosorbiskego pismowstwa, zwěsk I. Berliń, 1956; II zwěsk. Berliń, 1957.

² К. Е. Мукке. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. Leipzig, 1891; В. Šwela. Grammatik der niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1952.

³ Современные лужицкие лингвисты выделяют два нижнелужицких диалекта — западный и восточный. См. «Serbsčina», 15. studijny list. Budyšin, 1956, стр. 1450.

северо-восточной части нижнелужицкой территории (деревни: Мышин, Грожище, Мост — нем. названия: Müschin, Grötsch, Heinersbrück, луж. названия: Mušyn, Grožišće, Most). Отдельные примеры взяты из записей нижнелужицких текстов, сделанных П. Виртом⁴.

§ 2. Формы настоящего времени в нижнелужицком языке образуются от основ совершенного и несовершенного видов: *wupšestřeć* (сов. в.) — *wupšestru* (1 л. ед. ч.), *wupšescěraš* (несов. в.), — *wupšescěram* (1 л. ед. ч.); *mysliš* (несов. в.) — *myslim* (1 л. ед. ч.), *wobmysliš* (сов. в.) — *wobmyslim* (1 л. ед. ч.); *měšaš* (несов. в.) — *měšam* (1 л. ед. ч.), *změšaš* (сов. в.) — *změšam* (1 л. ед. ч.).

В зависимости от характера основы настоящего времени глаголы распределяются по трем спряжениям. Первое спряжение включает глаголы, основа настоящего времени которых оканчивается гласным *-o-*: *njasć* — *njasu* (1 л. ед. ч.), *njasoš* (2 л. ед. ч.), *njasu* (3 л. мн. ч.); второе — глаголы с основой настоящего времени на гласный *-a-* и равной основе инфинитива; *pytaš* — *pytam* (1 л. ед. ч.), *pytaš* (2 л. ед. ч.), *pytaju* (3 л. мн. ч.); к третьему спряжению относятся глаголы, основа настоящего времени которых оканчивается на *-i-*: *mysliš* — *myslim* (1 л. ед. ч.), *mysliš* (2 л. ед. ч.), *mysle* (3 л. мн. ч.). К основам настоящего времени глаголов присоединяются личные окончания, которые у глаголов всех трех спряжений во всех формах, кроме 3 л. мн. ч., и у некоторых глаголов 1 л. ед. ч., совпадают. В окончаниях 3 л. мн. ч. различия наблюдаются между первым и вторым спряжениями, с одной стороны, и третьим спряжением — с другой: глаголы первого спряжения имеют окончание *-u*, второго — *-(j)u*, третьего — *-e*. В 1 л. ед. ч. различаются окончания глаголов первого спряжения и глаголов второго, третьего спряжений: в первом спряжении — окончание *-u* (или *-om*); во втором и третьем *-(a)m*, *-(i)m*. В литературном языке наиболее распространенным является окончание *-u*, которое противопоставляется окончаниям 1 л. ед. ч. второго и третьего спряжений. Но для некоторых глаголов первого спряжения в литературном языке и диалектах возможен наряду с окончанием *-u* и другой вариант окончания 1 л. ед. ч., а именно *-om*, и тогда практически окончания 1 л. ед. ч. в глаголах всех трех спряжений не различаются. В литературном языке группа глаголов с двумя вариантами окончаний в 1 л. ед. ч. довольно ограничена и определена. Это чаще всего односложные глаголы на *-c*, *-ć* (типа *pjac*) и *-a(š)* (типа *młaš*).

В говорах центральной и юго-западной части западного диалекта второй вариант окончания 1 л. ед. ч. распространен

⁴ «Slawische Texte», bearbeitet unter der Leitung von Max Vasmer. Berlin, 1932.

шире, так как он появляется не только среди глаголов указанной выше группы. В ряде говоров, как и в литературном языке, возможны оба варианта личных окончаний 1 л. ед. ч. у одного глагола (например, в говоре Уса от глагола *zec* представлены формы *zecom* и *zeku*; в говоре д. Нова Яс — *viēžom* и *viēžu* и др.). В большинстве же обследованных нами говоров оказывается наиболее употребительным один из вариантов личного окончания 1 л. ед. ч. Так, в говорах деревень Нова Яс, Ус и Рогозна была зафиксирована только форма *korjom*, в говоре Уса — *mje lom*; в говоре Шкодова — только *krju*, *seku*. Однако, как и в литературном языке, наиболее распространенным окончанием в 1 л. ед. ч. у большинства глаголов первого спряжения является первый вариант окончания *-u*.

Таким образом, общая схема личных окончаний нижнелужицкого глагола в настоящем времени представляется следующей:

	I спряжение	II спряжение	III спряжение
Ед. ч.			
1 л.	<i>-u, -om</i>	<i>-a-m</i>	<i>-i-m</i>
2 л.	<i>-oš</i>	<i>-a-š</i>	<i>-i-š</i>
3 л.	<i>-o</i>	<i>-a</i>	<i>-i</i>
Мн. ч.			
1 л.	<i>-omy(-omε)</i>	<i>-a-my(-omε)</i>	<i>-i-my(-mε)</i>
2 л.	<i>-ošo</i>	<i>-a-šo</i>	<i>-i-šo</i>
3 л.	<i>-u</i>	<i>-a-ju</i>	<i>-ε</i>
Дв. ч.			
1 л.	<i>-omej</i>	<i>-a-mej</i>	<i>-i-mej</i>
2 л.	<i>-otej</i>	<i>-a-tej</i>	<i>-i-tej</i>
3 л.	<i>-otej</i>	<i>-a-tej</i>	<i>-i-tej</i>

Нетрудно увидеть, что второй вариант окончания 1 л. ед. ч. *-om* у глаголов первого спряжения, несомненно, появился под воздействием глаголов второго и третьего спряжений, так как личные окончания настоящего времени всех других форм, кроме форм 3 л. мн. ч., у глаголов всех трех спряжений совпадают.

§ 3. Взаимодействие между спряжениями не ограничивается рассмотренным выше явлением, морфологический характер которого вполне ясен. В нижнелужицком литературном языке и особенно в языке говоров наблюдается и обратное влияние глаголов первого спряжения на глаголы второго и третьего спряжений. Характер этого явления сложнее и требует выяснения.

В 1 л. ед. ч. к основе глаголов второго спряжения на *-aš* и третьего спряжения на *-iš*, *-uš*, *-eš* присоединяется личное окончание 1 л. ед. ч. первого спряжения *-u* (или второй вариант

личного окончания в 1 л. ед. ч. у глаголов первого спряжения *-om*), в результате чего возникают новые формы 1 л. ед. ч. на *-aju* (*-a-jom*) (для глаголов второго спряжения) и на *-iju* (*-i-jom*) (для глаголов третьего спряжения). В других формах к основе настоящего времени глаголов второго и третьего спряжений присоединяется тематический гласный основы настоящего времени первого спряжения *-o-* и личные окончания, которые, как мы уже видели, во всех формах настоящего времени (кроме 3 л. мн. ч.) по спряжениям не различаются. В процессе подобных аналогичных образований тематический гласный основы настоящего времени первого спряжения *-o-* отходит к личным окончаниям, и сочетания *-om*, *-oš*, *-o* (ед. ч.); *-omy* (*-ome* — в центральных говорах западного диалекта), *-ošo*, *-oju* (мн. ч.); *-omej*, *-otej*, *-otej* (дв. ч.) получают значение личных окончаний. Таким образом, для глаголов второго и третьего спряжений на *-aš*, *-yš*, *-iš*, *-eš* образуется новая парадигма по типу настоящего времени глаголов первого спряжения. Характер этого процесса дает основание говорить о явлении переразложения основы настоящего времени в первом спряжении. Оно известно и литературному языку, и нижнелужицким диалектам (по крайней мере, говорам центральной и юго-западной части западного диалекта Нижней Лужицы). В литературном языке это явление наблюдается уже в памятниках XVI в., диалектной основой которых являются северо-западные говоры Коттбусского диалекта⁵ (говоры на территории между Коттбусом и Люббенау — Люббен). В дальнейшем это явление распространилось и в других говорах нижнелужицкого языка и сейчас известно на большей части территории западного диалекта нижнелужицкого языка.

§ 4. Образование форм настоящего времени глаголов второго и третьего спряжений по типу глаголов первого спряжения в нижнелужицком языке уже отмечалось в работах по нижнелужицкому языку⁶. Мука приводит многочисленные примеры подобных образований в литературном языке. Подавляющее большинство их — формы настоящего времени от приставочных глаголов совершенного вида, и лишь отдельные формы представляют бесприставочные глаголы совершенного вида: ср. *pódaris* — *pódarijo*, *hupyšniš* — *hupyšnijo*, *póstrowiš* — *póstrowijo*, *pótožyš* — *pótožyjo*, *zaboliš* — *zabolijo* и *spódobáš se* — *spódobajo se*, *psichytaš* — *psichytaju*, *psiwołaš* — *psiwołajo*⁷. Из небольшой группы бесприставочных глаголов совершенного вида, упомянутых Мукой,

⁵ См. К. Е. Мукке. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache*, стр. 577.

⁶ См. К. Е. Мукке. Указ. соч., стр. 576—577, 590; В. Šwela. *Grammatik der niedersorbischen Sprache*, стр. 58, 60.

⁷ См. К. Е. Мукке. Указ. соч., стр. 576—577, 590.

приведем следующие: *stupiś* — *stupijoś*, *chysiś* — *chysijoś*, *puścis* — *puścijo*, *chopiś* — *chopiju* ⁸.

Бесприставочные глаголы несовершенного вида, парные к соответствующим приставочным глаголам совершенного вида, по наблюдениям Муки, имеют обычную форму настоящего времени глаголов второго и третьего спряжения, т. е. *chytaś*—*chytam* и т. д.

Действительно, в нижнелужицком литературном языке новообразования в формах настоящего времени наблюдаются почти исключительно от приставочных глаголов совершенного вида и той группы бесприставочных глаголов совершенного вида, о которой упоминалось выше.

Это обстоятельство послужило основанием для того, чтобы связать причины появления новых аналогичных форм настоящего времени с видовым значением глагольной основы, а именно — со значением основы совершенного вида. По мнению авторов, придерживающихся этой точки зрения ⁸, формы настоящего времени, образованные от основ глаголов совершенного вида, в том числе и от интересующих нас глаголов, в нижнелужицком языке всегда имеют значение будущего времени. Согласно этой точке зрения, новые формы настоящего времени аналогического образования возникли в результате необходимости выразить значение действительного настоящего от указанных глаголов совершенного вида.

Так как это значение «дуративного презенса» свойственно лишь формам настоящего времени глаголов несовершенного вида, то, по мнению авторов грамматик нижнелужицкого языка, при образовании форм настоящего времени с этим значением от основ данных глаголов совершенного вида происходит смена видового значения основы, а именно — имперфективация глаголов совершенного вида. Последняя осуществляется с помощью присоединения к основе настоящего времени данных глаголов суффикса *-jo-*. Авторы лужицких грамматик рассуждают примерно так: поскольку образование форм со значением настоящего времени от упомянутых глаголов якобы невозможно (полагают, что новообразования известны в основном от приставочных глаголов совершенного вида), а соответствующие производные глаголы не всегда существуют, то «язык нашел выход в выравнивании этих глаголов по настоящему времени других глаголов со значением дуративного способа действия» ⁹ (имеются в виду глаголы типа *znaś*, *daś*).

§ 5. Материал литературного языка и говоров дает возможность выявить широкий круг глаголов второго и третьего спря-

⁸ К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 576, 589; В. Śwēta. Указ. соч., стр. 60.

⁹ К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 576.

жений на *-aš*, *-iš* (*-yš*), *-eš* различных морфологических типов, подверженных влиянию глаголов первого спряжения.

1. Новые формы настоящего времени аналогического происхождения зафиксированы от бесприставочных глаголов совершенного вида. Парными к этим глаголам являются бесприставочные глаголы несовершенного вида. Например: *chopiš* (сов. в.) 'начать, взяться за что-либо' (литер. *chopim* — 1 л. ед. ч., *chopiš* — 2 л. ед. ч.), в говорах зафиксирована форма аналогического образования: ср., например, в говоре Заброна *'xopiš* (3 л. ед. ч.); *chyšiš* (сов. в.) 'бросить, кинуть' (литер. *chyšim*, *chyšiš*), в говорах употребительна и новая форма: ср., например, в говоре Блуня *ja 'xyšiu*, *dua 'xyšitei* (дв. ч.), *'xyšiu* (3 л. мн. ч.); *sajšiš* (сов. в.) 'посадить, поставить': ср. *njesajžijo* (1, 203)¹⁰; *stupiš* (сов. в.) 'ступить, шагнуть': ср. в говоре Заброна *'stupiu* (1 л. ед. ч.), но наряду с этим употребляется и старая форма *stupim*, в говоре Блуня и Терпе для 1. ед. ч. распространена лишь форма *'stupiu*; *pušiš* (сов. в.) 'пустить' (лит. *pušćim*, *pušću*); *'pušćio* (3 л. ед. ч.); *'šlapiš* (сов. в.) 'бросить, швырнуть' (литер. *šlapju* или *šlapim*, 1 л. ед. ч., *šlapiš*), в говорах распространена новая форма настоящего времени: ср., например, в говоре Блуня *ja 'šlapeju*; *štapiš* (сов. в.) 'уколоть, кольнуть' (лит. *štapim*, *štapiš*), в говорах употребительны и формы, образованные по третьему спряжению: *'štapim* (1 л. ед. ч.) (Ус), *'štapi* (3 л. ед. ч.), *'štape* (3 л. мн. ч.), *'štapitei* (дв. ч.) (Бяздов) и новообразования типа *'štapiju* (1 л. ед. ч.) (Бяздов), *'štapijom* — (1 л. ед. ч.) (Ус), *'štapijo* (3 л. ед. ч.) (Заброд).

2. Новообразования зафиксированы и от бесприставочных глаголов несовершенного вида, из которых некоторые имеют соответствующий парный бесприставочный глагол совершенного вида: например, от глагола *chytaš* (несов. в.) в говорах образуются формы *ja 'xytam* (Шкодов) и *ja 'xytaju* (Рогозна), (*xyšiš*, сов. в., см. выше); в говоре Блуня наблюдалась форма *'štapaju* — 1 л. ед. ч. от глагола *'štapas* (несов. в.) (соответствующий *'štapiš*, сов. в., см. выше), в. *'štapam*; *mysliš* (несов. в.) — *myslijo* (1, 356); *poñiš* (несов. в.) — *poñijo* (1, 357). Среди бесприставочных глаголов несовершенного вида в нижнелужицком языке есть группа глаголов, изменяющихся в одних говорах по первому спряжению, в других — по второму или третьему. Например, в говоре Шкодова формы настоящего времени от глагола *woraš* 'пахать' образуются по второму спряжению, т. е. *'užram*, а в говорах деревень Нова Яс и Ус эта же форма и все остальные образованы по типу глаголов первого спряжения: *'užriom* (1 л. ед. ч.), *'užrijo* (3 л. ед. ч.), *'užriotei* (дв. ч.).

¹⁰ Римская цифра в скобках указывает на том, арабская — на страницу в кн.: «Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa».

Аналогические образования, свидетельствующие о влиянии глаголов первого спряжения на второе, в говорах представлены очень широко. Некоторые из бесприставочных глаголов, которые в литературном языке изменяются по второму и третьему спряжениям, в говорах отражены как глаголы первого спряжения. Отметим, однако, что у бесприставочных глаголов окончания первого спряжения проникают обычно лишь в отдельные формы.

И в литературном языке, и в говорах можно наблюдать глаголы со смешанной парадигмой, включающей формы, образованные как по первому, так и по второму (или третьему) спряжениям.

§ 6. Приставочные глаголы, от которых в нижнелужицком литературном языке и говорах возможны новообразования в формах настоящего времени, также представляют различные морфологические типы.

1. Новая форма настоящего времени зафиксирована от приставочного глагола совершенного вида. В качестве парного глагола к нему выступает бесприставочный глагол несовершенного вида:

а) *zawołaś* (сов. в.) 'закричать, позвать' (*wolaś*, несов. в.); *namakaś* (сов. в.) 'найти' (*makaś*, несов. в.); *wucycaś* (сов. в.) 'высосать' (*cycaś*, несов. в.); *změšaś* (сов. в.) 'смешать' (*měšaś*, несов. в.); *zawěrgaś* (сов. в.) 'забросить, закатить' (*wěrgaś*, несов. в.); *zatkanś* (сов. в.) 'заткнуть' (*tkaś* несов. в.); *wobchowaś* (сов. в.) 'сохранить' (*chowaś*, несов. в.) и др.

От этих глаголов зафиксированы следующие формы настоящего времени: *ja 'zawołaju* — 1 л. ед. ч. (Шкодов), *namakajoś* — 2 л. ед. ч. (II, 415), *namakajo* — 3 л. ед. ч. (I, 212—4, 217); *se namakajo* — 3 л. ед. ч. (I, 116, 156, 217), *namakajošo* — 2 л. мн. ч. (I, 167), '*namakaju* — 1 л. ед. ч. (Заброд); '*zமாகajú* — 1 л. мн. ч. (говор Парцова), но в говоре Блуны распространена лишь старая форма настоящего времени, ср. '*zமாகamy*; *wucycajo* — 3 л. ед. ч. (II, 203); *wucycaju* — 3 л. мн. ч. (II, 204); *změšajo* — 3 л. ед. ч. (II, 118); *zawjergajo* — 3 л. ед. ч. (I, 217); *zatkanjo* — 3 л. ед. ч. (II, 201, 357); *njewobchowajo* — 3 л. ед. ч. (I, 215).

Для приставочных глаголов данного типа словарь Муки¹¹ отмечает и вторичные приставочные глаголы несовершенного вида с суффиксом *-owa-*, но с пометой «устаревшее»: *zawołowas*, *namakowas*, *wucycowas*, *změšowas*, *zawěrgowas*, *zatykowas*, *wobchowowas*. В обследованном материале от этих глаголов несовершенного вида были зафиксированы отдельные формы настоящего времени. Ср. *namakujomy* (I, 118), *dodychujó* (II, 192) и др. Основа приставочных глаголов с суффиксом *-owa-* используется и для образования форм имперфекта. Большинство приставочных глаголов совершенного вида данного типа словарь харак-

¹¹ Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка, вып. I, Пг., 1921.

теризует как глаголы второго спряжения. Лишь для глагола *zatkaś* указаны и новые формы настоящего времени на *-ajom*, *-ajoš* и т. д. Обследованный материал дает для всех этих глаголов формы настоящего времени, образованные по первому спряжению, в том числе и для глагола *wobchowaś* (*wobchowaju*, *wobchowajoś* и др.). Последний, согласно указаниям словаря Муки, является глаголом второго спряжения, и формы настоящего времени от этого глагола, образованные по первому спряжению — *wobchuju*, *wobchujoš* и т. д., т. е. по аналогии с глаголами несовершенного вида на *-owa-*, в словаре Муки отмечаются как «ошибочные».

б) Из глаголов третьего спряжения, употребляющихся в форме новообразований, отметим следующие приставочные глаголы совершенного вида: *zgubiś* (сов. в.) 'потерять' (*gubiś*, несов. в.); *scyniś* (сов. в.) 'сделать' (*cyniś*, несов. в.); *natwariś* (сов. в.) 'построить' (*twariś*, несов. в.); последний глагол и в литературном языке, и в обследованных говорах в настоящем времени представлен в наших записях лишь в форме новообразований; *romysliś* (сов. в.) 'подумать' (*mysliś*, несов. в.), *zagaśiś* (сов. в.) 'загасить' (*gaśiś*, несов. в.), *zestabjeś* (сов. в.) 'ослабеть' (*stabjeś*, несов. в.), *'uoblédněś* (сов. в.) 'поблédнеть' (*blédněś*, несов. в.), *zestareś* (сов. в.) 'постареть' (*stareś*, несов. в.)¹², *'zgubiju* — 1 л. ед. ч. (Заброд); *zgubijo* — 3 л. ед. ч. (I, 217), *se zgubijo* (II, 414), *'natwarijomu* — 1 л. мн. ч. (Шкодов); в говорах Заброна и Бяздова для глагола *scyniś* в 1 л. ед. ч. употребляются обе формы настоящего времени *ja 'scynim* и *ja 'scyniju*, в 3 л. ед. ч. *yon scyniō* (II, 171); *'zagašiju* — 1 л. ед. ч., *'zagasyjotej* — 2, 3 л. дв. ч., этот глагол во всех говорах отмечен и в новой форме, и в старой форме настоящего времени, т. е. наряду с формой *'zagašiju* 1 л. ед. ч. употребляется и форма *'zagašim*, образованная по третьему спряжению; *'stucyju* — 1 л. ед. ч. (Терпе); *'uoblédniju* — 1 л. ед. ч., *'zestarejō* — 3 л. ед. ч., *'zazsleniō* — 3 л. ед. ч. — и др.

2. а) Новые формы настоящего времени образованы от приставочных глаголов совершенного вида. Соответствующими парными к ним глаголами являются приставочные глаголы несовершенного вида. Приставочные глаголы несовершенного вида с суффиксом *-owa-*, парные к некоторым из указанных приставочных глаголов совершенного вида, в словаре Муки отмечены как устаревшие и при обследовании говоров не зафиксированы: *wótworiś* (*se*) (сов. в.) 'открыть' (*wótworaś*, *wótworowaś*, несов. в.); *wustupiś* (сов. в.) 'выйти, выступить' (*wustupaś*, *wustupowaś*,

¹² Формы настоящего времени (*'zestabjeju*, *'uoblédněju* и т. д.) от глаголов, означающих переход из одного состояния в другое, в говорах встречаются очень редко. Обычно при переводе немецкого глагола, например, *alten* 'стареть' информатор дает конструкцию *'uordujō stary*, соответствующую нем. *alten werden*.

несов. в.); *zastupiš* (сов. в.) 'заменить' (*zastupaš, zastupowaš*, несов. в.); *wobmyliš* (сов. в.) 'обдумать' (*wobmyślaš, wobmyslowaš*, несов. в.); *zasajžiš* (сов. в.) 'вставить, включить' (*zasajžšaš*, несов. в.); *zasajžowaš*, несов. в.); *wustawiš* (сов. в.) 'установить, назначить' (*wustawjaš*, несов. в.); *wustawjowaš*, несов. в.); *wucyniš* (сов. в.) 'вынуть, высыпать' (*wucynjaš*, несов. в.); *rozczyniš* (сов. в.) 'раскрыть, разделить' (*rozczynjaš*, несов. в.); *wobrošiš* (сов. в.) 'перевернуть' (*wobrošaš*, несов. в.); *spuściš* (сов. в.) 'спустить' (*spuścišaš*, несов. в.) и др. Это самая многочисленная группа глаголов, от которой зафиксированы новые формы настоящего времени. Отметим, что в литературном языке нами наблюдались отдельные формы соответствующих приставочных глаголов несовершенного вида (ср. *pśistupuju*, II, 147). В словаре Муки некоторые из них также даны с пометой «устаревшее». Приведем некоторые формы настоящего времени от данного типа глаголов: *wotworijo* — 3 л. ед. ч. (II, 204, 249); *wustupijo* — 3 л. ед. ч. (I, 247); *zastupijo* — 3 л. ед. ч. (II, 179); *wobmyslijo* — 3 л. ед. ч. (I, 212); *zasajžiju* — 1 л. ед. ч. (II, 210); *wostawijo* — 3 л. ед. ч. (II, 110); *wucynijo* — 3 л. ед. ч. (II, 178); *se rozczynijo* — 3 л. ед. ч. (II, 191); *pśiwobrošijo* — 3 л. ед. ч. (I, 197); *spuścijoš se* — 2 л. ед. ч. (II, 21); *pšemylijo* — 3 л. ед. ч. (II, 376); *wotcynijo* — 3 л. ед. ч. (II, 358); *pšewalijo se* — 3 л. ед. ч. (II, 358); *se wuzbužijo* — 3 л. ед. ч. (II, 299); *wuchysijo* — 3 л. ед. ч. (II, 299); в говоре Парцова *'uŋtlečijo* (3 л. ед. ч.); *'wulešejo* (3 л. ед. ч.), и др. Для некоторых глаголов в говорах употребляются новые и старые формы настоящего времени: например, в говорах Забрда и Бяздова одинаково возможны формы *ja 'uŋtcyniiju* (1 л. ед. ч.) и *ja 'uŋtcynim*; в говорах Блуня и Бяздова — *ja 'zaštapiiju* (1 л. ед. ч.), *'zaštapiijetej* (2 и 3 л. дв. ч.) и *'zaštape* (3 л. мн. ч.) — по третьему спряжению; в говоре Бяздова, наряду со старой формой *ja zacynim*, употребляется и новая *ja 'zacyniiju* (1 л. ед. ч.), в говоре же Терне распространена лишь новая форма *'zacyniiju* (1 л. ед. ч.), *'zapaliiju* (1 л. ед. ч.), в говоре Блуня — только *'uŋtprzysijō* (3 л. ед. ч.), в говоре Забрда — *'uŋtmōtaijomy* (1 л. мн. ч.), *ja 'nastupiju* (1 л. ед. ч.); в говоре Парцова — *'uŋceriŋenijoš* (2 л. ед. ч.).

б) Новые формы настоящего времени в некоторых случаях возможны для данного типа не только у глаголов совершенного вида, но и у соответствующих глаголов несовершенного вида. Так, нам встретилась форма *zeblekajo se* — 3 л. ед. ч. (II, 97) от глагола *zeblekaš* (несов. в.). Соответствующий глагол совершенного вида — *zeblac* 'снять, раздеть', вторичный глагол несовершенного вида *zeblekowaš* не отмечен; *nadšĕgajo* — 3 л. ед. ч. (II, 96) от глагола *nadšĕgaš* 'простира́ться' (несов. в.), соответствующего глагола совершенного вида нет; от глагола *wupśesĕraš* (несов. в.) 'растягивать, расстилать' встречается форма, образованная по типу глаголов первого спряжения — *wupśesĕrajo* (3 л. ед. ч.).

Парным к нему глаголом совершенного вида является *wupšeštrěš*, для которого словарь Муки дает как формы на *-stru*, *-štroš*, так и новые формы на *-štrějom*, *-još*. В говорах Рогозны и Шкодова мы отметили глагол *'rəspǫraš* (несов. в.) 'разбрасывать, сорить деньгами', представленный следующими формами настоящего времени: *ja 'rəspǫraju* (*'pěńězy*) — 1 л. ед. ч., *'rəspǫrajomə* — 1 л. мн. ч., *'rəspǫraju* — 3 л. мн. ч., т. е. образованными по типу новообразований; но ср. в говоре Бяздова — *ja 'rəspǫram* (*'pěńězy*), *ǫón 'rəspǫra* (*'pěńězy*) — формы настоящего времени изменяются по второму спряжению.

3. Новые формы настоящего времени, образованные по типу глаголов первого спряжения, наблюдаются у приставочных глаголов совершенного вида, которым соответствует приставочный глагол несовершенного вида с суффиксом *-owa-* (последний в словаре Муки отмечается как устаревший); *woznamėniš* (сов. в.) 'указать, известить, отметить' (*woznamėnowaš*, несов. в.); *zastužyš* (сов. в.) 'заслужить' (*zastužowaš*, несов. в.); *wuchwališ* (сов. в.) 'восхвалить' (*wuchwalowaš* несов. в.) и др.; *se wuznamėniju* — 1 л. ед. ч. (I, 145); *zastužyjo* — 3 л. ед. ч. (I, 130, II, 248); *wuchwalijo* — 3 л. ед. ч. (I, 103) и т. д.

Наконец, в форме новообразований в говорах наблюдались глаголы совершенного вида, не имеющие соответствий по виду. Так, в говоре Рогозны для 1 л. ед. ч. глагола *'obšuziš* 'обмануть' находим и форму *'opšuzim* (по третьему спряжению) и форму *'əpšuziju* (по первому спряжению); для 2, 3 л. дв. ч. также зафиксированы два варианта окончаний: *'əpšuzetej* и *'əbšuziǫtej* (по парадигме первого спряжения); глагол *wustrowiš* 'излечить' отмечен нами в форме 3 л. ед. ч. по первому спряжению, т. е. *'ustruǫiǫ*.

§ 7. Таким образом, как это видно из приведенного материала, образование новых форм настоящего времени от глаголов на *-aš*, *-iš*, *-yš*, *-eš*, относящихся ко второму или третьему спряжениям, по образцу глаголов первого спряжения возможно от глаголов любого вида любого морфологического типа глагольных пар. Можно лишь отметить, что от интересующих нас приставочных глаголов новообразования настоящего времени особенно многочисленны. По существу, речь идет о чисто морфологическом процессе выравнивания в настоящем времени форм глаголов, принадлежащих к различным спряжениям, а именно — о поглощении глаголов второго и третьего спряжения глаголами первого спряжения. В говорах это явление распространено шире, чем в литературном языке; материал говоров отражает постепенное закрепление новых окончаний у отдельных глаголов: в одних говорах сохраняется старая форма настоящего времени, в других наряду со старой формой представлена и новая, в третьих известна лишь новая форма настоящего времени для данного глагола.

Однако чисто морфологический характер образования новых форм настоящего времени еще не может считаться полностью доказанным, если не будет рассмотрено сходство и различие в употреблении старых и новых форм настоящего времени.

§ 8. Состав временных форм в нижнелужицком литературном языке отличен от состава временных форм в нижнелужицких говорах. Различия касаются состава группы прошедших времен. Если в литературном языке прошедшее время представлено как простыми формами (аористом и имперфектом), так и сложными (перфектом и плюсквамперфектом), то в говорах употребляется лишь одна форма прошедшего времени, являющаяся по происхождению перфектом.

Будущее время в литературном языке и в говорах представлено простой и сложной формами. Первая образуется так же, как и форма настоящего времени, вторая — из форм настоящего времени глагола *bys* (*budu* или *bužom* и т. д.) + инфинитив спрягаемого глагола.

В работах, посвященных нижнелужицкому языку¹³, постоянно предполагается, что формы простого будущего образуются лишь от глаголов совершенного вида, т. е. глаголы совершенного вида в форме настоящего времени имеют значение будущего времени. Форму же сложного, описательного будущего имеют глаголы несовершенного вида, и, следовательно, эта форма будущего времени образуется по типу: настоящее время глагола *bys* + инфинитив глагола несовершенного вида. Правда, отмечается, что этот путь образования будущего сложного нередко нарушается и тогда появляются «ошибочные», по мнению авторов нормативных грамматик, формы типа *ja budu pśiš* и др.¹⁴

Обследование нижнелужицкого литературного языка и говоров показало, что для нижнелужицкого языка образование сложных форм будущего от глаголов обоих видов — обычное явление. Форма будущего типа *bys* + инфинитив спрягаемого глагола совершенного или несовершенного вида особенно широко распространена в говорах, являясь здесь, по существу, основной формой будущего времени. Ср. следующие примеры: *ja 'budu 'kupiš* (сов. в.) и *ja 'budu 'kupośaš* (несов. в.) (обе формы зафиксированы в одном и том же говоре — Рогозны) или *ja bdu 'śvetų 'gasnuš* (несов. в.) и *ja bdu 'śvetų 'zgasnuš* (сов. в.), *užn 'bužo 'zasbeśiš*, *ja 'budu 'kaxle 'zatopiš*, *te 'žurja 'uštamknuš*, *'zamknuš* (Заброд) и т. д. Широкое распространение в говорах форм будущего сложного, образованного от глаголов обоих видов, за

¹³ См. К. Е. Мукке. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre...*; В. Śwela. Указ. соч., стр. 91.

¹⁴ См. К. Е. Мукке. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre...* стр. 576, 589; В. Śwela. Указ. соч., стр. 91.

счет простого будущего поддерживается и влиянием немецкого языка, где формы будущего сложного образуются от любого глагола.

В литературном языке формы будущего сложного с инфинитивом глагола совершенного вида также не являются редкостью и употребляются наряду с формами будущего, в составе которых представлен инфинитив глагола несовершенного вида: ср., например, следующие формы будущего сложного: *Kaki bužo toga goleši pšichod? Wjasele bužo wona pytaš, ale tužycu namakaš!* (I, 276) и *Ja pšiwjedu was sam, gaž bužošo se pšawje wochłožiš a zmocniš, zasej tam naslědk* (I, 202).

В приведенных примерах инфинитив в составе будущего сложного представлен и глаголом несовершенного вида (*pytaš*), и глаголом совершенного вида (*namakaš*, *wochłožiš* и *zmocniš*).

Формы простого будущего, как и формы сложного будущего, образуются от глаголов обоих видов. Обе формы простого будущего омонимичны формам настоящего времени. Отметим, что формы простого будущего, образованные от глаголов несовершенного вида, в обследованном материале были зафиксированы в небольшом числе случаев. Приведем некоторые примеры из материала говоров:

'póten 'štjórtku 'jedžomy dom (Бяздов). В этом же контексте может быть употреблен и глагол совершенного вида. Ср. в том же говоре — *'póten 'štjórtku 'rójedžomy 'dom*. *'Viće ja 'səbota, 'səbotu 'džomy 'do kina* (Бяздов); *'drug's 'letə du 'də šule* и *'drug's 'letə 'póidu ja 'də šule* (Заброд); *'viće 'təpim ja 'kaxle* (Бяздов), в сходном контексте можно наблюдать и форму будущего сложного: *'kólž 'džeň ja 'təpim 'kaxle i'viće bdu 'təpiš*; *'uice 'zamknu ja 'cyue 'džurja a 'jedu də 'süəta* (Заброд); *ja 'tužycm 'viće tu 'sleuku* и *na 'drug'i 'dne 'budu ja te 'sleuki 'tužycš*; *ja 'kupuju 'viće 'véle 'sadu* и *ja 'budu 'véle 'sadu 'kupiš* (Герпе).

В приведенных примерах формы простого будущего, представленные формами глаголов несовершенного вида, указывают на действия, относящиеся к периоду, следующему за настоящим. Обстоятельства времени подчеркивают это значение данных форм.

Формы простого будущего, образованные от глаголов совершенного вида, совпадают с формами настоящего времени совершенного вида. Ср. следующие примеры: *... a gaž ten za mnjo glucny moment pšišo, to posćelu žėši k Wam, aby se Wam ... žėkowali* (II, 325); *co jano z tym polskim čoš, ty wěšće do Polskeje njepojžoš* (II, 241).

Формы простого будущего *pšišo*, *posćelu*, *njepojžoš* указывают на отнесенность действия к плану будущего. В этом отношении они ничем не отличаются от приведенных форм сложного будущего. Некоторые исследователи современных славянских языков пытаются усмотреть различия в значении форм будущего

простого и будущего сложного. Так, А. В. Исаченко¹⁵ полагает, что в современном русском, чешском и словацком языках будущее сложное указывает на абсолютную разобщенность действия с моментом речи, между тем как формы будущего простого не предполагают обязательной разобщенности с моментом речи. Можно привести достаточно примеров из русского языка, где форма сложного будущего сама по себе вообще не позволяет установить степень разобщенности действия с моментом речи. А в некоторых случаях формы простого будущего в соответствующем контексте дают возможность определить большую разобщенность, действия, выраженного ими, в сравнении с действиями, выраженными формами сложного будущего. Это подтверждается и фактами нижнелужицкого языка. Приведем некоторые соответствующие примеры из нижнелужицкого языка: ... *ga budu Was tak dłužko lažacego žaržaš, až luže pšidu, kotarež te žurja z namocu wotcynje* (II, 169) 'и вы будете лежать до тех пор, пока не придут люди, которые силой откроют дверь'. Трудно сказать, что действие, обозначенное в приведенных примерах формой *буду žaržaš*, более разобщено или даже абсолютно разобщено с моментом речи, чем действие, выраженное формами простого будущего *pšidu, wotcynje*. То же можно наблюдать и в следующем примере: ... *a won zluhi pogońcoju, až bužo sam tu noc pši njom stražowaš, a až někotarych luži sobu wezmjo* (II, 210—211) 'и он обещал, что он сам будет охранять его в эту ночь и даже возьмет с собой некоторых людей'. В этом отрывке сама последовательность действий предполагает большую удаленность действия, выраженного формой будущего сложного. В других контекстах, напротив, наиболее удаленным оказывается действие, обозначенное формой будущего простого (см. выше примеры на стр. 95). Русский перевод приведенных примеров дает представление о сходной картине в русском языке. Без определенных указаний контекста вообще невозможно судить о разобщенности действия с моментом речи, так как форма сама по себе ничего не говорит об этом. Ср. еще следующие примеры: *Chož togodla rozym ma, ten njebužo was a waš staw zanicowaš, togo samego se njesromaš* (II, 157) и *Běchu togo menjenja, až jo dosegnuła něži sto a dwanasćo lět abo wěcej — A to po taksowanju, wo kotaremž hyšći pisaš budu* (II, 118). Из приведенных примеров ясно лишь то, что действия, обозначенные формами будущего сложного, вообще относятся к будущему времени, а степень приближения их осуществления к настоящему выяснить невозможно. Таким образом, формы простого и сложного будущего в нижнелужицком, указывая лишь на отнесенность действий к плану будущего,

¹⁵ А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая. Братислава, 1960. стр. 444—445.

не отличаются друг от друга по значению. Это подтверждается и тем, что в одном и том же контексте, как мы видели на примерах употребления форм будущего времени в говорах (стр. 94 — 95), можно наблюдать и простые и сложные формы будущего времени.

Формы настоящего времени, как и формы будущего времени, образуются от глаголов несовершенного и совершенного видов. Как было сказано выше, в работах, посвященных лужицким языкам, обычно утверждается невозможность образования форм со значением настоящего времени от глаголов совершенного вида. Это утверждение вытекает из признания тесной связи видового и временного значений и лежит в основе объяснения причин появления новых форм настоящего времени в нижнелужицком языке от глаголов второго спряжения на *-aš* и третьего спряжения на *-iš* (*-yš*), *-eš*. Между тем положение о невозможности образования форм настоящего времени от глаголов совершенного вида не подтверждается фактами нижнелужицкого языка. Чтобы убедиться в этом, необходимо рассмотреть употребление форм настоящего времени от глаголов совершенного вида. Выяснение их употребления проливает свет на возможное объяснение причины появления интересующих нас новообразований.

§ 9. При рассмотрении употребления форм настоящего времени от основ глаголов совершенного вида в нижнелужицком литературном языке и в говорах мы исходим из того, что формами настоящего времени обозначаются действия, относимые к настоящему периоду, и из принципиальной возможности выражения значения собственно настоящего формами настоящего времени, образованными от глаголов совершенного вида¹⁶.

При анализе употребления форм настоящего времени от глаголов совершенного вида целесообразна параллельная подача в сходных контекстах форм настоящего времени от глаголов, видовое значение которых (значение совершенного вида) не вызывает сомнений, с одной стороны; и форм настоящего времени интересующих нас глаголов второго и третьего спряжений на *-aš*, *-iš*, (*-yš*), *-eš* с учетом старой (обычной) формы настоящего времени и новой формы — с другой.

В нижнелужицком литературном языке наиболее распространенными типами употребления форм настоящего времени от глаголов совершенного вида являются следующие:

I. а) Формы настоящего времени от глаголов совершенного вида употребляются для обозначения единичных, конкретных действий, осуществляемых в пределах настоящего периода.

¹⁶ «Настоящим периодом является такой период совершения действия, который хотя бы частично совпадает с ориентационным моментом, т. е. с отрезком времени совершения исходного события». См. И. К. Бунина. Система времени старославянского глагола. М., 1959, стр. 153.

В этом значении наблюдаются формы настоящего времени как от глаголов, не имеющих новых форм аналогического происхождения, так и от глаголов, от которых можно образовать новые формы настоящего времени. Приведем некоторые примеры из нижнелужицкого литературного языка: *Wozjawim Wam, až pšez pšš lět diakonat w městku Witkow zastojm* (I, 134); *Wutšobny žěk a postrowjenje pšiwolaťam Wam hušći raz, wy pšizjazne Budyšynarje ...* (II, 67).

Время совершения действий, обозначенных формами настоящего времени глаголов *wozjawiš* и *psiwołaš*, совпадает с моментом речи. Значение форм настоящего времени в первом примере — *wozjawim* — противостоит значению формы простого будущего *zastojm*. Последняя указывает на действие, которое осуществится после момента речи, через определенное время (*pšš lět*), т. е. за пределами настоящего периода.

Иногда в контексте оказывается подчеркнутым однократный характер единичного действия, выраженного формой настоящего времени от глагола совершенного вида. Например: *Pšipodla pak raz w usuwnjo se jim to slowo* (II, 203). Если в приведенных выше примерах употреблены глаголы (*wozjawiš* и *psiwołaš*), от которых можно было бы образовать и новую форму настоящего времени — *wozjawiju* и *psiwołaju*, то в последнем примере от глагола *wusuwnuš se* форма настоящего времени *wusuwnjo se* — единственно возможная. Временное значение форм настоящего времени во всех рассмотренных случаях одинаково, так как единичные действия, обозначенные ими, совершаются в период настоящего.

В значении единичных конкретных действий формы настоящего времени в литературном языке часто употребляются в авторских ремарках к событиям пьесы, к поведению действующих лиц на сцене. Например: *Sednjo se ku kamjenam a wukładujo, mjazy drugimi wěcami wušěgnjo teke kniglicki* (II, 326); *druge golcy zastupje, postrowje pšělnice a pomagaju zasej te kolaska do rěda sporaš* (II, 328); *wušěgnjo flašku a tžyci z kipy a nalějo jomu* (II, 327).

Формы настоящего времени от глаголов совершенного вида указывают здесь на единичные конкретные действия. Но в отличие от предшествующих примеров эти единичные действия образуют ряд последовательно совершающихся событий в пределах настоящего периода. Как и в предыдущей группе примеров, в этом отрывке употреблены формы настоящего времени от глаголов, допускающих наряду с отмеченной здесь старой формой также и новую форму (ср. глаголы *postrowiš, zastupiš*), и от глаголов, имеющих лишь одну форму настоящего времени (ср. глаголы *sednuš, wušěgnuš*). Все формы настоящего времени, обозначающие в этом отрывке единичные действия, равноправны по своему значению.

Как показывает обследованный материал, в значении единичного, конкретного действия, время совершения которого относится к настоящему периоду, употребляются не только старые формы настоящего времени, но и формы настоящего времени аналогического происхождения. В некоторых случаях можно наблюдать употребление старых и новых форм настоящего времени в сходных по своему характеру контекстах. Ср. следующие примеры из нижнелужицкого литературного языка:

Dokulaž tych něto wjele jo a ja ku kuždemu psiš njamogu, ga woblichuju se tudy pšez ten Casnik swojeje štušnosći a postrowiju wot njogo wšyknuch, kenž jogo znaju a lubuju (II, 67); *a take doważujoš ty se mě groniš?* (I, 247); ... *z achopijo: Srjež Borkow stoj lipa zelena* (II, 328).

Форма настоящего времени *postrowijo* (3 л. ед. ч.) образована от глагола *postrowiš*, для которого мы уже отмечали употребление обычной формы настоящего времени — *postrowje* (3 л. мн. ч.) (ср. пример на стр. 98). Сравнение употребления старой и новой формы настоящего времени не дает оснований для вывода о различиях во временном значении той и другой формы. В обоих случаях время совершения действий, обозначенных старой или новой формой настоящего времени, относится к настоящему периоду и совпадает со временем высказывания автора. В последнем примере речь идет о совпадении времени действия, выраженного формой настоящего времени *postrowiju*, с моментом обращения автора с приветствием к читателям лужицкого журнала «Casnik».

Употребление старых и новых форм настоящего времени в значении единичных, конкретных действий широко распространено и подтверждается материалом нижнелужицких говоров. Время совершения действий, выраженных этими формами, часто совпадает с моментом высказывания. Это наблюдается тогда, когда форма настоящего времени употреблена информатором во время ответа на вопрос: «что Вы сейчас делаете?», заданный непосредственно в момент совершения действия, например: *ja 'ušt cynim te 'žurja* (Заброд); *ja 'zgasnim 'sjetuž, ja 's tucnym 'zacynim* (Парцов); *ja 'zasveću tu 'lampu* (Бяздов); *ja 'stoim a 'ušt cynim te 'džurfa* (Парцов).

Отмеченные формы настоящего времени образованы от глаголов, от которых наблюдаются и новые формы настоящего времени; некоторые из них зафиксированы в одних и тех же говорах. Ср., например: *'uštei 'xylce ja 'tei 'žurja 'ušt cyniŋu* (Заброд); *'něnt 'st u pi ŋu 'dž špy 'nuć a 'braška 'ušt prasy ŋo* (Блунь). В говоре Забрда можно услышать *ja 'scyni ŋu te 'kniggy na 'blido* и *ja 'scyni ŋu te 'kniggy na 'blido*.

б) Формы настоящего времени, образованные от глаголов совершенного вида, могут выражать не только единичные, конкретные действия, которые осуществляются в один из моментов

настоящего периода, но и такие действия, осуществление которых не предполагается в данный момент настоящего. В этом случае речь идет о типичных действиях, характерных для ситуации настоящего периода в целом. Время совершения действий, обозначенных формами настоящего времени, целиком относится к настоящему периоду. Например: *W nowšem casu njejsu jano chudše žowća ale teke naše bogate burske a kosacne nałog, pšimjeli ... zamožnejše w roše se skoro zaso domoj, někotare pak z chudšych w ostanu w cuzbje* (II, 98).

Действия, обозначенные глаголами *wroše se, wostanu*, характеризуют ряд лиц в данной ситуации настоящего (*nowšy cas*) в Лужице. Автор обобщает ряд неоднократно наблюдаемых им фактов: многие лужицкие крестьяне зимой отправляются служить в город; богатые всегда снова возвращаются домой, а некоторые из бедняков остаются на службе в городе. При сообщении об этом факте он использует формы настоящего времени глаголов, вид которых не вызывает сомнений и определяется в литературном языке как совершенный.

В ряде случаев контекст дополнительно подчеркивает противопоставление ситуации, характерной для настоящего периода, предшествующему или последующему периодам. Например: *... z kakeju lubosću Wy z Wašymi žěšimi sćo serbski powjedali, to žěnsa rědko namakaš wu serbskich fararjow* (II, 225). *Te, ako dobre su teke nic njepomagaju, ... ale nawopaki, woni nacynje z tym wjeliku škodu, až luže se w nich pšiwuce, mimo pšemyšljenja cytaš ... Ale nichten mě njegroň, až jo ta duchna chudoba jano za cas nětejšnego roda, kotaremuž se jogo serbska narodnosć z eb-laco, a až bužo to w pšichodnem rodu južo lěpjej* (II, 53).

Противопоставление двух временных периодов — настоящего и прошедшего — в первом примере выражено формами настоящего и прошедшего времени. обстоятельство *žěnsa* 'сегодня' дополнительно подчеркивает отнесенность времени совершения действия, выраженного формой *namakaš* к тому времени, когда осуществляются высказывания автора, т. е. к настоящему периоду. Во втором примере предполагается возможность противопоставления ситуации настоящего периода ситуации будущего. Речь идет о наблюдаемом автором сильным влиянии немецкой литературы на лужичан, о потере лужичанами своих национальных особенностей. Автор сомневается в том, что это положение, характерное для современной ему ситуации (*za cas nětejšnego roda*), в будущем (*w pšichodnem rodu*) может измениться. Противопоставление двух периодов — настоящего и будущего — выражено здесь в формах настоящего времени — *nacynje, pšiwuce* — и будущего. Контекст, обстоятельственные слова подчеркивают противопоставление различных временных планов.

Типичные действия, характерные для настоящего периода, могут быть выражены и глаголами в новых формах настоящего

времени. Например: *Čtož togodla, ... take knigły ... wobsejžejo, kotarež se wěcej nješiše a togodla tež niži wjele njenja makajo, ale ako zbytk ze starego casa su zawostali ...* (I, 217); *w spěwanju serbskich cerkwinych kjarližow pak se sami mjazy sobu rozwučuju a pilnuju a wuzwoliju sebje k takemu statku swoju kantorku* (II, 99); *to maš drje wšake wudawanja, což towaristwo nastupa, kenž Twoju Kapsu młogi raz wuprozniju* (II, 245); *wjele našych nětejšnych žowcow swoju řednu drastwu tak pšeměnijo, až dajo sebje swoje ředne wlosy kužeriš* (II, 414); *k comuž pon wšakorake knigły pšedarijo, je do domow njaso a je wuchwalijo z nejwjetšeju pilnošću* (I, 103).

Действия, на которые указывают формы *wuprozniju*, *pšeměnijo*, *pšedarijo*, *wuchwalijo*, характеризуют определенных лиц. Они представляют собой действия, регулярно или нерегулярно совершающиеся в границах настоящего периода. Контекст, в котором употребляется новая форма настоящего времени *njenja makajo* (первый пример), сходен по своему характеру с контекстом, в котором употреблена форма *namakaš* (стр. 29). И в том, и в другом случае действия, обозначенные старой и новой формами настоящего времени, являются типичными и характеризуют ситуацию настоящего периода в целом. В обоих случаях ситуация настоящего противопоставляется ситуации предшествующего периода. Так же, как и в других примерах (см. выше, стр. 100), здесь речь идет не о конкретном осуществлении действия в данный момент, а о типичности, характерности действия для ситуации настоящего в целом.

Материал нижнелужицкого литературного языка дает примеры параллельного употребления новых и старых форм настоящего времени от одного и того же глагола в сходных контекстах. Например: *Ale gaž nět ... žoš milu dalej abo dvě a wižiš tam a styšyš, kak wšykne młode serbske luže a žěši šim němski postrowje a mjazy sobu se němski rozgranjaju ...* (II, 18); *a gaž po serbskem kraju drogujoš ga rozwjaselijo se tebje wutšoba, gaž tam a how ... serbske žywenje namakaš ... a šim wěcej z wjaselijo wono šim, gaž serbskego muža nadejžoš a gaž to kšacne. «Pomgaj Bog» šim postrowijo* (II, 18).

Приведенные отрывки дают возможность наглядно убедиться, что употребление новых форм настоящего времени не предполагает особых условий, отличных от условий употребления старых форм. Контексты, в которых употреблены формы настоящего времени в обоих примерах, совершенно однотипны — в пределах настоящего периода ряд действий, связанных в совершении друг с другом, осуществляется всякий раз при определенных условиях: радуется путник, когда, путешествуя по Лужице, находит лужицкие деревни, слышит лужицкую речь. Однако если в первом примере глагол *postrowiš*, указывающий на типичное для данной ситуации действие, стоит в форме настоящего вре-

мени *postrowje*, то во втором примере этот же глагол употреблен в новой форме — *postrowijo*. Новую форму настоящего времени имеют и глаголы *rozwjaseliš, zwjaseliš*. Глагол же *namakaš* употреблен в старой форме. Таким образом, сходные контексты одинаково допускают употребление новых и старых форм настоящего времени. Очевидно, что в данном случае эти формы равнозначны во временном отношении.

В нижнелужицких говорах старые и новые формы настоящего времени от глаголов совершенного вида при передаче действий, типичных для данного лица в период настоящего, встречаются очень часто. Ср., например: *ja se 'iacôr šece 'lanu* ('sich hinlegen') *uŝn šece 'pomaŭku 'u us ņiŝ* ('er schläft immer langsam ein'); *my sme se 'casto 'z makaŭomy* и т. д.; *to su byli, gaš 'pomyšliŝ ten cas 'xude cac* (Шкодов); *ja šece 'zapaliŭ 'sŭtŭc* (Терпе); *ja šece te 'peŋeze 'zgubiŭ* (Терпе, Заброд); *ja 'zgubiŭ jan drugi zeŋ te 'peŋeze* (Блунь).

Действиями, выраженными отмеченными формами настоящего времени, рассказчик характеризует привычки, свойства, постоянно, в настоящий период, присущие ему или другому действующему лицу. Эти действия он имеет обыкновение совершать при определенных обстоятельствах (каждый вечер он зажигает свет; он всегда теряет деньги и т. д.).

II. Как мы уже отмечали выше, формы настоящего времени от глаголов совершенного вида совпадают с формами простого будущего. При этом мы имеем в виду вообще глаголы совершенного вида, без учета того факта, что некоторые из них могут иметь две формы настоящего времени, т. е. для них речь шла об одной форме будущего простого и об одной форме настоящего времени. Как показывает обследованный материал нижнелужицкого литературного языка и говоров, форма будущего простого может также совпадать и с новой формой настоящего времени, образованной от глаголов второго и третьего спряжений на *-aš, -iš (-yš), -eš*. Новые формы настоящего времени могут выражать действие, относящееся к периоду будущего. Ср. следующие примеры: *Ale witajšo šim wěcej wy, kotarež hyšci kwišoŝo w zywej młodosci a z lubi jošo, aŝ hyšci pšinjasošo rědne płody našomu lubemu Serbstwu ...* (II, 55); *jomu bolešo starość aŝ daniž syn daniž žowka wot jogo žony jomu wjacor żywjenja rědny njewucyniju* (I, 249); *cuznik bužo se pši tom słowje něco wjelikego nažeš, ale nic drugogo nje namakajo ako jadnu radnu wušynu ...* (I, 245); *cakaj hyšci krotki cas a twojo wuśobne požedan'e se dopolnijo* (I, 198); *namakajošo mě w žnjach mjazy styrich a pěsich wotpołdnja pšecej w tom gumnyšku* (I, 167).

В первом примере можно отметить противопоставление двух временных планов — настоящего и будущего, выраженное формой настоящего времени от глагола несовершенного вида *kwišo*

и формой простого будущего — *psinjasošo*. Новая форма настоящего времени — *zlubijošo* — в данном контексте имеет значение будущего времени. В остальных примерах новые формы настоящего времени также употреблены в значении действия, время совершения которого относится к плану будущего. Таким образом, в некоторых случаях новые формы настоящего времени могут совпадать с формами простого будущего.

В говорах подобное употребление форм настоящего времени наблюдается очень часто. Например: *'viče ia 'stupiiju nuč dō 'bračoveje špy a 'zapaliiju to sētuzō* (Терпе) (= *ia bdu 'stupiš a 'zapališ*); *'viče ia 'zgubiiju te 'pēšze a 'zasej 'namakaiju* (Заброд); *ia 'ižem s tymi 'trekariami a pōn mōk dalej 'sekaša 'zasekajo* (Заброд). Ср. также отрывок из рассказа информатора (деревня Шкодов): *my-li 'mamy tak 'vele 'drieva, 'dla cōgo ga my sme 'sebiš 'ianōgo 'mšta nje 'natuariižmy?* Контекст данного отрывка и вся конкретная ситуация употребления этого глагола свидетельствуют о значении будущего времени формы *natuariižmy* 'построим'. Основа этого глагола имеет значение совершенного вида.

III. Формы настоящего времени, образованные от глаголов совершенного вида, могут указывать и на так называемые вневременные действия. Такие действия выражают обычно отличительные свойства, качества предметов, лиц, явлений, присутствующие последним не только в настоящий период, но и в любой другой период. Например: *...naraz tež dub njeпаднjo* (II, 111). В этой фразе речь идет об определенной особенности предмета, в данном случае дерева: 'сразу и дуб не падает'. В других случаях автор сообщает о свойствах лица. Например: *A to cyni kuždy, ... kenž tym, ako něco za nju cynje, abo cyniš kšē nje pomaga, ale pšigledajucu znazdala stoj a palca njezgiбnjo* (II, 20).

Очевидно, что в приведенных примерах время совершения действий, обозначенных формами *njeпаднjo*, *njezgiбnjo*, не ограничено рамками настоящего периода. Речь идет об известных свойствах, характеризующих лицо или предмет в любое время. Но каждый раз, когда это действие может произойти, оно носит завершенный характер: 'он стоит, приглядываясь издаലെка, и даже пальцем не пошевелит'. Соответствующий глагол несовершенного вида не передает этого значения. Действия, обозначаемые формами несовершенного вида *cynje*, *kšē cyniš*, *znazdala stoj*, являются своего рода фоном, на котором осуществляется действие, выраженное формой настоящего времени совершенного вида.

О действиях, типичных для любого периода, обычно упоминается в связи с основными событиями рассказа. Конкретная ситуация рассказа наводит на мысль о более общих по своему характеру ситуациях. В значении «вневременных действий»

наряду с обычными формами настоящего времени употребляются также и новые формы. Например: *Wěcywustajne a swědobniwe luže wěže: gaž lud se nagle swojeje mamineje rěcy wotwucyjo, ga zeblekajo se won teke dobre pocynki, kotarež jo stworišel jogo splagoju do kolebki polożył, a zrazom njedostanjo duchnych wosebnošćow a dobrotow... ku kotaregož rěcy a nałogam se njeposřednje pšewobroši jo* (II, 97).

Ситуация, о которой сообщается в приведенном отрывке, служит обобщением наблюдаемых автором в настоящий период конкретных явлений. В данном случае речь идет о том, что некоторые лужичане отказываются от своего родного языка. А это, по мнению автора и других, всегда ведет к определенным последствиям: потере национальных особенностей и т. д. Таким образом, действия, обозначенные формами настоящего времени — *wotwucyjo, zeblekajo* и т. д., могут совершаться в любое время при наличии определенных условий. Они могут совершаться и в настоящий период, так как ситуация настоящего может их вызвать. Приведем еще некоторые примеры, где новая форма настоящего времени указывает на действие, являющееся постоянным свойством субъекта: *Dobre słowo namaka jo dobre městno* (I, 214); *Cogodla zacyni jo kokot wocy, gaž spěwa* (II, 328); *žěto dawa wjasele a spokojenje, ale jabeř šišći a zmucyjo twoje cłonki* (II, 205); *to kuždy we swojom žywjenu nazgani jo, pšeto gluka a sěža pšizotej ku kuždemu cłowjekoju* (II, 335).

§ 10. Формы настоящего времени от глаголов совершенного вида употребляются и в значении исторического настоящего. В этом случае временным планом рассказа является прошедший период. О событиях этого периода сообщается в формах прошедших времен (в литературном нижнелужицком — в формах аориста, имперфекта, в говорах — в формах перфекта). К форме настоящего времени автор прибегает для оживления рассказа, для придания ему большей наглядности. При таком употреблении формы настоящего времени могут обозначать отдельные конкретные действия или ряд последовательно совершающихся действий, каждое из которых представляется завершенным. Например: *Pši dešćowatem wjedrje... wudachmy se... na drogu na Janšojske dwornišćo... Kněz Unger w Pšibrěgu běšo tak dobry był a za naš dalšny wulět tu sparnu lož «Roland» pšigotował — drogo tu jězbu nam teke njewoblicy... My jězomy do teje noweje, wjelikeje pušćalnice... Te wrota, ako wodu zežaržuju, se zacynje. Naša lož spadujo col wo col... a ten kanal wujžo nam z wocowu* (II, 350, 352, 353).

В последнем примере при изображении цепи развертывающихся событий рассказа автор прибегает к формам настоящего времени совершенного вида наряду с формами аориста. То же употребление настоящего времени можно наблюдать и в сле-

дующем примере: *A taka wěrna zwěrnosc... a taka wosebna kradosc zasišćachu se dłymoko do wutšoby tego chorego gojca a wustrowi jogo... won klěknjo pšed njeju na koleni, pšimjejo ju za ruku a pšosy...* (II, 177).

Новые формы настоящего времени в этом значении также употребляются очень широко: *Pšechysi jen pšez głowu... a zo pšez gumno na łuki... Łojtej něto jaden pšemoc drugemu, tam a how se jaben pjeršk, šćipjeł abo piskor do šišćaka za błužijo* (II, 357); *ale ten smarcy, až jo tšach, Maslědku se wuzubijo* (II, 299). *Malsnje se wobłaco, scynijo sebje šawl wokoto šyje, wzejo z police kružk a zo kšajžu ze jšpy...* (II, 177); *Zrazom wuskocyjo z gumna pšez płotowu žėru wuchac a ženjo pšed nima pšez drogu* (II, 173). *Wy dungyr bengele! — tak won wuchyšijo swoju złošć a drapjo se pomatem zasej gorzej* (II, 299). *Młynarka pak w kuchni wšych zastarujō, wšych wochłōžijo, nasešijo* (II, 184). *Naslědku wusužijo kněstwo, až Janjuro swoju mjazku ma* (II, 111). *Ale jaden žeń, ak domoj pšizo, jomu na jogo kłapanje nicht njewotcynijo* (II, 178).

В таком употреблении мы наблюдали формы настоящего времени и в говорах, в рассказах информаторов о событиях, которые имели место в прошлом. Приведем отрывок из рассказа информатора о пожаре, свидетелем которого он был однажды в детстве: *... a ja 'ušcyniiju te 'wecy a te 'žurja a 'sjušam: se to tak 'klaska... ga'vižim aš naše 'brožni se 'pali... ja ras 'za u o u a i u 'flink 'mšju 'šošu a 'mšjegō 'nana* (Шкодов).

Действия, обозначенные интересующими нас формами настоящего времени, могут целиком относиться к периоду прошлого и характеризовать его; в этом случае они типичны для всего периода прошлого. Такое употребление форм настоящего времени мы наблюдали в говорах при рассказе о привычных для говорящего событиях, происходивших в период, предшествующий настоящему; о сельскохозяйственных работах, повторяющихся из года в год в определенной естественной последовательности. Например: *... 'potom 'šidu te 'synoče 'žni, to 'syno 'zasekaju... 'Rano 'dostaniomy 'futer dla 'krowy... durx 'futrujomy 'dalej, 'futer 'dajom 'krōwam... 'zasej 'čižomy 'domoj... durx 'čižo to 'syno, durx 'čižo ta 'rupklaya...* (Заброд).

В приведенном рассказе информатор сообщает об определенном круге своих обязанностей в прошлом. Действия, на которые указывают формы настоящего времени, совершались последовательно из года в год.

§ 11. Рассмотрение употребления форм настоящего времени, образованных от основ глаголов совершенного вида, показывает, что этими формами могут быть обозначены действия, период совершения которых лежит в пределах периода настоящего. При этом форма настоящего времени выражает действие конкретное, совершающееся в определенные

моменты настоящего периода, или действие типичное, характерное для периода настоящего в целом. Формы настоящего времени от глаголов совершенного вида могут использоваться также для обозначения действий, свойственных лицам, предметам и явлениям в любой период времени, в том числе и в настоящем. В некоторых случаях наблюдается относительное употребление форм настоящего времени от глаголов совершенного вида, т. е. употребление их в качестве настоящего исторического. Приведенные примеры делают очевидным тот факт, что данные формы настоящего времени в нижнелужицком языке имеют свое временное значение, а именно — значение собственно настоящего. В отмеченных значениях употребляются как старые, так и новые формы настоящего времени аналогического происхождения, т. е. во временном значении новых и старых форм различий не наблюдается. Нельзя даже говорить о распределении функций между новыми и старыми формами настоящего времени, при котором бы старые формы, совпадающие с простым будущим, чаще использовались для выражения будущего времени, а новые — для выражения собственно настоящего. Анализ употребления этих форм не дает пока возможности сделать такой вывод. Новые формы настоящего времени могут, как мы видели выше, употребляться и в значении будущего.

Таким образом, появление новых форм настоящего времени можно объяснить чисто морфологическими причинами, а именно — выравниванием форм второго и третьего спряжения по формам глаголов первого спряжения, т. е. процессом поглощения второго и третьего спряжения первым спряжением.

М. А. МИХАЙЛОВ

**О ФОРМЕ ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ
ВЕРХНЕЛУЖИЦКИХ СЛОЖНЫХ СЛОВ**

Как известно, словообразовательный анализ ставит перед собой задачу разложить основу прежде всего на такие составные части, из которых она слагается непосредственно. Выделение частей, непосредственно составляющих основу того или иного слова, важно потому, что только они определяют влияние этого слова на лексические новообразования языка.

Под «сложным словом» в статье понимаются слова, основа которых непосредственно разлагается: 1) на две простые основы и соединительный гласный (сложение), 2) на две простые основы, соединительный гласный и суффикс (суффиксальное сложение), 3) на парадигматическую форму и простую основу (сращение), 4) на парадигматическую форму, простую основу и суффикс (суффиксальное сращение). Таким образом, сложения противопоставлены в статье сращениям по составу первого компонента: в сложениях он состоит из простой основы и соединительного гласного, в сращениях — из парадигматической формы¹.

Статья посвящена сложным словам современного верхнелужицкого языка, включающим в состав первой части основы форму винительного падежа имени существительного. Такая направленность статьи объясняется двумя обстоятельствами.

¹ Само собою разумеется, что парадигматическую форму в сращении и парадигматическую форму в сочетании полностью отождествлять нельзя. Но в работах по словообразованию условно принято говорить о частях речи и их формах, выступающих первым компонентом сложных слов. Использование такой терминологии неточно, но для выполнения некоторых задач, в том числе и задачи этой статьи, удобно и вполне уместно. Точно так же условно говорится в статье о частях речи и формах, употребленных в качестве второго компонента сложных образований.

Во-первых, использование формы винительного падежа существительного в первой части сложных слов — явление вообще редкое в славянских языках, но довольно распространенное в верхнелужицком. Следовательно, оно специфично для верхнелужицкого словообразования². Во-вторых, в широком распространении верхнелужицких сращений нельзя не видеть воздействия немецкого языка, тем более, что строение многих верхнелужицких слов свидетельствует о поморфемном калькировании. Но определение формы первых компонентов немецких сложных слов во многих случаях затруднительно, потому что в немецком языке широко распространены сложные образования с чистой основой существительного в первой части, а форма винительного падежа единственного числа немецкого существительного совпадает с чистой основой. В большинстве типов склонения такое совпадение наблюдается уже с древневерхненемецкого периода. Таким образом, в верхнелужицком морфологически ясный винительный падеж в первой части сложных слов создает определенную специфику и по отношению к немецкому языку.

В статье учтен весь материал словарей Якубапа и Пфуля и частично — словаря Краля³. Таким образом, все выводы построены на изучении языка письменного.

При работе над словообразованием живого языка, опирающейся лишь на факты, отраженные графически, приходится примиряться с одним неизбежным недостатком. Важнейшим признаком сложного слова, отличающим его от сочетания, является наличие единого словесного ударения. Графически это отражается в виде слитного написания. Поэтому в тех случаях, когда нет других морфологических показателей, квалифицировать языковые единицы как сочетания или сложные слова можно лишь опираясь на этот орфографический признак. Однако в верхнелужицком языке все языковые нормы, в том числе орфографические, вплоть до настоящего времени не отличались устойчивостью. Из этого следует, что выводы статьи носят предварительный характер и нуждаются в проверке на основе изучения данных живого языка.

² Думается, что в единственной большой и всеобъемлющей (по охвату частей речи и словообразовательных типов) работе по верхнелужицкому словообразованию (M. Krječmar. Tworjenje słowow w hornjoserbsčinjje. «Lětopis Instituta za serbski ludospyt», rjad A, čisło 2. Budyšin, 1954, стр. 21—93) роль сложных образований с парадигматической формой в первой части в языке неправомерно принижается. Что же касается слов с формой винительного падежа имени существительного в первой части, то они почти совершенно не попали в поле зрения автора.

³ F. J a k u b a š. Hornjoserbsko-němski słownik. Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. Budyšin—Bautzen, 1954; P f u h l. Łužiskiserbski słownik. Budyšin, 1866; J. K r a l. Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje rěče. Budyšin, 1931.

При анализе срощений, имеющих форму винительного падежа существительного в первой части, важно отметить две особенности верхнелужицких сложных слов. Во-первых, глагол в спрягаемых формах и в инфинитиве крайне редко является в виде сложного слова с именем существительным в первой части. В словаре Якубаши, например, нет ни одного сложного инфинитива такого типа, а отмеченное словарем образование *domarytać* представляет собой бесспорную кальку с немецкого *heimsuchen*, где в первой части выступает наречие (*heim — doma*). На огромный материал словаря Пфуля приходится только четыре сложных инфинитива: *bohurunac*, *džěčiwodźić*, *blótoteptać*⁴ и *rukowodźić*, причем последнее слово явно нелужицкого происхождения.

Во-вторых, верхнелужицкие сложения с основой прилагательного, местоимения и т. д. — вообще любой части речи, за исключением существительного в составе первого компонента, — в качестве соединительного гласного имеют только гласный *o*. Известно, что в славянских языках при образовании сложений могут использоваться две соединительные морфемы, при этом *e* часто сохраняется в положении после мягких или старых палатализованных согласных. Во всех подобных случаях в современном верхнелужицком языке возможен только гласный *o*: *božonócnny*, *cuzoknjejstwo*, *delnjolužičan*, *horcokrejny*, *knježodwórski*, *lěnjoleacy*, *prěnjolětny* и т. д. Последние два слова, в которых соединительный гласный находится перед мягкими согласными, свидетельствуют о том, что употребление в качестве соединительной морфемы только гласного *o* представляет морфологическое явление.

В образованиях, где можно было бы предположить соединительный гласный *e*, он всегда мотивирован как суффикс положительной или сравнительной степени наречия и потому, кстати сказать, не выделяется непосредственно: *wótiřerěčak* — ср. *wótriře rěčeć*, *wulcešinjak* — ср. *činić so wulce*, *mjenjehódnny* — ср. параллельно *małohódnny*, а иногда и вовсе не является морфемой: *derjehiče* — первый компонент этого образования связан с наречием *derje*, которое на морфеме не разлагается.

При анализе использования формы винительного падежа существительного в первой части основы сложные слова удобно распределить по нескольким типам в зависимости от второго компонента. Поскольку основная функция беспредложного винительного падежа существительного в верхнелужицком языке состоит в выражении объекта, почти все типы, для которых возможно использование винительного падежа в первой части основы, соотносимы с глагольными сочетаниями. При этом пер-

⁴ *blótoteptać* у Пфуля и *blóto teptać* в словаре Якубаши, судя по толкованию, — разные явления. Первое — сложное слово, возникшее на базе сочетания *w blóto teptać*.

Вый компонент основы сложного слова соответствует прямому объекту сочетания, а второй компонент так или иначе связан с переходным глаголом.

Первый тип составляют сложные слова, второй частью которых являются действительное причастие настоящего времени или отглагольное прилагательное на *-(a)t-*, образованные от переходных глаголов.

Группа верхнелужицких отглагольных прилагательных, которые в дальнейшем мы будем называть глагольными прилагательными, семантически и грамматически сближается с действительными причастиями настоящего времени. Важны два момента их грамматического сближения: возможность управлять беспредложным винительным падежом прямого объекта и позиция прямого объекта⁵.

При использовании причастия для верхнелужицкого языка характерен такой порядок слов, при котором все слова, грамматически зависящие от причастия, предшествуют ему, если причастие, в свою очередь, предшествует определяемому слову. И наоборот, если причастие следует за определяемым, оно обыкновенно следует за ним непосредственно. Типично, например, такое словорасположение: ... *mjez zabitymi a wo potoc wołacymi zranjenymi* (J, 11)⁶; *Ludžo drje su so hižo na napohlad z jatby so wróćacych wojakow zwičili*... (J, 68); *Tutón druhí so w Ponichowej knihowni chowacy eksemplary*... (ŠP, 45); ...*woprawdžite z luda pochadžace ludowe pěsnje*... (JS, 292).

Грамматически зависящие слова обычно предшествуют и субстантивированным причастиям: *Sym hospodar domu, słyšitaj jeho k horje teptacy m rjec* (J. 26); *Hajńkowa (reci nimo ducym)*... (WN, 52 — в авторской ремарке).

Таким образом, прямой объект, зависящий от причастия переходного глагола, часто предшествует ему: *Jenož w 30 stronow wobsahowacy m katechizmje namaka so tež serbske předstowo a serbske napisy k modlitwam* (ŠP, 144); *Potom napjelnja swjatnicu Boha chwalacy kěrluš*... (RWW, 195).

Такое же словорасположение характерно и при употреблении глагольных прилагательных: *Kral sam wjedže štyri smjerć z aspěwate regimenty*... (RWW, 46).

Семантическая и грамматическая близость этих прилагательных и причастий проявляется в возможности такого па-

⁵ Для подкрепления высказанной мысли о грамматическом сходстве глагольных прилагательных с причастиями следует указать еще на возможность залоговых форм у глагольных прилагательных. Ср. в одной из народных сказок, записанных Мукой: ...*přez rozum, w kotrymž Kukećenjo hač do wušow sedža, kaž Malešenjo w bĺbće a Wuspurćenjo we wosmužu ze Stromeje Hory so źbrlatym* (SS, 56).

⁶ Список источников и указатель сокращений см. в конце статьи.

параллельного употребления: *Król zaso dawa po svojim měrnym, dowěru z budžacym wašnju radu wo tym, što a kak maso, přeměnič, štož tu njepokoj zbudži* (J, 109). Ср. у того же автора сочетание с глагольным прилагательным, образованным от основы несовершенного вида: *Sudnik, šedziwy, dowěru z budžowaty čłowjek je z přisydnikami zastupił* (J, 213).

Очевидно, из грамматических средств только наличие единого словесного ударения отличает следующие сложные слова от приведенных выше сочетаний: *Do tutoho swěta staji pozitiwne a negatiwne mocy, doprědkačěrjace a postuphačace elementy* (JMS, 163—164); ... *zo by naša wotčina so skónčnje stata z demokratiskim a měrlubowacym statom* (KW, 112); ... *tež so zdaše, zo do so dže (Jakub), zo je so swojeho boha zabytého žiwjenja wotrjekt* (B, 38); *A kak džělawe z črjódami mědnošate pčolki wulětuja...* (B, 218); *Zwjětša pak je rólniski lud tež sobu skót plahowaty lud* (RWW, 210).

Все эти образования представляют собой типичные сращения, причем даже порядок следования составных частей ничем не отличается от порядка слов в соответствующих сочетаниях.

Все сложные слова, образованные на базе сочетаний причастия, переходного глагола или глагольного прилагательного, производного от переходного глагола, с именем существительным в роли прямого объекта, являются сращениями с винительным падежом в первой части: *nuzičerpjacy, tworukupowacy, krejpliwacy, džěčikažacy* и т. д. Словари Якубаши и Пфуля дают лишь три образования, имеющих совсем другое строение: *duchomorjacy, džiwočinjacy, wónjodawaty*. В основах этих трех слов выделяется соединительная морфема, т. е., со словообразовательной точки зрения, они являются сложениями. О случайности сложений в рассматриваемом типе свидетельствуют параллельные образования, выступающие в форме сращений. Так, словарь Пфуля дает рядом с *duchomorjacy* сращение *duchamorjacy*⁷. У Лоренца-Залесского можно найти сращение *džiwyčinjacy*, употребленное в том же значении, которое в словаре Пфуля отмечено для сложения *džiwočinjacy* 'чудотворный': *Wiwka, šwižne holčo... běše džiwyčinjacy čapku k sebi wzato a potom so po Jolitu starato...* (LS, 178).

Соединительный гласный представлен также в *žiwjenjospěchowacy* при условии, что существительное *žiwjenje* может иметь в именительном и винительном падежах единственного числа только флексию *e*, т. е. если в этом слове нет возможных для верхнелужицких имен среднего рода вариантных колебаний типа *zbože—zbožo*. Неясно, достаточно ли последовательно эти колебания отражены в словарях: *W rozestajenych mjezy starými,*

⁷ Грамматически верхнелужицкое существительное *duch* примыкает к одушевленному.

wotemrěwacymi a mjez młodymi mocami towaršnostneje njeprawdźiće rośće a wuwija so žiwjenjos pěchowaca nowa zhromadność (JMS, 181); Na tutym zakładze stwori (Brězan) Serbam nowu žiwjenjonošne a žiwjenjos pěchowacu poeziju (JMS, 218). Возможна и параллельная форма *žiwjenjespěchowacy*, которая со словообразовательной точки зрения представляет собою сращение. Морфема *-e-* на фоне других образований рассматриваемого типа вполне мотивирована как флексия винительного падежа. К тому же нужно учитывать и явное отсутствие соединительной морфемы *-e-* в большой группе слов, где смешать сложение и сращение трудно (см. выше): *Wšitke tute wupłody maja we sebi žiwu a žiwjenjespěchowacu atmosferu čopłoty...* (JMS, 164).

По тем же причинам сращениями, а не сложениями, являются и все другие сложные слова, соотносительные с сочетаниями причастий или глагольных прилагательных с именами существительными в винительном падеже. Морфемы *-o-* и *-e-* в них всегда мотивированы как флексии винительного падежа единственного или множественного числа: ... *Kužol za srědki jeho pućerubaceho džěla za serbski narod...* (LS, 241); ... *přepodaštaj...* k jeho 60 narodninam zbožopřejasu adresu... (KM, 15); *A młokopłod žate kruwy, su to něšto druge, dyžli jeho mašiny?* (RWW, 178). Из словарей Якубаша, Пфуля и Краля можно добавить: *zakonjedawacy, dušekazacy, dušeskažacy, njebjodosahacy, wokojimacy, swětłotamaty*.

Выше говорилось о семантической и грамматической близости действительных причастий настоящего времени и глагольных прилагательных. Эта близость распространяется и на причастия и глагольные прилагательные, включенные в состав сращений. Например, словарь Якубаша приводит в качестве синонимической пары *woherńbluwacy* и *woherńbluwaty*.

Второй тип сложных слов составляют слова, в которых вторая часть основы совпадает с основой так называемого глагольного существительного (Verbalsubstantiv — по немецкой терминологии верхнелужицкой грамматики) типа *džětanje, biće*. Такие глагольные имена рассматриваются в верхнелужицкой грамматике наряду с причастиями в качестве именных глагольных форм, следовательно, включаются в систему глагола.

Не касаясь того, насколько правомерна подобная трактовка, важно отметить, что глагольная природа имен типа *džětanje, biće* проявляется в возможности управлять беспредложным винительным падежом прямого объекта. Либш в своей работе по синтаксису верхнелужицкого языка пишет, что при инфинитиве постоянно, а при глагольном существительном — иногда сохраняется то же управление, которое характерно и для спрягаемых глагольных форм. В частности, Либш говорит и о форме беспредложного винительного падежа. Вот его иллю-

страции: *Šórc woblekanje* (= *woblekanje šórc*). . . , *wěnc stajenje*. . . , *bětej ručcy zawdaće*. . .⁸. Надо полагать, что раздельное написание свидетельствует о самостоятельности глагольных существительных как отдельных слов, т. е. о наличии словесного ударения на словах *woblekanje*, *stajenje* и *zawdaće*⁹.

В иллюстрациях Либша обращает на себя внимание препозиция прямого объекта, выраженного винительным падежом. Такое расположение слов характерно для всех подобных случаев, хотя выражение прямого объекта при глагольном существительном формой винительного падежа используется редко. Ср. у Лоренца-Залесского: *... a na drastu kupowanje a na wobuće sebi ani myslić njemóža* (LS, 272); *Wšitcy maja na pjeńki kopanje přićić*. . . (LS, 271).

Способность управлять винительным падежом прямого объекта сближает глагольное существительное с глаголом в широком смысле этого термина. Поскольку глагольное существительное является формой неспрягаемой, прямой объект в предложении предшествует ему так же, как он обычно предшествует инфинитиву. Однако гораздо чаще глагольное существительное по отношению к прямому объекту ведет себя как имя: прямой объект выражается формой родительного падежа и нормально следует за глагольным существительным: *Na boku leži kožany bow za nošenje wody*. . . (RWW, 190); *Kubtanje jezuitow w ... šulach* (JS, 193); *... pomhać při čitanju a zrozumjenju teksta* (SP, 177). Ср. выражение прямого объекта при других производных от переходных глаголов: *zběrka spisow*; *... kóžda syjerka lenu* . . . (ČMS, 1902, 68); *... hlubokeho znajerja našeje řeče* . . . (ČMS, 1933, 10) и т. д.

Выше было сказано, что глагол (спрягаемые формы и инфинитив) не может служить базой образования сложных слов с именем существительным в первой части. Наоборот, в именах (как существительных, так и прилагательных) таких образований много, и причастие используется в качестве второго компонента сложных слов именно потому, что оно является именно формой глагола. Обладая возможностью служить базой образования сложных слов, глагольное существительное тем самым ведет себя как имя. Но в самом процессе образования сложных слов глагольное существительное по отношению к прямому объекту выступает как неспрягаемая глагольная форма: образуются сращения с винительным падежом в первой части. Ср. *Budyšin je wšak wjele krejrozlećow widzał* (RWW, 108); *... ze wšěm krejrozlećom* (RWW, 130).

⁸ G. L i e b s c h. Syntax der wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen, 1884.

⁹ В примере *Bětej ručcy zawdaće* самостоятельность глагольного существительного вытекает, между прочим, еще и из использования определения при *ručcy*.

В словарях Якубаша и Пфуля приведены образования такого же типа с явной формой винительного падежа в первой части: *roludžetanje* (ср. *rolu džětač*), *žilupušćenje* (ср. *žilu pušćeč*), *čas-přečinjenje*, *hlodžiwjenje* (ср. *hlód žiwíč*), *krajpalenje*, *włosytřihanje* и т. д.

Все приведенные примеры представляют сращения, характерным признаком которых может быть лишь наличие единого словесного ударения. Следовательно, и здесь грамматические средства, выражающие образование слова, сведены к минимуму, а сам тип сходен в этом отношении с первым. Однако второй тип более четко противопоставлен сочетаниям, чем первый. Дело в том, что первый тип строится на основе широко распространенных в языке сочетаний причастия переходного глагола с именем существительным в винительном падеже. Наоборот, сочетания, которые легли в основу второго типа, используются в языке редко. Обычно имя, выражающее прямой объект, как уже отмечено выше, стоит при глагольном существительном в форме родительного падежа. Возможность двух синонимичных конструкций (*šórc woblekanje* и *woblekanje šórc*), при несравненно большей распространенности второй способствует четкому противопоставлению сращения второго типа соответствующим сочетаниям.

Среди приведенных в словарях Якубаша и Пфуля образований, соотносительных с сочетаниями «имя, выражающее прямой объект + глагольное существительное», только одно является сращением, первая часть которого образована с формой родительного падежа: *luduličenje* (у Якубаша). Прямое дополнение, выраженное родительным падежом, в верхнелужицком сочетании нормально следует за глагольным существительным. Поэтому признаком слова *luduličenje*, отличающим его от соответствующего сочетания, кроме единого ударения, является также и порядок составных частей. Сращение с родительным падежом носит в рассматриваемом типе случайный характер. Ср. у Пфуля с тем же значением параллельное сращение с формой винительного падежа: *ludličenje*. В связи с этим образования на базе глагольного имени, имеющие в первой части существительное с морфологически совпадающими формами родительного и винительного падежей, правомернее рассматривать как сращения с винительным падежом¹⁰: *... ruki z awdaće při wrót-kach bě runja swjatemu slubej swěrneho wutraća* (КН, 61).

В качестве формы винительного, а не родительного падежа должна рассматриваться первая часть таких сложных слов, собранных в словарях Якубаша, Пфуля и Краля, как *bohahanjenje*, *bohačescenje*, *bohaidženje*, *bohalubowanje*, *boharpóznaće*, *boha-*

¹⁰ Совершенно ясно, что такой подход оправдан лишь тогда, когда глагольное существительное связано с переходным глаголом и в первой части сращения выражен прямой объект.

spytowanie, bohazabyće, bohazacpiće, bohaznaće, rybytojenje, kartyhraće, jětraščěpjenje.

В отдельных образованиях, которые соотносительны с глагольными сочетаниями, в той или иной степени тяготеющими к фразеологизмам, винительный падеж первой части ясен не только из сопоставления с другими сложными словами, возникшими на базе глагольного существительного, но и из сопоставления с этими фразеологизмами. Ср. *kartyhraće* и *karty hrać*, *jětraščěpjenje* и *jětra šćěpic*.

Кроме отмеченного выше *luduličenje*, в словаре Пфуля приведены еще четыре отклонения, но другого характера. В них глагольное существительное выступает второй частью не сращения, а сложения: *rukodaće*, *swětóźdźeržowanie*, *swětostworjenje* и *swětowodzenie*. При этом для первых двух слов приводятся параллельные сращения, построенные с обычной для данного типа формой винительного падежа: *rukudaće*, *swětóźdźeržowanie*.

Единичность подобных образований показывает, что сложения представляют явление случайное и так же не характерны в рассматриваемом типе, как и сращения с формой родительного падежа. Поэтому гласный *o*, выступающий в сложных словах этого типа после существительного, образующего первую часть основы, нужно считать флексией винительного падежа, а не соединительным гласным. Таким образом, эта морфема не выделяется непосредственно в основе таких, например, слов:

... *přez 20 lět ćětozwučowanie dawał njeběch* (JZ, 47); ... *so na złotokopanje njepodam* (RWW, 181); ... *najlěpje złotopytanje založić móhótej* ... (RWW, 191). Из словарей можно добавить: *drjewopušćenje*, *mandželstwołamanje*, *swinjorězanie*, *synokopjenje* и др.

Широко распространенное *zbožopřeće* имеет параллельную форму *zbožepřeće*, отмеченную в словаре Пфуля. Морфема *e* во втором слове мотивирована как флексия винительного падежа в такой же степени, в какой мотивировано *o* первого слова, потому что существительное *zbožo* имеет параллельную форму *zbože*. Оба слова являются сращениями, поэтому указанные морфемы непосредственно не выделяются: ... *sotra ma sej nowołětne zbožopřeće sama domyslić* (КН, 113).

Вообще, во втором типе, как и в первом, морфема *e*, которую можно было бы принять за соединительный гласный, мотивирована во всех образованиях как флексия винительного падежа: ... *na kamjenjezběranja a wóstykatanja* (КН, 103); *Nan chodžeše na studnjeryće* ... (JMS, 114); ... *su jenož čestni ludžo dostojni k brónjenošenju* (МЈН, 48); *Tohodla bě wšo brónjenošenje ludej zakazane* (МЈН, 49).

Сращениями являются и все сложные слова, включающие в состав основы морфему *e*, которые приведены в словарях

Якубаши и Пфуля: *jerjetojenjo* (*jerjejetojenje*), *kehelekulenje*, *tarčemetjanje*, *wuhlepalenje*, *kamjenjeklepanje*.

Ряд обстоятельств свидетельствует о том, что *e* в этих случаях является именно флексией винительного падежа. Так, помимо того, что использование соединительной морфемы, как было показано, вообще не характерно для сложных глагольных имен, морфема *e* выступает исключительно после таких основ, с которыми она как флексия винительного падежа сочетается в простых словах. Некоторые из этих образований к тому же соотносятся с фразеологизмами, в которых винительный падеж на *e* устойчив (ср. *kehelekulenje* — *kehele kulec*). При этом ряд основ, включенных в первую часть сложных глагольных существительных с морфемой *e*, сочетается с соединительным гласным *o* в таких сложных словах, где флексия винительного падежа никак не могла бы быть объяснена (ср. сращения *kamjenjeklepanje*, *kamjenjettöčenje* и сложения *kamjenjoris*, *kamjenjočišč*, где, несмотря на то, что вторая часть основы образована от переходного глагола, первый компонент не имеет значения прямого объекта, или *kamjenjosól*, *kamjenjoplës*, где второй компонент никак с глаголом не связан). Наконец, в тех образованиях, где возможность смешать сложение со сращением меньше, соединительная морфема *e* никогда не используется (см. выше).

Интересен случай сращения *stawawotanje*, где в первой части выделяется форма именительного падежа: ... *njesechu jeha z njepřestawacy m stawawotanjom do kralowskeho hrodu...* (LS, 177); *Nětk rozlehnj so stawawotanje* (LS, 191); *Z buchotom a hri-manjom rozlehnj so tu w ludže přiklesk a stawawotanje* (LS, 214).

Известно, что семантика сращений часто не складывается механически из семантики составных частей. Это можно наблюдать и в верхнелужицком языке, если сопоставлять семантику сращений и сочетаний, состоящих из тех же лексических единиц, которые дали сращение. Например, *swinjorëžanje* — название праздника, *zbožopřeće* — поздравление, *měrlubowany* — миролюбивый и т. д. Семантический сдвиг иногда ясно проявляется при сопоставлении значений сращения и сочетания, употребленных рядом. Например, значение слова *jejkakulenje* (название народного обычая) не сводится к содержанию, которое выражается сочетанием *kulenje jejkow*: ... *je nastala tradicija Budyskeho jejkakulenja. Tutón natožk molowanja a kulenja jejkow su tež serbja w Židowje jutry natožowali...* (J, 161).

В причастных сращениях, связанных с глаголами на *-owac* (*tworukowacy*, *džećilubowacy*, *mužilubowacy*, *měrlubowacy*), закрепились форма причастия на *-owacy*. В составе сочетаний эта форма квалифицируется словарем Якубаши как неверно образованная сравнительно с формой на *-ujacy*, хотя и широко

распространенная. Таким образом, семантическая разница между *měr lubijacy* 'любящий мир' и *měrlubowacy* 'миролюбивый' выражается, кроме ударения, еще и добавочным средством.

Наряду с этим нередко отсутствует всякое семантическое различие между сращением и сочетанием, и у одного и того же автора можно найти примеры параллельного употребления сращения и сочетания с тождественной предметной отнесенностью: ... *do wonkowneho džěta hić směta, na př. na běrnyzberanje* (КН, 158); и рядом ... *je mi Marja wo stawiznach Łužicy powědała — při zběranju běrnow w Dammenwaldže* (КН₁₆₃).

Одинаковая предметная отнесенность выступает особенно ярко, когда сращения строятся на базе сочетаний, тяготеющих к фразеологизмам, хотя это условие и не обязательно.

Семантическое тождество — одно из проявлений той близости, которая существует между сращениями (в состав которых входят причастия и глагольные существительные), с одной стороны, и сочетаниями, с другой.

Третий тип сложных слов с возможной формой винительного падежа в первой части основы образуют все остальные сложные слова, у которых вторая часть основы связана с переходными глаголами.

Между подобными сращениями и соответствующими сочетаниями имеются известные различия. В сочетаниях прямой объект выражен формой беспредложного винительного падежа только при спрягаемых формах глагола, инфинитиве, причастных, глагольных существительных и прилагательных. При всех других формах, производных от переходного глагола, прямой объект может быть выражен только формой родительного падежа. Исключения очень редки. Ср. ... *to pšiměno Saskich mjaso rubarjow* ('boucher Saxons' (SH, I, 21). *Hromady sliny lizakow klečachu před nim [Napoleonom]* (RWW, 70)¹¹.

В сращениях же, соответствующих названным сочетаниям, прямой объект всегда имеет форму винительного падежа: *My njesměty žani hłowuwěšerjo być* (МЖН, 39): ... *To puchunošer někotry a waženy po drasćičce* (ZB, 226); *I korbyplečeř, I twarožkař ...* (СМS, 1886, 128); *A spomńće na chudu klóski-zběrarku Ruth* (RWW, 106); *Před wosytřiharjom* (W, 27, 84); *Smjerćunošer bur so džiwa ...* (ZB, 181); *Njepřezjednosť a pasiwnosť je rowryjer naroda* (JMS, 134); *Fjeńkitojak — nórtybrojak* (Př, 197); *Mědmazak ma tojeřski zamyst* (Př, 74); *Swět ludym órcam slawu da* (RWW, 218).

В словарях приведено большое количество подобных образований: *barbuměnjer, hnadudawar, křiwdučinjer, rudulijer, škleńcutočer, dnywuzwoler, měchinošer, hubuwěšak, trawužnějak, žeńtwu-*

¹¹ Винительный падеж во втором примере ясен из сопоставления с глагольным фразеологическим сочетанием *sliny lizac*; ср. у Зейлера: *So wić a sukac, pochilec, so sliny ližo pokorjeć. ...* (ZB, 195).

lubjak, chłebźračk, barbumëridło, krejčišćidło, lensušina, woduwjednik, woheńblujerski, wodudźeržny, kóncbjerny и т. д.

В связи с этим различием суффикс в составе сращения должен расцениваться как атрибут именно данного сращения, а не как элемент, входящий в состав второго производящего слова. Суффиксация является частью процесса образования рассматриваемых сращений. Это особенно очевидно в тех случаях, когда вторая часть суффиксального сращения не употребляется как основа простого слова. Например, основа *kóncbjern* может непосредственно разлагаться только на три морфемы (*kóncb-jern-n-*), потому что в языке нет прилагательного с основой *bjern-*. Однако, чаще за формой винительного падежа следуют отглагольные образования на *-ar(-er)*, *-ak*, *-čk* и т. д., причем производные на *-ar(-er)* в верхнелужицком языке настолько продуктивны, что они имеются почти при всех глаголах. Тем не менее и в этих случаях основы сложных слов благодаря форме винительного падежа тоже имеют трехчленное строение, соотносясь с сочетанием «винительный падеж существительных + переходный глагол» (*hnadu-daw-ar — hnadu dawać*).

Морфологическое строение сложных имен существительных и прилагательных рассматриваемого типа не позволяет выводить их непосредственно из сращений с глагольными именами. Нельзя, например, *brjuchpaser* считать производным от *brjuchpasenje*, *hlódźiwjer* от *hlódźiwjenje*, *krejčišćidło* от *krejčišćenje*, а *rowryčk* от *rowryće*.

Лишь отдельные образования могут считаться чисто суффиксальными производными несмотря на форму винительного падежа в первой части основы. Например: *Dary-brancej wotrubaće dary-bjerne pazory!* (CMS, 1866, 5).

Поскольку в верхнелужицком языке распространена производность имен действующего лица на *-c* от глагольных существительных (ср. *čėkanje—čėkańc, znošenje—znošenc*), постольку *darybranc* допустимо возводить к возможному сращению *darybranje* и, следовательно, расценивать как чисто суффиксальное образование. Точно так же *sadsušenica* и *skótplahowański* — производные от возможных сращений *sadsušenje* (ср. *bėhanje—bėhanca; čakanje—čakanca*) и *skótplahowanje* (ср. *čišćenje—čišćenski, pisanje—pisanski, rejanje—rejanowski*¹²).

¹² Приходится говорить о «возможных» сращениях потому, что они не зарегистрированы словарями. Однако сербо-лужицкие словари не отличаются и многих других образований, приведенных в статье. Объясняется это не столько неполнотой словарей, сколько тем, что, по-видимому, не все сращения обладают устойчивостью лексических единиц. Кроме того, здесь важно было показать, что слова с формой винительного падежа в первой части, не имеющие во второй части основ глагольных существительных, глагольных прилагательных и причастий, в принципе могут и ве быть суффиксальными сращениями (речь идет именно о случаях с замаскированным промежуточным звеном; если же оно есть, суффиксальный характер образования достаточно ясен. Ср. *hłowuwšerstwo* при *hłowuwšer*).

Так же как в первых двух типах, в сложных образованиях третьего типа морфема *e* после основы первой части всегда мотивирована как флексия винительного падежа: *Tón druhi bje khachlestajer* (SH, I, 44); ...*na khachlestajerja*... (ČMS, 1931, 132; 1933, 86); *Slowo «bunker» z huby njesmilneje dohladowarki ... storči zadwělowanej kamjenjewožerce hišće raz přečežku karu*... (KH, 194); ...*nadeńdžeš ...wjesnu korčmu potnu burow a kamjenjedžełaćerjow*... (MJH, 21); ...*dyrbja khudzi robotnicy za winy mječenošerjow ćerpjeć* (DW, 45).

Из словарей можно добавить: *jerjetojer* (*jerjejetojer*), *kamjenjeklepar*, *nožečocer*, *sykanjerězak*, *zakonjedawc* и др.

В отличие от первых двух типов (с основой причастия, глагольного существительного или глагольного прилагательного во второй части), где почти безраздельно господствуют сращения, в третьем типе сложных слов сложения — суффиксальные и чистые — встречаются так же часто, как и сращения.

В пределах сложений различие между суффиксальным и несуффиксальным образованием определяется исключительно возможностью или невозможностью второй части использоваться в качестве основы простого слова: *daronošer* — чистое сложение (ср. *pošer* как простое слово), *škodopřejny* — суффиксальное сложение. В сращениях же, как было показано, форма винительного падежа первой части приводит к тому, что такой критерий оказывается недостаточным (см. выше). При этом сращения и сложения в пределах рассматриваемого типа не резко противопоставлены друг другу. Например, можно найти сложные слова со сходными в словообразовательном отношении вторыми компонентами как среди суффиксальных сращений, так и среди сложений. Ср. *ludymórc* и *strojotwarc*, *wagonotwarc*; *prochsrěbak* и *wohnjohašak*, *běrnouwalak*; *hlóstojerski* и *prisahotamarski*; *křižnošer*, *rowryjer* и *pokładopytar*.

Еще ярче отсутствие резкой границы проявляется тогда, когда вторые компоненты тождественны: *smjerćnošer* — *daronošer*, *chlěbdawar* — *darodawar*, *křiwdučinjer* — *dziwočinjer*, *jerjetojer* — *truhoťojer*, *dušuhidžer* — *kralohidžer*, *žonohidžer*; *škleńcutočer* — *rohotočer*, *mědlizar* — *slinolizar*, *rudulijer* — *zwonolijer*; *chlěbžračk* — *rostlinožračk*, *woduwjednik* — *dušowjednik*, *sykanjerězak* — *hadrorězak* и т. д. И, наконец, ср. параллельные суффиксальные сращения и сложения с одним и тем же значением: ...*syn listynošerja* (JZ, Předšłowo); ...*je tu listonošer z kistu* (AL, 113); *Běte wołmonošerki*... (ČMS, 1855, 13); *wołmonošerki su tyšne, zrudne domoj šli* (ZB, 324).

Ср. суффиксальное сращение *kamjenjetamar*, приведенное в словарях Якубаши и Краля, и сложение *kamjenjoatar*: ...*před kamjenjoatarjem i wotsadźowachu* (BM, 35).

Наречие *dziwytwornje* заставляет предполагать исходное прилагательное *dziwytworny*, параллельное сложению *dziwo-*

tworny: *Jeje šešeraty scin so džiwytwornje na tysynu kładžeše* (LS, 39); *Kifko pokazowaše Měranje džiwootwornu kapičku wiwki...* (LS, 203).

Отмеченные в словаре Краля *darobrančk* и в словаре Пфуля *darobjernik* предполагают возможность существования производящих *darobranc* и *darobjerny* (ср. *tkalc* — *tkalčk* и постоянные словообразовательные отношения *nahrabny* — *nahrabnik*, *potocny* — *potocnik*, *přewodny* — *přewodnik* и т. д.). Ср. параллельные образования *darybranc* и *darybierny*: *dary-brancej* *wotrubaјe dary-bjerne razogy!* (CMS, 1866, 5).

Можно привести также колебания, зафиксированные в словарях: *barbutočer* и *barbotočer*, *brodotruhar* и *brodotruhar* и т. д.

Одинаковое распространение сращений и сложений в третьем типе сложных слов приводит к тому, что различие между сращением и сложением снимается, как только первый компонент сложного слова оказывается связанным с именем существительным среднего рода на -о: флексия винительного падежа единственного числа таких существительных в звуковом отношении совпадает с соединительной морфемой:

Hdyž běchu pjerjodrějerki wšo pjerjo dowudrěte... (BS, 17); *...Či trawarjo a synodžětarjo, kiž kotowokoto syno kopja* (NS, 55); *Rano zawoła potom čětonošerjow* (KJW, 27); *...krajina zlotokoparjow* (RWW, 193); *...zbožalačnych zlotopytarjow...* (W, 76); *...hitlerskim mjenorubcam* (NS, 177); *...druhi zlotokopc* (RWW, 192). *...změruje kowař svojich džětodawačerjow* (DS, 26); *...zlotonošny kraj* (RWW, 184).

Следующие сложные образования, приведенные в словарях также не могут рассматриваться ни как суффиксальные сращения, ни как сложные слова с соединительной морфемой, т. е. противопоставление между сращением и сложением в этих случаях нейтрализуется: *dobrowěšcer*, *drjewokotar*, *pismošoer*, *swětonošer*, *čětozwučowar*, *złowěšcer*, *železolijer*, *synowbroćcwak*, *žitožnějak*, *žitokupc*, *mjasožračk*, *čělostworičel*, *mjasojědny*, *stowołamny*, *winoplódžny*, *wokowabny*, *žiwjenjodarny*; *mytonošny* и т. д.

В рассматриваемом типе сложных слов имеются и такие образования, в первой части основы которых выделяется форма родительного падежа прямого объекта. Такие сращения с родительным падежом распространены здесь широко и характерны для всего типа не меньше, чем сращения с винительным падежом и сложения.

Выше говорилось о том, что в верхнелужицких сочетаниях прямой объект может быть выражен формой родительного падежа при всех отглагольных производных, за исключением причастий и глагольных существительных и прилагательных. Следовательно, сращения с родительным падежом должны предполагать такую вторую часть основы, которая может употреб-

ляться в качестве основы простого слова: в противном случае первая часть сложного слова не будет мотивирована как форма родительного падежа. В связи с этим все сращения, имеющие форму родительного падежа имени в первой части, являются сращениями несuffиксальными. Этим они отличаются от сращений с винительным падежом в третьем типе. Измененный по сравнению с соответствующими сочетаниями порядок составных частей наряду с единым ударением отличает сращения с родительным падежом от сочетаний. Измененным порядком составных частей сращения с родительным падежом отличаются и от сращений с винительным падежом, характерных для первого и второго типов.

Вот несколько примеров сращений, где форма родительного падежа в первой части очевидна:

Tamle zdaloka wšipikarjo du!... (LB, 22); *Tajcy duchowje mjenjuja so swěcownošerjo*... (ČMS, 1890, 34); *Rěčow zna je r kaž Gelanski* (MH, 30); ...*trjechichmoj tam jedneho kulowskeho konikupca*... (MP, 36); ...*režiser, kulisowtwarc a hrajer* (BM, 65); *Swini pastyr ma tež swój hamt (zastojnstwo)* (ČMS, 1891, 69). Ср. еще: *broninošer, dušilojer, skotudračina*.

Противопоставление между сращениями с формой родительного падежа в первой части, с одной стороны, и suffиксальными сращениями с формой винительного падежа в первой части, с другой, так же нечетко, как и противопоставление между suffиксальными сращениями и сложениями. Например, при внешне тождественных вторых частях сложного слова первая часть может иметь как форму винительного, так и форму родительного падежа (*swěcownošer — křižnošer, listynošer*). Можно найти парные параллельные образования, причем один член пары выступает в виде suffиксального сращения (с винительным падежом в первой части), а другой — в виде чистого сращения (с формой родительного падежа в первой части). Например: *ludhidžer — luduhidžer, ludlubowar — ludulubowar* и т. д.; ...*wotwisni wot byrgarskeho stata, jich oficialneho chlebdawarja* (JMS, 148); ...*na žiwjenje a smjerć wotwisny wot swojich oficialnych chlebdawarjow* (JMS, 38).

Противопоставление между suffиксальным и чистым сращением утрачивается, когда первая часть сложного слова образована формой имени, у которого родительный и винительный падежи морфологически совпадают, а вторая часть может быть основой простого слова¹³. Наличие таких образований также

¹³ Последнее условие приходится оговаривать особо, потому что в противном случае сложное слово уже по одной второй части ставится в ряд suffиксальных сращений и, следовательно, первая часть мотивируется как форма винительного падежа. Например, если верно, что морфема *-žrač* не может быть основой слова (в словарях Якубаши и Пфуля такого слова нет), то сложное *ludžižrač* является suffиксальным сращением,

способствует стиранию различия между суффиксальными и чистыми сращениями: ...*tón ľudžidrač Puc* (NS, 192); ...*přečiwo «Pucej», šosarjej — ľudžidračej Worcynskeho dwora...* (DZ, 16); ...*morweho ľudžidrača* (NW, 23); ...*najzasakliši serbowžračk* (NZ, 215); *Serbowžrancy*¹⁴ *su zastali, Serbja su wostali* (Př, 122);

Следующие сложные слова, отмеченные в словарях, не могут быть признаны ни суффиксальными, ни чистыми сращениями, так как в первой их части выступает морфологически единая форма родительного-винительного падежа: *bohačescer, bohahanjer, čłowjekalubowar*.

Известно, что падежные формы имен существительных более грамматичны, чем числовые, тесно связанные с внеязыковыми факторами. Поэтому возможны случаи взаимозаменяемости числовых форм существительных, в то время как падежные формы всегда строго определены подчиняющими словами.

Эта особенность падежных и числовых форм имен существительных отражается и на строении верхнелужицких сложных слов, причем числовые формы в составе первой части основы сложных слов мотивируются еще менее отчетливо, чем в сочетаниях. Это связано с тем, что сращения в принципе представляют собой слова, т. е. готовые языковые единицы, тогда как свободные сочетания каждый раз конструируются говорящими. В сложных словах, где падежно-числовая форма существительного в первой части основы недвусмысленна, часто можно заметить, что падежная форма мотивирована ярче, чем числовая. В уже приведенном примере сложного слова с формой множественного числа в первой части (*Za khostanje dyrbja tajcy ľudžo po smjerći w nocy khodźić bjez hłowy ze zaswěćenej swěcu w rucy. Tajcy duchowje mjenuja so swěcownošerjo...* — CMS, 1890, 34) вполне была бы возможна и форма единственного числа.

В сложных словах, обозначающих наименование лица по постоянному занятию или профессии, в первой части может встречаться форма как единственного, так и множественного числа (*rowryjer, brodutruhar — korbylecer, nožetočer*).

например, *Luďžižrač — njezamōže w rowje spać* (Př, 210); *surowy kaž luďžižrač* (MH, 20), и, таким образом, первая часть воспринимается как форма винительного падежа множественного числа, несмотря на ее звуковое совпадение с формой родительного множественного того же имени. Точно так же к суффиксальным сращениям относятся слова, вторая часть которых, употребляясь в качестве основы самостоятельного слова, характеризуется другим значением. В словаре Якубаша отмечены прилагательные *žerny* и *zawjedny*, которые, судя по переводу, приобрели яркий качественный оттенок в значении и, следовательно, семантически разошлись с производящими глаголами. При них, например, не может быть прямого объекта. Поэтому *luďžižerny* и *mužižwjedny*, приведенные в словарях, следует считать суффиксальными сращениями.

¹⁴ Это образование, очевидно, может расцениваться и как чисто суффиксальное по тем причинам, о которых говорилось выше.

О возможной немотивированности числовых форм первых компонентов сращений свидетельствуют и отмеченные в словарях параллельные образования с одинаковой семантикой, но с разными числовыми формами в первой части: *dušuhidžer* — *dušihidžer*, *nóžnošer* — *noženošer*.

Эта особенность тоже способствует стиранию различий между суффиксальным и чистым сращением, потому что во многих типах склонения верхнелужицких имен существительных формы родительного единственного и винительного множественного морфологически совпадают.

Морфема *e*, выделяющаяся в некоторых сложных словах, всегда оказывается после основ, которые при употреблении в простом слове имеют *e* в качестве флексии родительного падежа единственного числа или винительного множественного. Следовательно, и в этой группе слов *e* всегда мотивировано как флексия, а не как соединительная морфема: ...*wosebje dobri bajkibajerjo na tři, štyri sta bajkow znajachu...* (JMS, 115); *Zaćepak jako pisma wjedźer a Dundak podpisachu* (B, 55); ...*Njezapomniweho... ryčje přepytowarja Dobrowskjeho...* (ČMS, 1848, 13).

В верхнелужицких словарях приведено значительное количество подобных слов, двусмысленность падежно-числовой формы первой части которых не позволяет рассматривать их ни как суффиксальные, ни как числовые сращения: *biblijepředawar*, *dušehidžer*, *dušełojer* и т. д.

Выделить среди таких образований суффиксальные и чистые сращения — значит решить вопрос о падежной форме первой части сложного слова. Вопрос же о падежной форме решается лишь тогда, когда ясна числовая форма. Это может быть, прежде всего, если сложное слово соотносительно с фразеологическим сочетанием, в котором употребление числовой формы, выражающей прямой объект, устойчиво. Например, *pjatylyzar* нужно признать суффиксальным сращением (т. е. образованием с формой винительного падежа множественного числа в первой части), потому что в соответствующем глагольном фразеологическом сочетании *pjaty lizać* дополнение принимает форму множественного числа: *běchu někajcy pjatylyzarjo napisali* (KJW, 43); ср. ...*jim pjatow njełizach...* (KM, 41).

Таким же суффиксальным сращением является и *knihiwjedžer*. Ср. следующий пример: [Ze]ler] *Namołwja burow tež, knihi wjesć* (JS, 269).

В тех случаях, когда имя не образует форм числового противопоставления, принадлежность сложного слова к суффиксальному или чистому сращению определяется проще. Так, в качестве чистого сращения с родительным падежом в первой части выступает, например, *solewarnja: Wróćachu-li so potom zaso paćowarjo, kotřiž... do tamneje... solewarnje jězdžachu* (I.S.₄₇).

Наконец, надо иметь в виду, что прилагательные, образованные от переходного глагола (их надо отличать от прилагательных того типа, которые названы выше глагольными прилагательными) развивают качественное значение, отрываются от глагола и не могут иметь при себе прямого дополнения вообще. Поэтому *horynošny* и *cyblenošny* — суффиксальные сращения. Для *dušelubny* и *dušeskažny* суффиксальный характер сращения еще более ясен, потому что основы *lubn-*, *skážn-* не могут быть основами простых слов.

Описанные сложные слова, в словообразовательном строении которых исчезает различие между чистым и суффиксальным сращением, взаимодействуют со сложными словами, имеющими иную словообразовательную структуру. В результате взаимодействия часто образуются параллельные формы. Такие параллельные формы свидетельствуют о тесной связи между суффиксальными сращениями, чистыми сращениями и сложениями в образованиях третьего типа.

Ср.: а) колебание между сложным словом, в строении которого нейтрализуется противопоставление между чистым и суффиксальным сращением, с одной стороны, и суффиксальным сращением — с другой: ...*třěchikryjer jej Donatej za porjedženje třěchi na starym domje...* (ČMS, 1902, 80), *na třěchukryjera* (ČMS, 1931, 132).

б) колебание между сложным словом, в котором нейтрализовано противопоставление чистого сращения и суффиксального, и чистым сращением: *brónjenošer* (в словаре Пфуля) — *bróninošer* (в словарях Якубаша и Краля); *dušetojer* (у Пфуля) — *dušitojer* (у Краля).

в) колебание между сложным словом, в котором нейтрализовано противопоставление между чистым и суффиксальным сращением, и сложением: *minytjetak* (в словаре Якубаша) — *minomjetak*: «*Tute tanki, tute minomjetaki...*» (NS, 24).

г) колебание между сложным словом, в котором нейтрализовано противопоставление чистого сращения и суффиксального, и сложным сязом, в котором нейтрализовано противопоставление суффиксального сращения и сложения:

Stóž mući mjez mužom a žonu, je mandželstwa-tamař (Př, 142); ...*bě to mandželstwoamarka* (ČMS, 1891, 193)¹⁵.

д) колебание между сложным словом, в котором нейтрализовано противопоставление суффиксального и чистого сращения, чистым сращением и сложением:

...*chcyše-li jako dušepastyr wopytać swojich zarjesenych Lipjanow...* (NS, 70). P. Bensch, *kiž bě hamtsce za dušow pa-*

¹⁵ *Mandželstwoamarka* является суффиксальным производным, но оно предполагает обязательно исходное *mandželstwoamar*. Последнее приведено и у Пфуля.

styrja w tutym přepytowanskim jastwje postajeny (КН, 122). В словаре Краля приведено еще *dušipastyr* с тем же словообразовательным строением, что и *dušowpastyr* (имя *duša* имеет две варианты формы родительного падежа множественного числа: *dušow* и *duši*), и параллельно словарем Краля зафиксировано сложение *dušopastyr*.

е) колебание между сложным словом, в котором нейтрализовано противопоставление чистого сращения и суффиксального, суффиксальным сращением и чистым сращением: *dušehidžer* (у Пфуля) — *dušuhidžer* (там же) — *dušihidžer* (у Краля).

Четвертый тип верхнелужицких сложных слов, в первой части основы которых возможна форма винительного падежа имени существительного, составляет многочисленная группа прилагательных. Второй компонент их основы совершенно не связан с переходным глаголом. Следовательно, если для образования таких прилагательных, как и для образования других сложных слов с какой-либо падежно-числовой формой имени в первой части, предположить процесс сращения, то источником сращения ни прямо, ни косвенно не могут быть глагольные сочетания. Этим четвертый тип отличается от первых трех.

Прежде чем рассматривать сложные слова четвертого типа, необходимо заметить, что в верхнелужицком языке можно найти единичные образования, в которых первый компонент представляет чистую основу существительного. Несомненно, чистая основа выделяется, например, в первой части сложного слова *drastkamor*. В словах *pětrkluče*, *ryčerkubło* и *klóštrknježna* первые компоненты не могут рассматриваться как формы именительного или винительного падежей, потому что такие падежные формы здесь не были бы мотивированы. Чаще встречаются сложные слова, первой частью которых является наречие, лишь в звуковом отношении совпадающее с основой имени существительного: (ср. *dom* 'домой' и сращения: *domojpuć*, *domojjězba*, *wokołopuć*, *wróćopuć*), *smjercělěni*, *smjercědobry* и т. д. (ср. *tajki puristiski zaměr sm eré jara wab jacy...* (ВН₂₄₀)).

Среди верхнелужицких сложных имен прилагательных выделяется небольшая группа слов с компонентом *-barbny-* во второй части основы. Употребляясь в качестве самостоятельного слова, *barbny* имеет значение 'цветной' и является производным от *barba* 'цвет'. Выступая в качестве второй части сложных прилагательных, *-barbny-* обладает значением 'имеющий цвет того, что выражено первой частью сложного слова'. Первая часть этих сложных прилагательных включает основу имени существительного. Однако определить, из каких морфем слагается эта часть в целом, затруднительно. Наряду с образованиями *cyhelbarbny*, *čížikbarbny* и *čorlachbarbny*, в первой части которых можно предположить чистую основу, встречаются сложные прилагательные, у которых первая часть связана с именами, отличаю-

щими чистую основу от падежных форм. Такие образования как будто бы указывают на невозможность использования чистой основы: *caltobarbny*, *nalikobarbny*, *zlotobarbny*, *żelezobarbny*, *blóto-barbny*.

С другой стороны, говорить о конкретной падежной форме в этих случаях также нельзя. Слова *zlotobarbny*, *żelezobarbny* и *blóto-barbny* одинаково могут указывать как на именительный, так и на винительный падеж. Образования же, содержащие в первой части существительное, которое различает названные падежные формы, используют соединительный гласный (*caltobarbny*, *nalikobarbny*); причем возможность использования соединительного гласного подтверждается примерами: *parlobarbny*, *wolijobarbny*. Наличие соединительного гласного в этих словах еще больше затемняет словообразовательное строение прилагательных с именем среднего рода в первой части. В языке не легко найти и сочетания, которые помогли бы выяснить падежную форму, выступающую в первой части этих сложных слов.

Таким образом, для словообразовательной структуры сложных имен прилагательных с *-barbn-* во второй части основы бесспорной остается лишь возможность использования соединительной морфемы¹⁶.

К названной группе сложных имен прилагательных при мыкает вторая группа, которая отличается от первой конкретным обозначением цвета во второй части. Во всем остальном она сходна с первой. Возможные колебания в определении словообразовательного строения одинаковы для прилагательных обеих групп: одни прилагательные выделяют в своей основе соединительный гласный, первая часть других может свидетельствовать как о чистой основе, так и о формах именительного или винительного падежа: «Do tutech słowow Handrija sarpije *krejčerwjeny* wóhcn do njebj» (J, 210). Кроме того, словари дают еще несколько подобных прилагательных, и некоторые из них также выступают в двух видах: с соединительной морфемой и с парадигматической формой или основой в первой части: *kolmazčorny* — *kolmazočorny*, *čížikzeleny* — *čížikozeleny*.

В том случае, если первая часть сложного прилагательного образована существительным среднего рода на *-o*, структура слова не позволяет определить, выполняет ли здесь *-o-* функцию соединительного гласного или флексии именительного-винительного падежа¹⁷. *Najhusćišo myslu nětko na rokotowu*

¹⁶ В число сложных образований этой группы входит и *ryzybarbny* с именем прилагательным в первой части, которое в сочетаниях может не склоняться.

¹⁷ На возможность употребления формы именительного падежа указывает соотносительность сложных прилагательных этой группы со сравнительными оборотами: ср. *Каž sněh běže ředke wlosy kryjachu jeho wulki nop za wysokim čotom* (JZ, 88).

kerk... kiž bórze złotožottu zakčěje... (КН, 13); *...widžu zelenu łuku na Rigiju ze złotožottymi luknadžemi...* (КН, 107). Ср. еще отмеченные в словарях: *młokoběty, slěbroběty, winočerwjeny, złotoróžowy*.

Разумеется, этот тип сложных имен прилагательных отличается от сложных слов с сочинительными отношениями между составными частями: *... slěbrozeleny ječmjeń* (КН, 44); *Slóncu mile so ze slěbrozłotymi pruhami k zemi tłóči...* (КН, 114).

В третьей группе сложных прилагательных второй компонент основы обозначает качество в широком смысле слова. Так же как и во второй группе (в противоположность первой), названный компонент может быть основой простого качественного прилагательного. Первая часть этих сложных прилагательных, как и в рассмотренных двух группах, обозначает объект сравнения. Колебания, возникающие при попытках определить словообразовательную структуру, те же, что и для первых двух групп:

...lód zymna woda praska na žehliwe skaliska (LS, 61); *Žona... boješe so poleća z lód zymnej wodu...* (КН, 195).

В словарях Якубаша, Пфуля и Краля приведены, кроме того, следующие образования: *ktokospěšny — ktokospěšny, kamjeńtwjerdy, špihelhtadki, plětejhusty*.

Наконец, последняя группа сложных имен прилагательных характеризуется тем, что вторая часть этих прилагательных обозначает качество, степень которого поддается определению при помощи принятых условных мер. Здесь имеются в виду ширина, длина, высота, глубина и т. д. В составе этой группы есть слова с несомненной формой винительного падежа в первой части, например, *sahudothi*. В сложном прилагательном *stronydothi*, судя по семантике ('состоящий из многих страниц'), также представлена форма винительного, а не родительного, падежа. То же — в *horywysoki*. В связи с этим можно считать, что формой винительного, а не именительного падежа и не чистой основой являются и первые компоненты слов *cyheltotsty, přěčniktotsty, pjeđzdothi, dtónšeroki*.

С другой стороны, в составе этой группы также имеются отдельные образования с несомненным соединительным гласным, например *wěšcwysoki*. В словаре Пфуля приведены параллельные формы: *sahudothi* и *sahodothi*.

Винительный падеж первой части основы таких сложных прилагательных подтверждается также соотносительностью этих прилагательных с определенными сочетаниями, широко представленными в современном языке. В функции обстоятельства меры и степени, относящегося к определению-прилагательному или обстоятельству-наречию, верхнелужицкий язык использует винительный падеж сочетания числительного с существительным

или винительный падеж существительного; при этом винительный падеж оказывается в препозиции:

Potom sleduje 12 stron dolhe predstwo w nemskej rēci (ŠP, 142—143); *W 1613 wudatej «Practica astrologica» piše Moller mjez druhim, so je 71 lēt stary...* (ŠP, 144); *Na něhdže džěsac hektarow wulkim zahonje...* (KW, 125); *...Jakaše něhdže 25 mužow silna skupina SA z «Vjekowskim» trupfërarjom* (KW, 67).

Таким образом, имена прилагательные четвертой группы с формой винительного падежа в первой части представляют собою сращения, образовавшиеся из подобных сочетаний. Такие сращения отличаются от сочетаний, состоящих из тех же частей, только единством ударения, в то время как порядок составных частей остается тем же. В этом рассмотренные сращения сходны со сращениями первого и второго типа сложных слов, связанными в своем происхождении с глагольными сочетаниями.

Думается, что сращения, отмеченные в четвертой группе сложных прилагательных, послужили образцом словообразовательного строения и первых трех групп сложных прилагательных. Все четыре группы объединяются тем, что каждое слово любой группы обозначает качество и дает объект сравнения. Отношения между компонентами сложных прилагательных всех групп одинаковы: вторая часть обозначает качество, присущее определяемому в той же степени, какая характерна для обозначенного в первой части. Следовательно, в первой части сложных прилагательных этого типа наблюдается колебание между основой существительного с соединительной морфемой и формой винительного падежа.

Однако среди сложных прилагательных этого типа с формой винительного падежа в первой части настоящими сращениями можно считать лишь образования четвертой группы, поскольку они непосредственно соотносятся с живыми и широко распространенными в языке сочетаниями. Очевидно, форма винительного падежа проникла раньше всего в сложные прилагательные третьей группы; вторая группа — частный случай третьей; а в связи с тем, что среди качественных прилагательных большую роль играют слова, обозначающие цвет, использование формы винительного падежа было перенесено и на сложные слова с *-barbn-* во второй части¹⁸.

¹⁸ В третьем типе сложных слов, где в первой части возможно наибольшее разнообразие, тоже наблюдаются случаи взаимовлияния первых компонентов, если они включают основу одного и того же имени. Например, сложные слова, в качестве первого компонента которых выступает основа *knih-*, всегда построены с использованием морфологически нерасчлененной формы родительного единственного — винительного множественного *knihi-*: *knihičičišć*, *knihikupc* и т. д. Если первая часть образована существительным *drjewo*, она всегда выступает в форме *drjewo-: drjewo-*

В четвертом типе, как и в третьем, противоположность между сложным словом, первая часть которого образована с формой винительного падежа, и сложением стирается, если в состав первого компонента входит имя существительное среднего рода.

Среди сложных имен прилагательных четвертой группы обращает на себя внимание *mużwysoki*:

Dale stejachu sadowe štomiki na łučnych wosrjedkach a skónčnje zahon mużwysokeje rožki (LS, 292).

Это прилагательное приведено в словаре Якубаша. Словарь дает и сложное наречие *mužhtuboko*. Оба образования не являются сложениями, в то же время в их первой части нет ожидаемой формы винительного падежа. Для выяснения словообразовательной структуры этих двух сложных слов необходимо располагать большим материалом, который показал бы, насколько для верхнелужицких одушевленных имен существительных возможно употребление старой формы винительного падежа с нулевой флексией¹⁹.

Изучение верхнелужицкого словообразования может оказать помощь в уяснении словообразовательной структуры слов немецкого языка. В частности, морфологическое строение определенных типов немецких сложных слов проясняется при сопоставлении с верхнелужицкими сложными словами. Для немецкого языка, например, принимается различие словообразовательных моделей, легших в основу образований *Eisbrecher* и *Briefträger*: первое — сращение, образованное на базе сочетания *Eis brechen*, второе — сложное слово с основой имени существительного *Brief* в первой части. Разница определяется лишь возможностью или невозможностью использования второго компонента с тем же значением в качестве самостоятельного слова²⁰. Между тем, как было показано выше, верхнелужицкие сращения более четко противопоставлены сложениям вследствие морфологической выразительности формы винительного падежа

jědźk, drjewotamar и т. д. Но у сложных слов третьего типа такое взаимовлияние первых компонентов отходит на задний план, во-первых, потому, что подавляющее большинство образований дает разнообразную форму первой части, хотя бы и использующей одну основу (ср. *dušehubičel, dušetojer — dušuhidžer, dušulubowar—dušitojer* и т. д.), и, во-вторых, потому, что разнообразие падежно-числовых форм в первой части у слов третьего типа всегда объяснимо более тесной, чем в четвертом типе, связью с сочетаниями, ср. *bróniņošer — nošer bróni, listonošer — listy nosič* и т. д.

¹⁹ Как известно, в современных славянских языках такое употребление встречается для отдельных одушевленных существительных главным образом во фразеологизмах, а также в тех случаях, когда имя выступает в функции обстоятельства.

²⁰ М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., Изд-во литер. на иностр. языках, 1953, стр. 194.

у значительной части существительных. Материал верхнелужицкого языка свидетельствует о том, что разница между сложением и сращением в сложных словах, второй компонент которых образован от переходного глагола, выступает и тогда, когда второй компонент может использоваться в качестве самостоятельной лексической единицы. Поскольку носители верхнелужицкого языка двуязычны, можно предположить, что в языковом сознании говорящих по-немецки первая часть сложных слов типа *Briefträger* также может восприниматься как форма винительного падежа.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В СТАТЬЕ ИСТОЧНИКОВ¹

- AL — M. Andricki. Listy z Prahi z lét 1886 do 95. Budyšin, 1925.
 B* — J. Bart-Ćišinski. Spisy młodych lét, Berlin, 1956.
 BM* — B. Budar. Mokrowčenko. Powědančko wo wulkim zbězku delnjoserbskich robočanow w léce 1548. Berlin, 1956.
 BS — J. Brězan. Stara Jančowa. Dwě nowelce. Budyšin, 1952.
 ČMS — Časopis Maćicy Serbskeje. Budyšin.
 DS — R. Domaška. Swobodni. Budyšin, 1935.
 DW — R. Domaška. Wbohec Mosty, Pilatusowy jězor a druhe powědančka. Budyšin, 1936.
 DZ — H. D[učma]n Wólšinski. Złote hrody abo Hans Klepotar na daň njese. Budyšin, 1897.
 JZ* — R. Jselt. Z. brěmješka dopomjenkow. Budyšin, 1951.
 J* — K. Krjenc. Jan. Roman pytačeho čłowjeka. Budyšin, 1955.
 JMS* — J. Młynk. Skicy k stawiznam serbskeje literatury. Berlin, 1956.
 JS — R. Jenč. Stawizny serbskeho pismowstwa. «Spisy Instituta za serbski ludospyt», 1. Budyšin, 1954.
 KJW — K. Jenč. W pazorach fašizma. Budyšin, 1954.
 KH — M. Kubašec. Hwězdy nad bjezdom. Budyšin, 1960.
 KM* — M. Krječmař. Miktaš Andricki — jeho žiwjenje a skutkowaenje. «Spisy Instituta za serbski ludospyt», 3. Budyšin, 1955.
 KW* — K. Krjenc. Wonec nan, knježi čelc a syčomłóčawa. Zběrka podawiznow ze serbskeje wsy. Berlin, 1960.
 LB* — Serbske ludowe bajki (Zeběrař a zestajař Jan Meškank). Berlin, 1955.
 LS* — J. Lorenc-Zalěski. Serbscy rjekowje. Zběrka wubraných spisow. Berlin, 1957.
 MH — J. Radyserb-Wjela. Metaforiske hrona abo přenoški a přirunanki w rěči hornjohižiskich Serbow. Budyšin, 1905.
 MJH* — J. B. Mučink. Hribowčenko abo politiske powědančko z něčičich časow 1849. Berlin, 1955.

¹ Звездочкой помечены источники, подвергшиеся сплошной выборке.

- MP — A. Muka. Pučowanja po Serbach (1876—1903). Budyšin, 1957.
- NS — M. Nowak-Njehorński. Serbski wšudžebył. Budyšin, 1954.
- NZ — M. Nowak-Njehorński. Zapiski bobaka. Zběrka spisow. Budyšin, 1952.
- NW* — M. Nowak-Njehorński. Wusaty Krjepjel a druhe bajki. Budyšin, 1950.
- Př — J. Radyserb-Wjela. Přistowa a přistowne hrónčka a wustowa hornjołužiskich serbow. Budyšin, 1902.
- RWW* — J. Radyserb-Wjela. Wuběrk prozy. Berlin, 1956.
- SH, — I. L. Haupt und J. E. Schmalzer. Volkslieder der Sorben in der Ober- und Niederlausitz. Erster Teil. Volkslieder der Wenden in der Oberlausitz. «Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen der Kommission für Volkskunde», Bd. 3. Berlin, 1953.
- SS* — Serbski směch. Směški a tryski z luda. Zezběrał Pawoł Nedo. Budyšin, 1956.
- ŠP — H. Šewc. Přinošk k studijam delnjoserbšćiny XVI lětstotka. «Lětopis Instituta za serbski ludospyt». Řjad A, čisło 2. Berlin, 1954.
- W — [J. Radyserb-Wjela]. Worjeschki. Přez džewjeć stow hódančkow z třebnym klučom... Budyšin, 1907.
- WN — J. Wjela-Kubšćan. Naš statok. Zběrka hrow. Berlin, 1958.
- ZB* — H. Zejler. Wubrane basnje. Budyšin, 1954.

3. МИХАЛК

(ГДР)

ЕЩЕ РАЗ О ВĚRNY ZBĚRANJE

Настоящая статья посвящена вопросу, к которому ранее я уже обращался¹. Речь идет о конструкциях типа *běrný zběranje, kulki koranje*, в состав которых в качестве основного слова входит отглагольное существительное в именительном падеже. Отглагольное существительное, сохраняя тесную связь с глаголом, требует постановки присоединяемого существительного в винительном падеже. Характерной особенностью этих групп существительных является тенденция к согласованию основного слова конструкции с присоединяемым словом в косвенных падежах. Эта тенденция особенно сильно проявляется в творительном падеже. Ср. отмеченный еще Щербой оборот: *ja nješem z tymi kulkami koranjom gótowy*².

Когда я писал упомянутую выше статью, группы слов типа *běrný zběranje/na běrnach zběranji* были известны мне, по существу, только из верхнелужицких материалов. По моему мнению, структура подобных групп слов может быть объяснена интерферирующим воздействием немецкого языка. В связи с этим возникает вопрос, наблюдается ли аналогичное построенное групп «существительное + отглагольное существительное» в других славянских диалектах, которые подвергаются или подвергались влиянию немецкого языка.

Для чешских диалектов примеры такого рода, по-видимому, также характерны. Во всяком случае выражения типа *rukou daním* отмечены Травничком³, который даже снабдил их специальным термином (*atrakse přitažení*). По сообщению Иса-

¹ F. Michałk. Wortgruppen mit schwankender Flexion in der ober-sorbischen Volkssprache. — ZfSl, 1959, Bd. IV, H. 4, стр. 269—276.

² Л. В. Щерб а. Восточнолужицкое наречие, т. I. Пг., 1915, стр. 137.

³ F. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny, d. II. Praha, 1951, стр. 830.

ченко, подобные случаи согласования существительных наблюдались им и в словенском языке.

В польской лингвистической литературе отсутствуют упоминания об интересующих нас группах слов. Поэтому я воспользовался возможностью восьмидневного пребывания на Кашубах в сентябре 1961 г. с тем, чтобы самому найти это явление в кашубских говорах. Ниже следуют примеры, которые были там собраны.

Zielona Chocina (powiat Chojnice): *bulwe sadzenja/pšy sadzenju bulew, pšy wodze nošenju/z wodu nošenjo, ze zarnim drašowanim/pšy tym zarnje drašowani, do mlika gōtowanja/pšy mliku gotowanju.*

Brzeźno (powiat Chojnice): *z tym gōtowanim mleka, z tym wedu nošenim, z tym bulwe sadzenim.*

Prądządka (powiat Chojnice): *z bulwami skrabani/pšy bulwach pšebjerani/ze zbjeranim kartoflów, pšy mliku gotowanju/z mlikim gotowanim.*

Ostrowa (powiat Puck): *to nošenje wede/pšy tym nošenju ti wede, pšy wařenju mlika.*

Swornigacie (powiat Chojnice): *z chleba pječenim, ta woda nošenim, pšy kopanju tych bulew, pšy mleku gotowanju.*

Zapceń (powiat Chojnice): *z tu słomu nošenim, pšy gotowanju mleka, pšy wodze nošenju.*

Окрестность Wejherowo (Wierzchocina, powiat Puck): *z tu wodu nošenju, wõt bulew skrobanju, z mlyčim gōtownim/pšy mlyko gotowanju, z tymi bulwami skrobanju, z tu wedu nošenju.*

Сочетания существительного с отглагольным существительным отмечены на территории Великой Польши в говорах населенных пунктов: Nowe Kramsko, Podmokła, Dąbrowka, powiat Zielenogórski.

Nowe Kramsko: *pjura skubanje, do desek żnjunća.*

Podmokła: *pšy lnje połću, pšy pjurach skubanju, pjura darće, pryki kopanje, od muchów zabijanjo.*

Dąbrowka: *do bulew tarcu.*

В статье Юдыцкой⁴ о типах немецких заимствований в говорах Вармии и Мазур это явление не упомянуто, хотя там разбираются все обычно встречающиеся типы передач заимствований. Однако изучение диалектных текстов, которые содержатся в книге «Сказки Вармии и Мазур»⁵; показывает, что интересующие нас группы слов встречаются и здесь. Ср.: *W garku mieli kucharki drozdzki do kuchow pieczania* (стр. 19). *Pozicil od brata ziertel do tech pchieniedzi mierzania* (стр. 87). *Przypominam, co tamten narod w tych stronach mocno wycwicony w pozach rzucaniu* (стр. 160).

⁴ J. Judycka. Typy zapożyczeń Niemieckich w Gwarach Warmii i Mazur. — PJ, rocz. 8, 1954.

⁵ «Bajki Warmii i Mazur». Kraków, 1956.

В польских диалектах Силезии до сих пор не было зафиксировано ни одного подобного примера⁶. Однако можно предположить, что при основательном изучении они будут найдены и там.

Следует также упомянуть, что в процессе сбора материала по «Программе лужицкого регионального лингвистического атласа» на территории Нижней Лужицы был сделан ряд интересных в связи с рассматриваемым вопросом записей. Например: *z tym kneplami zberanim* (Бяздов); *z tymi kneplami zberanim*; *z tym kneplami sajdzanim* (Парцов); *z tymi kulki zberanim* (Грожище); *z tym kulki zberanim* (Яншойце); *z tym kulki sajdzanjom* (Скарбишойце); *z tymi kulki sajdzanjom* (Яблоньц)⁷.

В моей статье, упомянутой вначале, влияние немецкого языка было отмечено только в таких сочетаниях с отглагольным существительным, в которых это существительное управляет винительным падежом (*wodu namakanje*) (по мнению Щербы, здесь речь идет об *expressis verbis*). Возникновение групп слов, для которых характерно согласование составляющих их существительных, я объяснял тенденцией к универбализации и видел в образовании этих групп результат чисто лужицкого развития. При этом я считал возможным не упоминать о такой важнейшей особенности этих групп в лужицких языках, как необычный порядок слов в них. Между тем, именно появление такого типа порядка слов⁸ в лужицких и в других славянских диалектах является ключом к правильному пониманию самого типа согласования существительных в этих группах.

Передачу заимствований можно представить как процесс трансформации между двумя различными системами⁹.

А. Немецкие словообразовательные типы

В. Лужицкие словообразовательные типы

понижающаяся продуктивность →

понижающаяся продуктивность →

1. Словосложение
2. Сложное название
3. Производное слово

- Словосложение
- Сложное название
- Производное слово

⁶ K. Nitsch. Wybór polskich tekstów gwarowych, Wyd. 2. Warszawa, 1960; R. Olesch. Die Slawischen Dialekten Oberschlesiens. Leipzig, 1937; Z. Sobierański. Polskie Teksty Gwarowe. Gwary Śląskie, I. Poznań, 1960.

⁷ Немецкие названия: Klein-Partwitz, Groß-Partwitz, Grötsch, Jän-schwalde, Skerbersdorf, Gablenz (Muskau); лужицкие названия: Bjazdow, Parcow, Grožišće, Janšojce, Skarbišojce, Jabłońc.

⁸ F. Michałk. Wliw němčiny na położenje finitnego słowjesa w serbskej sadže, — «Sbornik Syntaktické Konference v Brne», 1961.

⁹ Ср. А. В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков, — «Slavia», гоґ. XXVII, сеš. 3. 1958, стр. 343.

Немецкое словосложение (наиболее продуктивный тип новообразований) передается лужицким (кашубским и т. д.) сложным названием, так как в этих языках словосложение — наименее продуктивный тип новообразований. При этом сохраняется немецкий порядок слов: «определяющее слово — определяемое слово»: *Kartoffellesen — bërny zbëranje*.

Но на этом трансформация не заканчивается. В немецком языке имеется целый ряд субстантивированных групп слов, в которых зависимое существительное присоединяется к основному слову и стоит перед ним. Этот тип групп слов в немецком языке относительно продуктивен. В лужицком он существует изолированно; ср., например:

Немецкий

Das Von—Haus—Zu—Haus Gehen

Gottes Wille/der Wille Gottes

Vaters Haus/das Haus d. Vaters

Лужицкий

chodženje dom wot domu
(*dom — wot — domu—chod-*
ženje, возможно, появи-
лось под немецким влия-
нием)

Wola boha (wola boža —
стилистически ограничено)
boža wola (*boha wola* — не-
возможно).

nanowa chěža (*nana chěža* —
невозможно)

chěža nana (*chěža nanowa* —
стилистически ограничено)

Лужицкая субстантивированная группа слов, в которой зависимое слово стоит перед основным, с большей статистической вероятностью передается конструкциями типа «прилагательное + существительное», чем конструкциями типа «зависимое существительное + существительное». В немецком языке перевес в употреблении первого типа над вторым незначителен. При пробном статистическом анализе лужицкого и немецкого прозаического текста одного и того же автора (Ю. Брезан) в немецком тексте было найдено 12⁰/₀ групп типа «существительное + зависимое существительное» с порядком слов «присоединяемое слово — основное слово» (*Vaters Haus*), в лужицком — 0⁰/₀.

Итак, порядком слов «определяющее — определяемое» группа *bërny zbëranje* уподобляется группе типа «прилагательное + существительное» и отличается от группы типа «существительное + зависимое существительное». Но наличием падежного управления она уподобляется группе типа «существительное + зависимое существительное» и отличается от типа «прилагательное + существительное». Схематически это может быть изображено следующим образом: (*při rjanym wjedrje/na bërny zbëranju*):

při plahowanju skotu согласование : (управление / управление). Тип *na bërny zbëranju* в этой схеме стоит изолировано. В этом случае существуют две возможности для дальнейшей трансформации, в результате которой образуется конструкция, наилучшим образом соответствующая лужицкой схеме групп слов:

1. изменение порядка слов и падежного управления под давлением типа *při plahowanju skotu*.

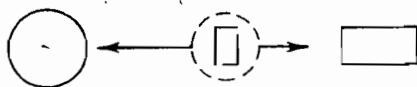
2. замена управления согласованием под давлением типа *při rjanym wjedrje*.

Обе эти возможности реализуются. Интересно, что в лужицком литературном языке получил распространение первый тип, а второй вообще не встречается, в то время как в разговорном языке второй тип (*při bernach zbëranju*) значительно преобладает.

Для трансформации типа *na bërny zbëranju* в тип *při plahowanju skotu* в лужицком языке в структурном отношении нет никаких препятствий: существительные могут стоять во всех возможных косвенных падежах, и порядок слов типа «существительное — существительное в род. пад.» является совершенно нормальным. Только порядок слов в немецком языке (*Kartoffel-lesen, Viehzucht*) сдерживает дальнейшую трансформацию в этом направлении, и, таким образом, тип *na bërny zbëranju* проник также и в литературный язык.

Для трансформации типа *na bërny zbëranju* в тип *při rjanym wjedrje* в лужицком языке есть серьезные препятствия структурного характера: нельзя одно существительное привести в полное согласование с другим существительным; такое согласование возможно лишь у существительного с прилагательным. Появление в языке очень неустойчивого, структурно противоречивого образования типа *na bërnych zbëranju* имеет свои причины. Первая заключается в уже упомянутом сдерживающем влиянии, которое оказывает порядок слов в немецком языке. Вторая — в громадном статистическом преобладании групп слов типа «прилагательное + существительное», которое в разговорном языке еще значительнее, чем в литературном. В результате соответствующих подсчетов выяснено, что в лужицком разговорном языке тип «прилагательное + существительное» составляет 94⁰/₁₀₀ всех групп слов, включающих существительные, а в литературном языке — только 79⁰/₁₀₀.

Графически отношение между тремя типами — *při rjanym wjedrje* / *na bërny zbëranju* / *při plahowanju skota* — можно было бы представить приблизительно так:

Пояснение знаков:

— согласование + порядок слов: «присоединяемое слово — основное слово»

— порядок слов: «присоединяемое слово — основное слово»

— падеж управления: род. пад. + порядок слов: «основное слово — присоединяемое слово»

— падеж управления: вин. пад.

→ — направление трансформации

Размер знака связан со статистической частотой распространения обозначенных явлений.

Неустойчивость этого типа передачи заимствований в речи проявляется также и в колебании числа и рода артикля, употребляемого иногда под влиянием немецкого языка. В зависимости от обстоятельств есть две возможности передачи конструкций с артиклем:

1. *z tym kulkami zběranjom* || *při tym wodže nošenju*;

2. *z tymi kulkami zběranjim* || *při tej wodže nošenju*.

Обе подтверждаются нашими примерами. Причина колебаний в употреблении артикля лежит в неполном характере согласования зависимого существительного с главным существительным. Это еще раз подчеркивает структурную неустойчивость рассматриваемого здесь явления.

После всего сказанного кажется сомнительным видеть причину возникновения типа согласования в рассмотренных группах слов в тенденции к универбализации. Факт интерференции в речи (*parole*), а не в языке, почти полностью исключает подобную мысль.

А. Е. СУПРУН

О СОГЛАСОВАНИИ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ, ВКЛЮЧАЮЩИМ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ, В СЕРБО-ЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКАХ

Становление числительных в качестве особой части речи в различных славянских языках наряду с общими чертами имеет и специфические проявления. Общим для славянских языков является нарушение прежних отношений числительных к грамматическому числу, ведущее в конечном счете к утрате числительными грамматического числа. В основе этой утраты лежит, вероятно, возможность понимания множества предметов, обозначаемого числительными и как расчлененного, и как нерасчлененного¹. *Пять человек* может быть понято и как единство пяти единиц, и как количество, состоящее из пяти расчлененных единиц. Числительное *пять*, таким образом, обозначает как единичность, так и множественность, а это значит, что названное числительное обладает всяким и в то же время никаким грамматическим числом. Подобным образом складывается отношение числительных к грамматическому числу, например, в русском языке.

Сербо-лужицкие языки имеют особую судьбу в отношении грамматического числа. В отличие от большинства других славянских языков они сохраняют двойственное число. А между тем ликвидация двойственного числа играла определенную роль как в утрате числительными грамматического числа, так и в становлении грамматических свойств числительных как особой части речи вообще².

¹ См. А. В. Исаченко. О грамматическом значении, — ВЯ, 1961, № 1, стр. 37.

² Так, в некоторых юго-западных украинских говорах сохранение реликтов двойственного числа препятствует распространению конструкций типа *двое вікон*, которые обобщают особенности количественных и собирательных числительных. См. J. Šerch. Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen, Lund, 1952.

Сохранение двойственного числа является в известной мере препятствием на пути унификации свойств различных числительных, которая представляет собой важную черту их грамматического развития. Эта унификация прежде всего проявляется в отношении числительных к категории числа, которое отражается в форме числа глагола-сказуемого, употребляемого при числительном, входящем в состав подлежащего.

Большая унификация правил согласования глагола-сказуемого с подлежащим, образованным количественными числительными, свидетельствует о большем единстве числительных в их грамматических свойствах, и напротив, разные способы согласования глагола-сказуемого с разными числительными указывают на отсутствие подобного единства, в частности, в отношении числительных к грамматической категории числа.

В сербо-лужицких языках специфика согласования сказуемого с подлежащим, в состав которого входит числительное, в значительной мере обусловлена сохранением двойственного числа и наличием особых лично-мужских форм числительных.

Так как в верхнелужицком и нижнелужицком языках правила согласования глагола-сказуемого с подлежащим, образованным количественным числительным, не имеют существенных отличий, то в дальнейшем материал обоих языков мы рассматриваем параллельно, проводя, где это необходимо, различия.

Слово *один* согласуется с существительным, к которому оно относится, в роде, падеже и числе, а глагол-сказуемое согласуется соответственно с этим же существительным в числе, а в родоизменяемых формах — также и в роде. Если числительное употреблено без существительного, сказуемое согласуется с ним в числе и роде. Ср. в.-луж.: *Z htosow wšěch ton jedyn klinči* (Bart, 322); *Morkotaše jedyn z pachotow* (Brězan, Jančowa, 22); *Temu była jedna baba prajita* (Nedo, 40b; 189); *Dyž jena holca dweju lubuje* (Haupt 1, 144; 169); *Spi jene wočko* (Nedo, 52a; 231); н.-луж.: *Jaden bratš jo dwanasćolětny pši zwonjenju w tormje wopadnuł a se zabil* (M. Chr. II, 186); *Jaden bur z Tšadowa zjeba bludnika a se hyšći jomu wusmja* (M. Bajk., 18); *Tam jedna žeńska tak skjaržy a płaco* (Witkojc, 39); *To jedno gole běšo šesć lět stare* (M. Bajk., 57)³.

Форма множественного числа сказуемого при числительном *один* (в числовом значении) возможна, когда речь идет о существительных, употребляемых лишь во множественном числе. Можно указать и на случаи, когда сказуемое согласуется по смыслу с целым сочетанием слов; ср.: *A jedna drugu pšašachu* (Witkojc, 46). Любопытно, что здесь употреблено множественное число, хотя реально речь идет о двух говорящих.

³ Вслед за обозначением источников следует указание частей, глав, номеров (песен, сказок или загадок); последняя цифра является указанием страницы в данной книге.

Числительное *оба* зафиксировано в просмотренных верхнелужицких текстах в формах *wobaj* (муж. род), в записях песен Гаупта и Смолера отмечена еще и форма *woboj*, *wobě*, *wobej*⁴ (жен. и ср. род), встретилось и сложное *wobej dvě*.

В нижнелужицких текстах без различения рода отмечаются формы *wobej*, редко *woboj* и сложное *oboj dwa*. В записях песен Гаупта и Смолера есть и формы с протетическим *h* — *hobej*, *hoboj*, а также без протезы — *oboj*.

При всех этих формах числительного, употребляются ли они с существительными или самостоятельно, глагол-сказуемое выступает, как правило, в форме двойственного числа.

Ср. в.-луж.: *Wobaj mějštaj šěre, šeserjate hriwe* (Brëzan, Pr. br., 95); *Woboj z neje jedžachmój* (Haupt 1, 40; 69); *Wobě stej so k cyle nowymaj čłowjekomaj wuwitaj* (Krjenc 3, 43; 231); *Wobej tam tola tež sobuskutkujetej* (Krjenc 3, 24; 158); *We tym mi hrodži holcy dwje, Wobej stej jenakej* (Haupt 1, 161; 184); *Spitaj wobej dvě* (Nedo, 52a; 231); н.-луж.: *Wobej boršy ga stej teke pšosonej how na tu swajžbu* (Kosyk 1, 27); *Wobej zas celej stej* (Rocha 13; 86); *Hobej mje jadtak rjednej stej* (Haupt 2, 6; 18); *Pujžomej tam oboj* (Haupt 2, 154; 112); *Hoboj stej na se spodobnej* (Haupt 2, 157; 119); *Witajta gólca oboj dwa* (Haupt 2, 77; 72).

Встретились два случая нарушения общего правила употребления формы двойственного числа глагола с числительным *оба*. Они касаются нижнелужицкой формы *woboj*: *A dokulaž woni wižechu, až we swěše woboj — dobre a zle — se stawa a jim žrědło toho samego poznate njeběšo, ga wěrjachu woni, až dwojaki bogi su* (M. Chr. I, 156); *A woboj jo se stało njenažejucy* (M. Chr. II, 192). Бросается в глаза, что в обоих случаях в сказуемом представлен глагол *stawaš*, *staš se* 'произойти'.

Числительное *два*, согласуемое с существительным в двойственном числе, имеет при себе глагол-сказуемое в двойственном числе. Сказуемое выступает в форме двойственного числа как при числительных с существительными, так и при отдельных числительных, как при числительном мужского рода *dwaј* (в.-луж.) и *dwa* (н.-луж.), так и при числительном женского и среднего родов *dwě* (у Гаупта и Смолера, в некоторых сказках у Недо — написание *dwje*).

Ср. в.-луж.: *Dwaј kanonaj nimataј w najwjetšim kurjencu ruma* (Wjela, 24); *Mjedwedžzaj we lesu dwaј hornyk rybew nam'kaštaj* (Zejler, 113); *Dwě małej brežyčce tam stejiteј* (Krjenc, 200); *Prjeneј pak dwje tak praješteј* (Haupt 1, 287; 282); *Dwě wóčce tak módreј a swěrnej stej kuknyteј z lubošću wěrnej mi do duše džiwnje* (Bart, 323); н.-луж.: *Ljetaleј stej ljetaleј dwa bjetaј gólbjaška* (Haupt 2, 84; 76); *Zěšteј dwa lubeј tam pšez luku* (Rocha, 30);

⁴ F. Jakubaš («Hornjoserbsko-němski słownik». Budyšin, 1954) не дает формы *wobej*.

Z tego jadnego woza stej zležłej dwě družce (M. Bajk., 59); *Tam stej swěšitej dwě wocy* (M. Chr. II, 42); *Dwě wuśy stej mě psirosłej* (M. Chr. I, 276).

Двойственное число в лужицких языках, как известно, употребляется в достаточной степени последовательно. Тем более следует ожидать правильного его употребления с числительным *два* (связанный дуалис, по выражению А. И. Белича⁵). И действительно, как в литературных текстах, так и в записях диалектной речи⁶ регулярно при числительном *два* в подлежащем употребляется глагол-сказуемое в двойственном числе. Во всех просмотренных текстах встретилось лишь одно исключение: *Zaso jena ruka dele padže a dwě swěce hasnu* (Nedo, 152). Надо отметить, что после этого в следующих абзацах текста имеются конструкции *tři* (и *štyri*) *swěcy hasnu*. Форма *hasnu* — 3 л. наст. вр. мн. ч. непереходного глагола *hasnyć*. Однако в абзаце, предшествующем цитируемому, находится не вполне ясное выражение: *padže wot horjeka čłowječa ruka dele a přenju swěci hasnu* 'упала сверху человеческая рука и погасила первую свечу'. Очевидно, в этом случае неверно употреблены выделенные слова. Верно было бы — *prěnja swěca hasnje*. Возможно, однако, дело в повторяемости формулообразных оборотов, которыми герой подтверждает свое бесстрашие, о чем, применительно к цитируемой сказке, говорит Недо⁷. И в том, и в другом случае имеются особые дополнительные условия, способствовавшие появлению формы множественного числа вместо ожидаемой формы двойственного числа.

Следует сказать, что в других случаях повторы сходных конструкций с разными числительными не ведут к полной грамматической унификации этих конструкций и двойственное число не заменяется в них множественным. Ср., например, в духовной песне (Haupt 2, 199; 152): *Tši su patrijarky, Dwa stej s tego raja Božego hugnanej, Jaden jo ten wjerny bóg...*

Числительные *три*, *четыре*, так же как и первые два, согласуются с существительным в числе, на этот раз множественном. Это отмечалось уже в старых лужицких грамматиках, например у Гутсмана⁸. Сказуемое, естественно, в этом случае согласуется с существительным-подлежащим и тоже выступает в форме множественного числа. Во множественном числе употребляется глагол и при числительных *три*, *четыре* без суще-

⁵ См. А. Белић. О двојини у словенским језицима. Београд, 1932, стр. 34—47.

⁶ См., например, тексты в приложении к кн. Л. В. Щербы «Восточнолужицкое наречие», т. I. Пг., 1915, стр. 11, 23, 24.

⁷ P. Nedo. Sorbische Volksmärchen. Bautzen, 1956, стр. 380.

⁸ O. Gutschmann. Gründliche Anleitung die windische Sprache in kurzer Zeit und auf die leichteste Art vom selbstn zu erlernen. Gilli, 1786, стр. 88. Ср. также G. Krahl. Grammatik der Wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen, 1895, стр. 71.

ствительных. Форма множественного числа глагола-сказуемого встречается как с лично-мужскими, так и с женско-вещными формами числительных (независимо от рода существительного).

Ср. в.-луж.: *Pod hórku su chěžki tři* (Bart, 42); *Hdyž tři wóčka spachu* (Nedo, 52a, 232); *Tři žaby wocučichu k žiwjenju* (Zejler, 23); *Třo bratra pomhaja mjenje...* (Wjela, 153); *Zo ju ani štjry woły njewučahnu* (Brězan, Pr. br., 33); *Rjaneho nalětnjeho dnja syjachu štjryjo* (Brězan, Jančowa, 8); н.-луж.: *Něto su jich hyšći jano tši zawostali* (M. Chr. II, 320); *Tši žěši buchu nam wobrazone* (Ibid., 193); *Rubali su se rubali, Tšo knježki wo jeje wjenk* (Haupt 2, 59); *Stjry jej ģerce grajachu* (Ibid., 184; 136).

В вижнелужицких песнях отмечены два случая употребления сказуемого при числительных *три* и *четыре* в единственном числе. Ср.: *ńebješe štjry tyženjow* (Haupt 2, 51; 53); *Gaž było wokolo tši běrtyl lěta, žowčo nosy mały klin* (M. Chr. I, 70). Характерной особенностью приведенных примеров является то, что существительные при числительных *три* и *четыре* употреблены не как обычно в именительном падеже множественного числа, а в родительном падеже множественного числа⁹.

Такая падежная форма существительного может быть объяснена влиянием конструкций с числительными *pěš* и далее¹⁰. Влияние этих числительных тем более правдоподобно, что в лужицких языках возможны конструкции типа *dwanascó pósty* наряду с *pěš bratrow*¹¹. Действие аналогии не только способствует появлению конструкции «*tši*+род. п. мн. ч.», но и ведет к изменению формы числа глагола-сказуемого, употребляемого с этой конструкцией. Поскольку конструкция «*tši*+род. пад. мн. ч.» напоминает скорее конструкции с *pěš*, чем с *tši*, сказуемое в ней ставится в форме, присущей сочетаниям с *pěš*, т. е. в единственном числе.

Употребление при числительных *три* и *четыре* глагола-сказуемого в единственном числе, являясь нарушением нормы, представляет собою пример аналогического выравнивания разных групп числительных, ведущего в конечном счете к унификации их грамматических свойств.

С числительными типа *пять* в современных лужицких языках глагол-сказуемое употребляется как в форме единственного, так и в форме множественного числа.

Нормативные грамматики Швелы и Вовчерка устанавливают правило, по которому при числительных этого типа глагол-ска-

⁹ *tši běrtyl* может быть как род. мн., так и им. ед. Последнюю возможность отмечал К. Мука. См. К. Е. Муске. *Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache*. Leipzig, 1891, стр. 445.

¹⁰ Аналогичные конструкции имеются также в русском фольклоре и в говорах: *три раз, два год*. Ср. Г. И. Матвеева. Числительные в русских говорах, автореферат канд. дисс. М., 1954, стр. 13.

¹¹ См. К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 445.

зуемое имеет форму единственного числа¹². Впрочем, из приводимых примеров следует, что с числительными лично-мужской формы на -*o* глагол-сказуемое должен употребляться во множественном числе. Школьная грамматика отмечает, что форма числа глагола-сказуемого находится в зависимости от числа подлежащего: *jedyn* — единственное число, *dwa**j* — двойственное, *tři*, *štyri* — множественное, *pjeć* и далее — единственное¹³. Аналогичную точку зрения можно встретить и в более старых грамматиках. Так, Краль пишет, что «начиная с *pjeć* (5)... сказуемое имеет окончание среднего рода»¹⁴, а Пфуль приводил пример *šesć žonow je tu bylo*, замечая, впрочем, что числительные от *пять* могут употребляться как прилагательные¹⁵.

Однако авторы научных грамматик отмечали возможность употребления с названными числительными глагола-сказуемого множественного числа. Так, Йордан оговаривался, что правило о форме ед. числа глагола-сказуемого не касается числительных типа *пéco* и писал, что «лишь редко стоит при числительном глагол во множественном числе»¹⁶. Мука, приводя примеры постановки во множественном числе глагола-сказуемого при числительных типа *пять*, отмечал, что множественное число в этом случае противоречит славянской конструкции и является результатом немецкого влияния¹⁷. Мнение о том, что употребление глагола с числительными *пять* и далее во множественном числе не соответствует славянской конструкции, представляется ошибочным. Еще Миклошич отмечал, что «сказуемое при количественных уже в древнейших источниках находится также во мн. ч.»¹⁸, а Вондрак полагал даже, что в старославянском языке конструкции с глаголом в единственном числе безличны¹⁹.

Появление конструкций с множественным числом глагола при числительных типа *пять* связывается с влиянием конструк-

¹² P. W o w ć e r k. Kurzgefaste obersorbische Grammatik. Berlin, 1955, стр. 68; B. Š w ě l a. Grammatik der niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1952, стр. 33.

¹³ P. M a l i n k. Wučbnica serbšćiny za 9. lětnik. Berlin, 1955, стр. 96.

¹⁴ G. K r a l. Grammatik der Wendischen Sprache in der Oberlausitz. Bautzen, 1895, стр. 71.

¹⁵ C. T. P f u h l. Laut- und Formenlehre der oberlausitzischwendischen Sprache. Bautzen, 1867, стр. 72.

¹⁶ J. P. J o r d a n. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. Prag, 1841.

¹⁷ K. E. M u c k e. Указ. соч., стр. 444—445. Аналогичной точки зрения на природу сочетаний числительных типа *пять* с глаголом во множественном числе придерживался Вондрак, считавший, что такие конструкции в русском языке являются европеизмом. W. V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik, II. Göttingen, 1928, стр. 423.

¹⁸ F. M i k l o s i c h. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. IV. Heidelberg, 1926, стр. 55.

¹⁹ W. V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik, II, стр. 422.

ций, включавших числительные-прилагательные *три* и *четыре*²⁰. С другой стороны, уже в старославянском языке известны конструкции типа *вьсь народъ бѣшъ*, когда при существительных, обозначающих реальное множество, допускавшее, вероятно, его расчлененное понимание, глагол-сказуемое фигурировал в форме множественного числа. Подобное согласование в старославянском языке — не подражание греческому, ибо известны факты несовпадения формы числа в старославянском переводе и греческом оригинале²¹.

Сочетания числительного типа *пять* с глаголом-сказуемым в форме множественного числа известны в старославянском и в современных славянских языках. Например, в болгарском и македонском форма множественного числа глагола господствует в сочетаниях со всеми числительными²². В связи с этим представляется небудительным тезис о неславянском происхождении конструкций такого рода.

Как в верхнелужицких, так и в нижнелужицких текстах при числительных типа *пять* преобладает единственное число глагола-сказуемого. Родоизменяемые формы имеют при этом форму среднего рода.

Это касается прежде всего числительных от *пяти* до *десяти* в основной их женско-вещной форме. Ср. в.-луж.: *Dyž bje so minyło sydrom ljet* (Haupt 1, 5; 33); *Duž džewjeć swědkow postanje* (Zejler, 125); *Sydrom kralow z rowa stanje A do ruki hrabnje mječ* (Bart, 70); *A jeli kōždy džeń jenož džesać kanonow na kruchi dže* (Brězan, Jančowa, 48); н.-луж.: *Gaž jo se žaseć mjasecow minuło* (M. Bajk., 59); *Wot kotarychž pak jo 5 w prjednem abo drugem lěše swojogo żywjnja wumrjeło* (M. Chr. II, 186).

Форма единственного числа глагола-сказуемого выступает обычно и в сочетании с числительными второго десятка. Ср. в.-луж.: *Dwanasće šeršenjow skoncuje konje* (Wjela, 24); *Je jich wosomnaće džětaćerjow było* (Brězan, Jančowa, 79); н.-луж.: *Jadnasčo jo gwjezdow* (Haupt 2, * 199; 152); *Něnto bijašo dwanasčo* (M. Bajk., 47); *Jich běšo tam 14 bratšow a sotšow* (M. Chr. II, 416).

При обозначениях целых десятков преобладает форма единственного числа глагола-сказуемого. Ср. в.-луж.: *Zo by druheho*

²⁰ K. Brugmann. Die Syntax des einfachen Satzes im Indogermanischen. Berlin—Leipzig, 1925, стр. 158.

²¹ J. F. Lohman. Das Kollektivum im Slavischen, — KZ, Bd. 58, стр. 220.

²² См. соответствующий материал в работах А. Супруна: «Старославянские числительные». Фрунзе, 1961, стр. 84 и след.; «Об одной синтаксической особенности болгарских числительных», — «Тр. Узбекского гос. ун-та», Новая серия, № 92. Самарканд, 1958; «Форма числа сказуемого при количественном подлежащем в македонском языке», — «Тезисы докладов и сообщений на научной конференции по славянской филологии». Фрунзе, 1958.

januara było styrceci lět zo dzětaše «na kuble» (Brězan, Pr. br., 64); *Šěsćdzesac snopow dze do kupy* (Bart, 141); н.-луж. *Styrzasca wot nich běšo w serbskich, polsta pak w němskich šulach* (M. Chr. II, 195). Ср. и перевод одного и того же текста: в.-луж. — *80 namórnikow so zatepiło* (Protyka, 36); н.-луж. *80 namornikow se zalało* (Pratyja, 35).

В то же время имеются случаи употребления с этими же числительными формы множественного числа глагола-сказуемого.

Так, множественное число сказуемого отмечено несколько раз при числительных *пять—десять*, причем во всех этих случаях отсутствуют какие-либо дополнительные грамматические условия. В примерах, сюда относящихся, можно отметить и прямой, и обратный порядок слов (подлежащего и сказуемого); в качестве считаемых выступают и люди, и животные, и единицы времени, и неживые предметы; глаголы-сказуемые употреблены тоже разными (и глаголы движения, и глаголы существования и др.). Причина, обусловившая появление формы множественного числа сказуемого в этих случаях, состоит, видимо, в большей выраженности расчлененного понимания группы предметов, обозначаемых числительным. Ср. в.-луж.: *We stwičcy stejachu pak sydom łožow* (Nedo, 43, 195); *Jeho dźesać kórcow wostanu jeho* (Brězan, Jančowa, 63); н.-луж.: *Žaseš lět běchu wot tego casa pšejšli* (M. Chr. I, 249); *Sedym starych žedkow du* (Rocha, 25, 89).

Множественное число глагола-сказуемого при числительных *тридцать—сорок* может быть обусловлено первым их компонентом, так как именно при числительных *три, четыре* множественное число сказуемого является нормой. Ср. в.-луж.: *Styrceci njeźeli su krotka noha* (Brězan, Jančowa, 68); н.-луж.: *Ako se pak namkachu 30...* (M. Chr. II, 196).

В примере — *Běchmy doma w Skjarbšcu 12 žěši* (M. Chr. II, 186) — с числительным второго десятка употреблен глагол-сказуемое — в форме множественного числа. В этом случае глагол стоит в первом лице, что исключает в данном контексте употребление единственного числа глагола. Этот же контекст может быть передан описательной конструкцией с третьим лицом и единственным числом глагола-сказуемого.

Глагол-сказуемое имеет форму множественного числа в том случае, если подлежащее образовано числительным типа *пять* в лично-мужской форме. Ср. в.-луж.: *Na kóncu rejuja jenož hišće šesćo* (Brězan, Jančowa, 88); *W kotrejž namakachu wšitcy sedmjo serbscy wjerchojo smjerc* (Krnjec, 127—128); *Džesaćo jenemu pomhaja...* (Wjela, 25); *A dwanaćo družu čerći přinjesechu na ramjenjach helski ryhel* (Nedo, 84 с, 353).

Основным фактором, определившим наличие формы множественного числа глагола-сказуемого в этих случаях, является то, что в сочетании с лично-мужской формой числительных суще-

ствительные употребляются в именительном падеже множественного числа. Лично-мужские числительные выступают, таким образом, в функции прилагательного, как и числительные *один — четыре*, а сказуемое согласуется с подлежащим-существительным.

Однако числительные в лично-мужской форме не вполне совпадают с прилагательными уже потому, что существительные с ними могут употребляться лишь во множественном числе. Таким образом, здесь число существительного зависит от числительного, в то время как у обычного прилагательного наблюдается обратное — его число зависит от числа существительного. Вследствие этого число сказуемого, грамматически согласуемое с числом подлежащего-существительного, в конечном счете зависит все же от числительного. Целесообразно поэтому рассматривать в качестве подлежащего и здесь сочетание числительного с существительным.

Обозначения сотен в лужицких языках не оформлены грамматически в полной степени в качестве самостоятельных числительных. Это отражается и в раздельных написаниях, и в склоняемости обоих компонентов, и в возможности их перестановки в отдельных случаях. Двойственное понимание числительных, обозначающих сотни, — с одной стороны, как состоящих из двух компонентов, с другой, как неразложимых форм — отражено в способах согласования с ними глаголов-сказуемых.

Так, с числительными *триста, четыреста* чаще встречается форма множественного числа сказуемого — особенно в нижнелужицких примерах, которую можно связать с раздельным пониманием компонентов. Ср. н.-луж.: *Cele 400 lět su južo pšejšli wot tego casa* (M. Chr. II, 34); *Sta tši kilometrow su hyšći wot sebj* (Witkojc, 35).

Однако есть и факты употребления в этом случае формы единственного числа глагола-сказуемого. Ср. в.-луж.: *300 multimilionarow tam we woprawdźitosći knježi* (Protyka, 40). Интересно, что в этом месте в нижнелужицком тексте употреблена несколько иная конструкция с множественным числом сказуемого: *Tši sta multimilionarow su tam te wopšawžite kněžarje* (Pratyja, 38).

При числительном *двести* отмечена форма единственного числа глагола-сказуемого: *... na kotaremž 200 serbskich žěši se rozwi-sujo* (M. Chr. II, 200). Единственное число сказуемого представлено также с числительным *семьсот*: *sedym hundert běšo* (M. Chr. I, 162).

Слова, обозначающие числа *тысяча, миллион*, являются в славянских языках существительными. Кроме того, к существительным относится в нижнелужицком и заимствованное *hundert* 'сто'. Естественно, что глагол-сказуемое употребляется при этих словах в такой же форме, как при существительных-подлежащих того же типа. Когда существительное-подлежащее вы-

ступает в единственном числе, глагол-сказуемое — тоже в единственном, а когда существительное-подлежащее — во множественном числе, глагол-сказуемое тоже во множественном. Хотя это и кажется само собой разумеющимся, однако в других славянских языках известны отклонения. Так, в русском не столь уж редко множественное число сказуемого при слове *тысяча* (*тыща*) в единственном, а в польском при слове *tysiąc* во множественном числе встречается сказуемое в единственном числе.

Единственное число: в.-луж.: *Ach stwoř mje tola rjenišu, kaž tysac druhich je* (Zejler, 114); *Milijon synnje złoty ch škri do morja* (Bart, 313); н.-луж.: *100 markow kapitala jo lěta 1883 na dař danu* (M. Chr. II, 247; *danu* — ед. ч. м. р., согласуется с *hundert*); *Do podzemskich pšehodow tysac žo luži* (Witkojc, 33); *Tawzjnt bōl zažyjo* (Haupt 2, посл. 187; 206).

Множественное число: в.-луж.: *Kaž miliony swěčkow su* (Bart, 251); *W dole samym ležachu a stejachu tysacy kamjenjow* (Nedo, 24, 123); н.-луж.: *A tysace w šamnosći groznje se minu* (Witkojc, 32).

Во всех случаях обозначения нескольких целых тысяч и миллионов при числительном употреблено единственное число глагола-сказуемого. И это как при обозначении *двух тысяч*, так и *десяти, двучсот* и т. д. тысяч и миллионов.

Ср. в.-луж.: *Zahinje po wěstym času přez každe pospytne rozbuchnjenje atomowych bombow 2000 ludži na rakowinu* (Protyka 1959, 40 — ср. н.-луж.: Pratyja, 38); *Budže po každym rozbuchnjenju 200 000 džěci počezeny ch. . .* (Ibid); *Twari 950 milionow ludži socializm* (Ibid., 41; ср. Pratyja, 38); н.-луж.: *10 000 dušow stušašo* (M. Chr. II, 25); *Na nich bydli někak 230 000 luži* (Pratyja, 35; ср. Protyka, 36).

При различных составных числительных выступает во всех зафиксированных случаях форма единственного числа глагола-сказуемого.

Ср. в.-луж.: *24 hodžin je mimo* (Nedo, 62, 283); *Tu je nastalo. . . 26 nowych prodrustwow* (Protyka, 42; ср. Pratyja, 39); *Džewjeć stow a štyrnaće hriwnow je na kasy* (Brězan, Pr. br., 29); *W lěće 1956—57 wuwučowaše w zakładnych šulach dwurěčnych končin 313 wučerjow* (Rozhlad 1961, 4, 114); *Tak wobdžěli so w šulskim lěće 1957—58 dohromady 7952 šulerjow na serbskej wučbje* (Rozhlad 1961, 4, 113); н.-луж.: *Na zgromažinu jo 72 osobow pšišto* (M. Chr. II, 89); *Wot měrca do julija woteda se 181 zawězkow za dočasne spolnjenje gospodarskich planow* (Pratyja, 39); *Wot apryla do julija pšewježo se 970 wšakorakich zarědowanjow* (Ibid.).

В тех случаях, когда подлежащее образовано числительным в сочетании с *poł* 'половина', глагол-сказуемое может выступать как в единственном, так и во множественном числе. Ср.: *Wostanje počta* (Brězan, Pr. br., 29); *Je poč do jedneje* (Křjenc, 121); *Poč sta su wowcow mi wele lubše* (Haupt 1, 74; 108).

Если подлежащее образовано двумя или более числительными, связанными по способу сочинения, имеются некоторые колебания в выборе форм и числа глагола-сказуемого.

Когда оба числительных — *три* или *четыре*, глагол-сказуемое употребляется во множественном числе. Ср. в.-луж.: *Tak — no, tŕo — štyrjo su po moim zdaću pódla* (Brézan, Pr. br., 127); *Tak minychu so štyri nocy a tři dny* (Ibid., 10); н.-луж.: *Tši žówa a tšo golcy buchu wuzwolone* (Rocha, 40).

Множественное число глагола-сказуемого представлено также в тех случаях, когда одно из числительных в подлежащем — *три* или *четыре*. Ср. в.-луж.: *Popódnju potom sydachu něhdže tři abo tež pjeć starych žonow wokoło blida a drějachu pjerjo* (Brézan, Jančowa, 15); *Tak wobstajachu w Ramjonskim wokrjesu jeno 6 a w Chočebuskim krajnym wokrjesu jeno 4 wjesne akademije* (Rozhlad 1960, 4, 110).

Форма множественного числа глагола-сказуемого употребляется и тогда, когда перечисляемые подлежащие составляют в сумме три-четыре предмета. Ср. в.-луж.: *Před durjemi Kulturneho domu steja dwaj mužej a jena žónska* (Brézan, Jančowa, 83); *Muž a dwaj młodžencaj štaraju jězdžadło doprědka* (Kŕjenc, 221); *W pšiduej nocy stražowachu nět zastojnik a tšo wotroški* (M. Chr. I, 214).

Наряду с этим отмечены случаи употребления глагола-сказуемого в форме единственного числа, несмотря на то что в состав подлежащего входят числительные *три* и *четыре*. Ср. *Dyž so minyło sydrom ljet, a hyšće štyri nedžělki* (Haupt 1, 43; 73). Единственное число глагола здесь может быть объяснено тем, что «неделя» — более мелкая мера, чем основная мера — «лет», которая сочетается с числительным *семь*, требующим обычно единственного числа глагола-сказуемого.

Džensa je tam 5000 mólbow, 3000 pokazkow staroruskeho wumělswa a 3000 rysowanow a grafikow (Rozhlad 1960, 1, 20); здесь речь идет не просто о *трех* предметах, а о *трех тысячах* предметов, и к тому же ближайшее к сказуемому числительное не *три тысячи*, а *пять тысяч*.

В одном случае сказуемое согласуется с ближайшим числительным *dwa* и употреблено в двойственном числе: *Jaden abo dwa sejžeštej juž na płoše a wolžeštej do dworu* (M. Chr. I, 140).

Если подлежащее образовано двумя или более числительными *пять* и далее, глагол-сказуемое обычно имеет форму единственного числа. Ср. в.-луж.: *Šěsć — abo snano samo wosom — puntow wowsa je wo wjele wjace hač žady* (Brézan, Pr. br., 16); *Wot nowembra 1957 do měrca nawabi so 820 nowych sobustawow a 879 nowych čitarjow serbskich časopisow* (Protyka, 43; ср. Pratyja, 39); *W nich je 24 proc. ratarskich a 76 proc. powšitkownych temow* (Rozhlad 1960, 4, 111); н.-луж.: *Šěsno, jaden na drugogo šisnjony seži w tšoch rumach znejmjeńša 70—80 luži* (M. Chr. II, 439).

Множественное число глагола-сказуемого отмечено в случае: *Nimale 100 serbskich wotpóslancow wokrjesnych sejmikow a daloko přez 1000 serbskich gmejnskich zastupnikow su žiwy dopokaz za tutu runoprawosć* (Rozhlad 1961, 4, 104).

Подлежащие, образованные определенно-количественными числительными в соединении с лексическими средствами выражения приблизительности (в.-луж.: *na, přez, něhdže, wo, po*; н.-луж.: *něži, skoro, wišej, na* и под.) и обозначающие приблизительное число, имеют при себе обычно глагол-сказуемое в форме единственного числа. Ср. в.-луж.: *W Němskej bydlu přez šesćdzesac milionow ludži* (Brězan, Pr. br., 8); *Dyž bje so minyto wo pól nócki* (Haupt 1, 5; 33); н.-луж.: *Na nich se wobželi skoro 24 000 wogłedarjow* (Pratyja 1959, 39; ср. Protyka 1959, 42); *Žož běšo mimo naju něži 25 namšarjow* (Domaškojc, 23).

Множественное число глагола-сказуемого представлено в одном случае при подлежащем, в состав которого входит числительное *четыре*. Ср.: *Až hyšći we wjele gmejnach wěcej ako styrjo jadno cysło cytaju* (M. Chr. II, 68). В другом примере множественное число сказуемого может быть обусловлено употреблением между числительным-подлежащим и глаголом-сказуемым уточняющих приложений к числительному в форме именительного падежа множественного числа: *Na sto wosobow, kněža, kněnje a kněžhy, lutne měščany, napótnichu tu žurlu a wobsědnuchu te blida* (M. Chr. II, 67).

Если подлежащее образовано словами, обозначающими неопределенное количество, типа *мало, достаточно, больше, столько, сколько*²³, глагол-сказуемое обычно выступает в форме единственного числа. Ср. в.-луж.: *O kelko so kuzła do njeho tloči* (Bart, 324); *Wuće tankow je so zblžiło* (Křjenc, 10); *Mjez tym je něšto čezitych wozow přijěło* (Křjenc, 38); *Tak zwosta na kóncu mało tych...* (Brězan, Jančowa, 16); *Rěznikow zno budže dosć* (Zejler, 50); н.-луж.: *Telik glosow za mnjo by bylo* (M. Chr. II, 257); *Hyšći wěcej golcow pšižo* (Rocha, 40); *Nas mało jo* (Witkojc, 21); *Tych běšo dosć a nadosć* (M. Chr. II, 298).

При подлежащем, образованном словом *wjele* 'много', в большей части случаев глагол-сказуемое употреблен в форме единственного числа. Ср. в.-луж.: *Wjele rjanuch pryncow a ryčerjow bě so namakalo* (Nedo, 55, 251); *Wjele lehny so do rowa* (Bart, 214); *Je jara wjele mašinow* (Brězan, Jančowa, 78); н.-луж.: *Wjele drogow ga zo do tšašnego morja* (Kosyk, I, 31); *Wjele našych nětejšnych žowcow swojů rědnu drastwu tak pšeměnijo...* (M. Chr. II, 414); *Srječ mjaseca (14. a 15. 12.) pak napada wjele snega* (Pratyja, 30).

²³ При словах типа *многие*, естественно, употребляется множественное число сказуемого. Ср.: *Mnozy běchu so derje abo hubjenje we wulkich stwach na hrodže zaměsćili* (Brězan, Jančowa, 50).

Надо сказать, однако, что в собранном материале примерно в 10% случаев при подлежащем, образованном неопределенно-количественным числительным *wjele*, сказуемое употреблено во множественном числе, причем отсутствуют какие-либо дополнительные условия, которыми можно было бы объяснить появление формы множественного числа в этих случаях. Речь, очевидно, должна идти о распространении употребления формы множественного числа сказуемого по аналогии с другими числительными. Ср. в.-луж.: *Wele ludži za nim du* (Haupt 1, 40; 69); *Wo kotruž hižo běchu wjele ryćerjow žadali* (Nedo, 55, 251); *A wjele so wjace njewróća* (Křjenc, 81); н.-луж.: *Wjele se wudachu k wojnje, a wjele tež padnuchu k wopru* (Kosyk, 61); *Žěns wjele luži droguju* (M. Chr. II, 305).

Использование формы множественного числа глагола-сказуемого при подлежащих, образованных неопределенно-количественным числительным *wjele*, числительным типа *пять*, наталкивается на некоторое сопротивление со стороны отдельных лужицких филологов. В этом отношении весьма любопытно направление изменений, вносимых редакторами современных лужицких изданий. В качестве примера можно привести избранные произведения Марианы Домашкойц, подготовленные к школьному изданию Ф. Метшком. К изданию приложен «Zapis originalnogo pisanja Marjany Domaškojcs», в котором приведены формы, выправленные редактором. В списке имеется четыре конструкции с числительными, в которых Домашкойц употребила множественное число глагола-сказуемого, а Метшк заменил его единственным:

М. Домашкойц

Ф. Метшк

<i>kotaryž šesć mužow wopšimješ njamogu</i>	124	<i>kotaryž šesć mužow wopšimješ njamožo</i>	23
<i>až su towzynt markow k wupožycenju</i>	124	<i>až jo towzynt markow k wupožycenju</i>	42
<i>wjele luži su k njomu z małymi žěšimi pšišli</i>	124	<i>wjele luži jo k njomu z małymi žěšimi pšišło</i>	19
<i>wjele swajžbarjow pšidu do jspy</i>	128	<i>wjele swajžbarjow pšizo do jspy</i>	111

Наверное, указанные исправления вытекают из концепции, объясняющей появление множественного числа сказуемого в рассматриваемых конструкциях немецким влиянием, ибо другие изменения, а также список немецких заимствований, приводимый рядом, как бы указывают на это.

Анализ способов согласования глагола-сказуемого с подлежащим, включающими количественные числительные, в сербо-

лужицких языках показывает значительную неоднородность этих способов. Отношение различных числительных к грамматическому числу в языке, сохраняющем двойственное число, не стало единым. Двойственное число явилось как бы барьером, препятствующим свободному взаимовлиянию единственного и множественного числа.

Факты влияния конструкций с множественным или с единственным числом сказуемого на конструкции с числительными *два* и *оба* немногочисленны. Двойственное число, к тому же еще связанное, употребляется в достаточной степени регулярно. При этом двойственное число строго ограничено определенными рамками и никогда не распространяется на сочетания иные, чем с числительными *два*, *оба*.

Конструкции с единственным числом сказуемого, с одной стороны, и конструкции с множественным числом сказуемого, с другой — могут влиять друг на друга. При этом выбор числа в известной мере обусловлен тем, в каком падеже, именительном или родительном, выступает существительное, сочетающееся с числительным. Так, если при числительных *три* и *четыре* существительные употреблены в форме родительного падежа множественного числа, сказуемое имеет форму единственного числа (как с числительными типа *пять*)²⁴. С другой стороны, расчлененное понимание количества, обозначаемого числительными типа *пять*, проявляющееся и в том, что в отдельных случаях эти числительные сочетаются с существительными, стоящими в именительном падеже множественного числа (т. е. как прилагательные и как числительные *три*, *четыре*), создает возможности употребления с ними глагола-сказуемого в форме множественного числа. Однако реализация этой возможности ведет к тому, что глагол-сказуемое получает форму множественного числа не только в тех случаях, когда существительное при числительном имеет именительный падеж, но и тогда, когда существительное выступает в родительном падеже. В последнем случае также допускается расчлененное понимание количества, которое и определяет выбор грамматического числа.

Распространение конструкций с множественным числом сказуемого не получило полного развития в лужицких языках. Оно связано, с одной стороны, с тенденцией к унификации грамматических свойств числительных, а с другой, — с расчлененным пониманием количества, обозначаемого числительными. Немецкое влияние, как фактор, способствовавший распространению конструкций со множественным числом глагола-сказуемого, также нельзя исключить. Роль его, однако, здесь

²⁴ В русском языке, вероятно, именно понимание формы существительного при числительных *два*, *три*, *четыре* как родительного падежа создало возможность сравнительно широкого употребления в этих случаях формы единственного числа глагола-сказуемого.

ограничивается ролью фактора побочного, действующего параллельно с основным, внутрилужицким. Как было показано выше, преувеличение роли немецкого влияния иногда приводит к искусственной замене конструкций с множественным числом глагола-сказуемого.

Унификация отношения лужицких числительных к грамматическому числу продвинулась менее далеко, чем в других славянских языках. Одной из главных причин, тормозящих эту унификацию, является сохранение двойственного числа, т. е. особого отношения числительного *два* к числу, а также сохранение деления числительных на согласуемые — *два, три, четыре* — и управляющие — *пять*. Тем не менее тенденция к грамматической унификации числительных существует и в лужицких языках, и проявляется она во взаимной замене конструкций с единственным и множественным числом глагола-сказуемого.

Может показаться, что большее распространение конструкций с множественным числом как будто не свидетельствует в пользу полной нейтрализации грамматического числа у лужицких числительных. Но возможность употребления с числительными типа *пять, много*, а в отдельных случаях и *три*, форм как единственного, так и множественного числа глагола-сказуемого нельзя расценить иначе, как проявление известной нейтрализации грамматического числа у числительных.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Nedo — Sorbische Volksmärchen. Systematische Quellenausgabe, bearbeitet von Paul Nedo. Bautzen, 1956.
- Haupt 1, 2 — Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz... herausgegeben von Leopold Haupt und Johann Ernst Schmalzer, 1. Theil. Grimma, 1841; 2. Theil, 1843. Photomech. Nachdruck. Berlin, 1953.
- Верхнелужицкие тексты
- Bart — J. Bart-Čišinski. Wubrana zběrka basni, 1951.
- Brězan, Jančowa — J. Brězan. Stara Jančowa. Budyšin, 1952.
- Brězan, Pr. br. — J. Brězan. Prenja brozda. Budyšin, 1951.
- Krjenc — K. Krjenc. Jan. Budyšin, 1955.
- Protyka — Serbska protyka na lěto 1959, Budyšin.
- Rozhlad 1960, 1961 — Rozhlad, časopis za serbsku kulturu, 1960, 1961.
- Wjela — J. Radyserb Wjela. Přisłowa a přisłowne hrónčka a wusłowa hornjołužiskich serbow. Budyšin, 1902.
- Zejler — Handrija Zejlera zhromadžene spisy, štworty zwjazk. Budyšin, 1891.

Нижнелужицкие тексты

- Domaškojc — M. Domaškojc. Wubrane spise. Berlin, 1956.
Kosyk — M. Kosyk. Serbska swajźba w błotach. Berlin, 1955.
M. Chr. 1, 2 — [dr. F. Mětšk] Chrestomatija dolnoserbskego pis-
mowstwa, I. zwězk. Berlin, 1956; II. zwězk, 1957.
M. Bajk: — [zestajał dr. F. Mětšk] Naša rědna bajkota do-
mownja. Berlin, 1955.
Pratyja — Serbska pratyja za dolnych serbow na lěto 1959. Bu-
dyšin.
Rocha — F. Rocha. Pěsni, wulicowańka a godanja. Berlin,
1955.
Witkojc — M. Witkojc. K. swětłu a slyncu. Berlin, 1955.

О. Н. ТРУБАЧЕВ

О ПРАСЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТИЗМАХ СЕРБО-ЛУЖИЦКИХ ЯЗЫКОВ

Как известно, правильное суждение о диалектизмах складывается на основе возможно полного представления о распределении функционально близких элементов (фонетических, морфологических, синтаксических, семантических, лексических) во всей языковой области. Но если в условиях синхронной диалектологии упомянутое распределение доступно непосредственному наблюдению, то отрасль языкознания, занимающаяся выяснением аналогичных вопросов для праязыкового состояния, лишена этого важного преимущества. Здесь, прежде чем обратиться к выявлению элементов ограниченного распространения, требуется еще воссоздать общезыковую картину, составить инвентарь элементов, характеризующихся — с большей или меньшей степенью вероятности — как общие для всех диалектов данной языковой области этого периода времени. Совершенно очевидно, сколь велики трудности при решении этой задачи и как мала возможность получить однозначный ответ на вопрос о характере, по-видимому, большого числа элементов. Однако и такая оценка возможностей выявления ранних диалектизмов, например в лексике, не может заставить отказаться от поисков. Кроме того, думается, что и сейчас можно, опираясь на доступные материалы, сделать определенные шаги, направленные на решение в будущем (на основе систематического обзора) всей этой проблемы в целом.

Таким образом, проблема праславянских лексических диалектизмов входит в более общую проблему состава праславянского словаря и предполагает, по меньшей мере, две операции: 1) реконструкцию праславянского словаря в целом и 2) выделение праславянских словарных диалектизмов и регионализмов¹.

¹ Необходимость в терминологических разъяснениях, по-видимому, отсутствует, так как здесь употребляются только термины, достаточно

Разумеется, в этой статье едва ли можно даже ставить вопрос о составе праславянского словаря в совокупности. Подойти вплотную [к этому вопросу, как и к проблеме диалектизмов в рамках всего праславянского словаря, можно будет лишь по мере специального изучения словарных материалов по всем славянским языкам в плане реконструкции их собственных праславянских состояний. За этим должно последовать сведение полученных результатов с одновременным выявлением более или менее общего праславянского лексического пласта, а также праславянских слов, ограниченных частью диалектов, с возможно четким указанием ареала. Эта работа предусматривает полное использование доступных исторических и словообразовательно-этимологических критериев, особенно при определении древних лексических диалектизмов, для установления которых решающее значение имеют внеславянские этимологически близкие формы. В результате сформулируются, по-видимому, насколько можно судить сейчас по неполным и предварительным данным, достаточно ответственные выводы о действительной сложности состава праславянского словаря, в пользу чего говорит, с одной стороны, вероятная древность названных выше праславянских лексических диалектизмов, не сводимых обычно к более простому состоянию на материале славянских языков, и, с другой — значительное их количество.

Работа по этим проблемам находится еще в начальной стадии, и было бы нецелесообразно предвосхищать ее окончательные выводы. Но отдельные наблюдения могут быть высказаны уже сейчас, хотя бы с целью их проверки и существенных уточнений в последующем. Так, целесообразно отметить тот факт, что древние лексические диалектизмы (я не спешу сказать «изоглоссы», потому что для последних допускают нередко происхождение в порядке совместной инновации, чего мы в нашем случае не вправе предполагать обязательно) очень часто не укладываются в рамки известных исторически классификационных отношений славянских языков. Правда, с другой стороны, сейчас трудно судить о том, какие другие, раннеславянские диалектные отношения отражают эти лексические диалектизмы. Может быть, систематические наблюдения над всем материалом (а не над отдельными случаями) позволят составить в будущем более определенные суждения и по этому вопросу.

Пока можно в рабочем порядке высказать мнение, что случаи, когда очевидный праславянский лексический диалектизм

оправдавшие себя и общепринятые в лингвистической традиции. Под праславянским здесь понимается скорее язык последнего периода его существования, как более доступный изучению имеющимися средствами. Это не означает, разумеется, позднего появления праславянских диалектизмов.

известен лишь части диалектов одного современного славянского языка или же охватывает часть диалектов одного языка и какую-то часть другого, должны рассматриваться как потенциально архаические, в то время как совпадение ареалов аналогичных праславянских диалектизмов с областью современного славянского языка могло явиться инновацией, экспансией данного слова на территории ранее его не знавших диалектов. Сложность картины довершает возможная с течением времени редукция первоначальных ареалов лексических диалектизмов. Как бы то ни было, ясно одно: было бы наивно употреблять, не отдавая себе отчета в их недостаточности и условности, такие понятия, как «праславянские лексические диалектизмы русского», «праславянские лексические диалектизмы западнославянских, лехитских языков», даже такое, казалось бы, локально узкое понятие, как «праславянские лексические диалектизмы лужицких языков» (о чем — ниже).

Что касается упомянутого выше значительного количества праславянских лексических диалектизмов, то пока известное представление о нем дает, например, тот факт, что только для русского языка (с распространением иногда на другие восточнославянские или уже — в части русских диалектов, ср. сказанное выше) можно назвать уже на основании этимологической разработки, представленной у Фасмера, свыше 60 праславянских лексических диалектизмов. Есть все основания полагать, что аналогичные сведения о наличии таких элементов даст проверка по каждому из славянских языков.

Ведя поиски в этих направлениях, мы все более и более убеждаемся в упрощенности обычных представлений о праславянском словаре, в полной пока еще невыясненности в нем диалектных черт, вопрос о которых по сути дела и не ставился, если не считать обратного тезиса более общего характера о первоначальной однородности праславянского языка с вторичным оформлением в нем диалектных черт и групп. Вряд ли нас может удовлетворить это положение. Опираясь на него, мы просто будем не в силах правдоподобно и просто объяснить такую реальную величину, как ранние лексические диалектизмы праславянских диалектов. Предположение заимствования в любом из этих случаев гораздо менее вероятно ввиду неясных мотивов заимствования, а также неизбежной сложности и искусственности комбинаций (ср. четкое указание фонетико-морфологических критериев на исконность слова в славянском, древнее отсутствие ареальной смежности у праславянского лексического диалектизма и его внеславянского соответствия и др.). Более правильно методологически и более плодотворно в нашем случае будет допущение конвергентных тенденций в протославянских и праславянских диалектах. В этом смысле древние лексические диалектизмы, сохранившиеся до нашего времени, приобретают

особую ценность как показатели отношений, во многом сглаженных позднейшими конвергенциями.

Предлагая в настоящей статье замечания о праславянских лексических диалектизмах² сербо-лужицкого, мы не претендуем на исчерпывающее освещение всего относящегося сюда материала. Более полные заключения откладываются до того момента, когда будет закончена работа по реконструкции праславянского словника в равной мере для нижнелужицкого и для верхнелужицкого языков. Систематическая работа в этом плане в основном проведена в настоящий момент только для нижнелужицкого, из верхнелужицкого привлекаются лишь отдельные слова. Избранная последовательность отнюдь не означает предпочтения материала одного из этих языков, просто работу по описанной проблематике над словарем этой группы языков было удобнее начать с более современного и надежного нижнелужицкого словаря Муки³, обширно привлекающего диалекты и старую письменность, инославянские соответствия и представляющего вместе с монументальной сравнительно-исторической грамматикой того же автора⁴ хорошую базу для изучения словаря нижнелужицкого языка.

Реконструкция праславянского словника языка предполагает как первый этап снятие всех новых (в широком смысле)

² (Праславянский) лексический диалектизм, или диалектную лексему, можно понимать в общем достаточно широко, с допущением на правах самостоятельных слов лексикализации словообразовательных и семантических актов; как пример последнего можно указать луж. *blido* 'стол', которое позволяет предположить праслав. диал. **bl'udo* 'стол', более полно соответствующее герм. **biuda*, откуда оно заимствовано, и праслав. **bl'udo* 'блюдо, поднос' в остальных диалектах. В остальном же методику изучения праславянских лексических диалектизмов должна отличать важность определения и характеристики корневой морфемы, в частности ее этимологических индоевропейских связей. Словообразовательное оформление, разумеется, здесь также важно, но преимущественный объект характеристики этой последней — скорее общие элементы праславянского словаря, реконструируемого в связи с этим с максимальной доступной словообразовательной конкретностью. Все эти вопросы, а также проблема индоевропейских параллелей словообразования в той части, в которой она покрывается для лужицкого с праславянским материалом других славянских языков, естественно, не нашли отражения в данной работе.

³ Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка, вып. I. Пг., 1921; E. Muka. Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow, II. Praha, 1928 (в дальнейшем — Muka I, II).

⁴ K. E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, Leipzig, 1891 (в дальнейшем — Mucke L. — u. Formenl.).

Верхнелужицкая лексика представлена, кроме целого ряда более новых небольших словарей, главным образом старым обширным словарем Пфуля: Pfuhl. Lausitzisch — wendisches Wörterbuch. Budissin, 1866, (в дальнейшем — Pfuhl), ценность которого снижают воарожденческие опыты автора, черпавшего отсутствующие формы из чешского.

заимствований. Для лужицких языков это будут в первую очередь немецкие заимствования, в общем легко выделяемые по своим признакам. При изучении этого вопроса в нижнелужицком полезно привлечь монографию Бильфельда, посвященную заимствованиям из немецкого в верхнелужицком⁵. Названная книга содержит почти целиком выявление лексических германизмов. Но влияние немецкого отложилось в еще более завуалированной форме во множестве разнообразных кальк, которые также должны быть сняты при реконструкции праславянского состава лексики. Вот ряд примеров этого рода в нижнелужицком: *gnilc*, *gnilej*, *gnilica* = нем. *Faulpelz*; *górejbraś* = *aufnehmen*; *hobejś* = *begehen*; *hobrukowaś* = *umarmen*; *hulět* = *Ausflug*; *domk hyś* = *heimgehen*; *kórabja|je* = *Gerippe*; *wótetdgaś* = *ableugnen*; *tožiś* = *schiffen*; *lagniśčo* = *Lager*; *lubej* = *lieber* (*skeřej a lubej* — *je eher je lieber*); *psemoc* = *vermögen*; *wótmysłis* = *beabsichtigen*; *pótšawk* = *Nachheu*; *psyki* < **spiki*, pl. = *Schläfe* 'висок'; *pšewinuś* = *überwinden*; *pšimé* = *Beiname, Zuname*; *rownos* = *obgleich*.

Далее, снимаются все случаи местной словообразовательной инновации на основе исконных элементов, как, например, н.-луж. *gryzda* — контаминация н.-луж. *huzda* 'узда' и *gryzaś* 'грызть, кусать' (возможно, не без влияния нем. *Gebiss, Pferdegebiss* 'узда, удила': *beissen* 'кусать'), *mawchaś* < *mawaś* × *machas* (Мукa I, 869). Выделению подлежат также слова, построенные по моделям, вступившим в пору особой продуктивности только в период обособленного развития лужицкого, в частности образования на *-awa* — н.-луж.: *dudawa*, *dudlawa*, *dujawa*, *dybawa*, *gjabatawa*, *gjargawa*, *glugotawa*, *grajkawa*, *grakawa*, *grėbawa*, *hobwertawa*, *hokawa*, *hopuśawa*, *hośepawa*, *humrawa*, *chřapawa*, *chřochawa*, *chychawka*, *klampawa*, *klekotawa*, *klinkawa*, *kóncawa*, *kopawa*, *kóśawa*, *kóźawa*, *krokawa*, *kšutawa* и др.⁶

Основное же ядро исконно славянских слов, в том числе все вероятно ранние префиксально-суффиксальные производные (причем не последнюю роль играет установление тождественных образований по другим славянским языкам, а для глагольных производных решающее значение приобретает критерий четкой лексикализации), войдут в реконструируемый праславянский словник для данного языка. Получаемый нами в ходе такой работы праславянский словник, разумеется, — не точное воссоздание первоначального состава, но скорее отражение потен-

⁵ Н. Н. Bielfeldt. Die deutschen Lehnwörter im Obersorbischen. — «Veröff. des Slav. Instituts an der Univ. Berlin» 8, Leipzig, 1933 (далее — Bielfeldt).

⁶ Ср. Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, т. I. Пг., 1915, стр. 76 и след., где среди «производительных» суффиксов местного диалекта упоминается *-av-* (ж. р.); *rod-av-a*, *klipkotawa*.

ций праславянского словаря, особенно в отношении производных форм и сугубо словообразовательных категорий⁷.

Поэтому не должно казаться удивительным, что получаемый таким образом праславянский словник для нижнелужицкого составит не менее 4500 слов (примерно 10% слов из словаря Муки). Различие между фрагментарно излагаемым здесь методом и методом, представленным в работах Т. Лер-Сплавинского и Т. Орлос⁸, заключается не только в количестве слов — оба названных автора выделяют примерно 1700 праславянских слов соответственно в польском и чешском, — но также в вопросах методического и методологического характера. Здесь ставится вопрос о реконструкции праславянского словника для всего известного лексического запаса языка, в то же время как упомянутые ученые преследовали цель установления праславянского элемента в словаре современного языка главным образом «warstw wykształconych». Далее, почти единственным критерием праславянского характера того или иного образования в работах Лер-Сплавинского и его учеников служит наличие надежных соответствий в других славянских языках. Мы же в соответствии с изложенным выше считаем принципиально важным допущение значительного числа праславянских лексических и словообразовательных диалектизмов, в отношении которых применение названного критерия было бы ошибкой. Разумеется, предполагаемый подход тоже не гарантирует от ошибок, но это еще не означает порочности основного тезиса, который можно было бы сформулировать предварительно так: автономность праславянских состояний лексики славянских диалектов.

Ниже мы разбираем ряд образований преимущественно непроизводного характера, для которых решающим является этимологический анализ. Но, помимо этого, приводятся также примеры внешне прозрачной производной словообразовательной модели, которую мы относим к праславянскому, несмотря на сомнительность инославянских соответствий.

Н.-луж. *bagi*, мн. ч., 'болота', представлено также в топонимии (Мука I, 9), для верхнелужицкого Пфуль не отмечает этого слова. Форма *bagi* представляет собой, как это указывает и Мука (там же), множественное число от незасвидетельствован-

⁷ Более систематически эти соображения и аргументация, на которой здесь нет возможности останавливаться, будут изложены в специальных работах.

⁸ T. Lehr-Splawinski. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie polskim. — «Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby», t. II, Kraków, 1938, стр. 469 и след. То же перепечатано в его «Rozprawę i szkice z dziejów kultury Słowian». Warszawa, 1954, стр. 138 и след. Его же. Польский язык. М., 1954, стр. 63 и след. Teresa Z. Orłos. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie czeskim. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 3. Warszawa, 1958, стр. 267 и след.

ного **bāg*. Собственно говоря, не оставляет сомнений связь нижнелужицкого слова с праслав. **bagno*, **bagnъ*, представленными в ряде славянских языков, прежде всего — н.-луж. *bagno* 'болото'; *bagan* (**bagnъ*) 'der Quellensumpf, болото при ключе' (Мука I, 9, 10); в.-луж. *bahno* 'болото, ил' (Pfuhl, 4), польск. *bagno*, чеш. *bahno*, словц. *bahno* 'болото, грязь', укр. *багно* 'болото, топь, глубокая грязь', русск. диал. *багно́*. Ценность н.-луж. *bagi* состоит в том, что оно свидетельствует о возможности праслав. диал. **bagъ* — формы, производной по отношению к праслав. **bagnъ*, **bagno*. Это дает основание расценивать последнее как вторично оформленное уже в славянском, откуда малая вероятность архаического чередования гетероклитического типа *-r/n-*⁹, при котором второй член пары (на *-r-*) указывается либо в славянских языках, не знающих **bagno*, либо вообще за пределами славянского. К тому же ст.-сл. *bagrъ* πορφύρα, указываемое в связи с **bagn-*, скорее всего заимствовано из тюркских¹⁰. Таким образом, вероятная реальность праслав. **bagъ* (н.-луж.), позволяет с большим правом применить к нему старое сближение **bagno* с др.-в.-нем. *bah*, нем. *Vach*. 'ручей'^{10a}; с исходной для всех основой **beg-*/**bog-*, причем в праслав. **bagъ* могло быть представлено вторичное удлинение именного вокализма *-o-*, знаменующее собой новый словообразовательный акт. Интересно (для связи с **beg-* 'бежать') значение н.-луж. *bagan* (**bagnъ*) 'болото при ключе'.

beno, н.-луж. 'желудок, брюхо, пузо (у скота)' /Мука, I, 30/, в верхнелужицком не отмечено (Pfuhl). Вполне возможно, что мы здесь имеем отражение праслав. диал. **bъdno* 'дно, низ', единственно близкого соответствия целому ряду индоевропейских названий дна, группирующихся вокруг и.-е. **bhudhno-* и близких форм: др.-инд. *budhnā-*, лат. *fundus*, греч. ποδμήν (иное словообразовательное оформление), прагерм. **biþma-*, откуда др.-в.-н. *bodam*, нем. *Boden*, нидерл. *bodem*, др.-исл. *botn*, ирл. *bond*.¹¹

⁹ См. А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków, 2 wyd., 1957, стр. 11 (далее в тексте — Brückner); F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I, zesz. I. Kraków, 1952, стр. 25 (далее — Sławski).

¹⁰ К. Н. Menges. Schwierige slavisch-orientalische Lehnbeziehungen. UAJB, Jg. 31. Wiesbaden, 1959, стр. 177—178.

^{10a} А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910, стр. 11, там же прочая литература (далее — Преобр.); М. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Heidelberg, 1953, стр. 36 (далее — Vasmer). О германском слове см.: F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 17. Aufl., Berlin, 1957, стр. 43 (далее — Kluge); Franck—N. Van Wijk. Etymologisch Woordenboek der nederlandse Taal. 's-Gravenhage, 1949, стр. 39—40 (далее — Franck—Van Wijk).

¹¹ Kluge 88, Franck—Van Wijk 39—40, E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, 4 éd., Heidelberg, 1950, стр. 825—826 (далее — Boisacq); A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch,

Ничто не мешает принятию мысли о связи праслав. **bъdno* с праслав. **dъbno* 'дно', которое представлено во всех славянских, в том числе и в н.-луж. *dno* 'дно', а также *deno* 'пузо, брюхо, желудок (у скота)' (Muka I, 163, 173), последнее — в том же специальном значении, что и *beno* (см. выше). Праслав. **dъbno* имеет, в свою очередь, внешние соответствия в балтийском (лит. *dugnas* 'дно', лтш. *dibens, dubens*), кельтских (галльск. *dubno* 'мир', кимр. *dwjn* 'глубокий'), группирующиеся вокруг и.-е. **dheubh-/*dhubbh-* 'глубокий, делать глубоким'. Обе группы названий, очевидно, связаны отношениями метатезы, однако у нас нет точных указаний, произошла ли она между **bъdno* и **dъbno* или значительно ранее — на уровне **bhudhno-: *dhubbhno-*. Предполагались оба возможных направления метатезы^{11а}; допустимо видеть в упомянутом отношении к **dheubhos, *dhubbhos* 'глубокий' вторичное осмысление, охватившее к тому же лишь часть языков. Но в данном случае для нас это имеет второстепенное значение, важно было обратить внимание на ценный старый диалектизм в нижнелужицком, не привлекавшийся до этого в этимологической литературе.

blurasъ, н.-луж., 'hingiesen eine Flüssigkeit, dass sie auseinander stiebt'; von Vögeln (z. B. Gänsen) die Exkremente ausspritzen, нагадить' (Muka I, 53), верхнелужицкого соответствия Пфуль не указывает. Точно так же не находим близких слов в других славянских. Этимологизации это слово не подвергалось, если не считать ремарки Муки (там же): *Vb. ... on-* («звуконеподражательный глагол») ... vgl. *plurasъ* «verspritzen». В любом случае это не говорит еще о возрасте слова, а вторая форма могла быть вызвана поздними сближениями. Интересно отметить совершенно точное соответствие н.-луж. *blurasъ* и его значению в лит. *biauróti* 'гадить, загадить'¹², например, *musės aribiaurojo lempa* 'мухи загадили лампу' (Dab. žod.). Н.-луж. *blurasъ* продолжает праслав. диал. **bl'urati* < **bjouratei*, которое тождественно форме, лежащей в основе прибалт. диал. **bjauratei* > лит. *biauróti*, сюда же лит. *biaurùs* 'гадкий' и родственные. Оба соответствия обнаруживают одинаковое расширение -г-корня, который мы находим в праслав. **bl'ujo, *bl'vati*. Полезно отметить, что этимология н.-луж. *blurasъ*, праслав. *bl'urati*, предложенная здесь, одновременно является этимологией литовского

2. Aufl., Heidelberg, 1910, стр. 325 (далее — Walde); J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I, Lief. 2, Bern, 1951, стр. 174 (далее — Pokorny).

^{11а} См. Преобр. I, 186; V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 90 (далее — Machek); Brückner, 91; Sławski, 150; J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 103 (далее — Holub — Kopečný).

¹² См. «Dabartinės lietuvių, kalbos žodynas». Vilnius, 1954, стр. 78 (далее — Dab žod.); M. Niedermann, A. Senn, F. Brender. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, Bd. I. Heidelberg, 1932, стр. 81.

слова *biaurūs* и родственных ('гадкий' < *'плевый' и 'гадить, брызгать' < 'плевать, блевать'), по-видимому единственно приемлемой из выдвигающихся, ср. старое сближение балтийских слов со слав. **buřa*, русск. *буря* или — с др.-русск. *бърние*¹³.

drastwa н.-луж., *drasta* стар. и диал., 'одежда, платье' (Мука I, 198), в.-луж. *drasta* 'то же' (Pfuhl 159) представляют, по-видимому, старое местное суффиксальное производное от глагольной основы **der-* в ступени редукции (**dr-a-*); ср. попытку объяснить лужицкие слова из **drap-ta*: Holub — Корецнѹ, 106, где проводится разграничение между этой формой и **dras-*, **drask-*. Махек (94) считает эти слова неясными. Точные соответствия форме **drasta*, включая характерное значение 'одежда', за пределами сербо-лужицкого скорее сомнительны.

gnybař, н.-луж. 'грызть' (Мука I, 287) не находит соответствия уже в верхнелужицком (Pfuhl), а также как будто в других славянских. Это слово могло бы быть объяснено из праслав. диал. *gnybati*, которое продолжает и.-е. **g(h)nũbh-*, **gneubh-*, наряду с **ghneŭ-* и близкими в других диалектах, ср. н.-нем. *knuffen* 'толкать' и др., отражающие вторичные оформления и диссимилиацию первоначальных придыхательных, далее — греч. $\chi\alpha\beta\omega$ 'грызу'.

gręba, н.-луж. 'die Schwadenzelle, der Schwaden beim Mähen von Getreide und Heu, горстка хлеба или сена, образовавшаяся одним ударом косца'; 'der Mittelrücken auf dem Acker, der Hügelrücken' (Мука I, 317—318), сюда же в.-луж. диал. *hrjaba* (Мука, там же, Pfuhl 1070). Из праслав. диал. **gręba*, которое продолжает и.-е. **g(h)rembh-/g(h)rombh-*, откуда нем. *Krampf* 'судорога', *krumm* 'кривой' ... (Kluge 413, Pokorny I, 387). Прочие славянские знают только функционально близкое **gręda*, иное расширение той же основы в индоевропейском. Ср., впрочем, ст.-польск. *grzęba*, польск. диал. *gręba* 'возвышенность, холм, гряда, межа', о котором см. Sławski: 370: «*rewnych odprawiedników słow. brak*».

grud 'тошнота, отвращение', *gruda* (то же), *grudać se* 'чувствовать отвращение', *grudny* 'страшный, отвратительный, грустный' — все нижнелужицкие диалектные слова (Мука I, 336), в.-луж. диал. *grudać so* 'sich ekeln' (Pfuhl 193), сюда же в.-луж. *zrudny* 'traurig, betrübt' (Pfuhl 1029). Последнее слово встречается множество раз в издании L. Haupt und J. E. Schmaleger. *Volkslieder der Wenden in der Ober- und Niederlausitz*, I. Teil. Grimma, 1841. Эти слова представляется возможным объяснить из праслав. диал. **grudъ/*gruda*, **grudnъtъjъ*, **srgrudъnъtъjъ* (тематическое глагольное образование *grudać se*, возможно, поздняя инновация и на этом основании может быть опущено

¹³ См. сводку: E. Fraenkel. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, Lief. 1. Heidelberg — Göttingen, 1955, стр. 42—43 (далее — Fraenkel).

при реконструкции праславянского состава). Думаю, что неправ Мука (II, 1113), объясняя *zrudny* из **vъzrydъnъ*. Еще менее прав Бильфельдт, который видит в *grudač so* заимствование из н.-нем. *he grād sik 'er graut sich'* (Bielfeldt 300), тем более что известно в.-луж. *grawować so < sich grauen* (Bielfeldt 136). Напротив, хорошие соответствия по форме и значениям находим в литовском, причем важно отметить полное тождество праслав. диал. **gruda* (н.-луж. *gruda* 'тошнота, отвращение'): лит. *graudà* 'грусть, печаль' (Dab. žod. 266). Далее, в какой-то мере покрываются слова н.-луж. *grudny* 'страшный, отвратительный, грустный' (праслав. **grudъnъjъ*) и лит. *graudingas* 'жалобный, тоскливый, грустный' (Dab. žod. 226), включая тождественное префиксальное оформление: луж. *zrudny* (**sъgrudъnъjъ*) лит. *su-si-graudenti* 'растрогаться, огорчиться'. Перед нами очевидная параллель между частью праславянских и частью прабалтийских диалектов. Русск. *грусть* (см. Vasmer I, 313) говорит о самостоятельном прасл. **grustъ < *grud-ti*, а сербохорв. *gъcm* (ж. р.) 'отвращение (к еде)' < праслав. диал. **grъstъ < *grūd-ti* отлично и по вокализму и по словообразованию.

jaduš, н.-луж., 'одышка, удушье' (Мука I, 524), сюда же — вторичные образования на базе этого слова *jadušys* 'душить', *jadušywy* 'kurzatmig, engbrüstig; asthmatisch' (Мука, там же), а также в.-луж. диал. *jadušywy*, отмечаемое для одного диалекта Хойерсверда и Мукой и Пфулем (Pfuhl 229). В остальном это типично нижнелужицкое образование отсутствует в верхнелужицком, где в его роли выступает основной эквивалент *zadušywy*. Это последнее сложение с префиксом *za-* абсолютно господствует также во всех остальных славянских языках (*za-dux-*, *za-duš-*, *za-dyš-*). В то же время на части восточнославянской территории, главным образом в украинском, находим, наряду с *za-dux-š-*, близкое нижнелужицкому *jadъxa* 'удушье'¹⁴. Таким образом, в двух изолированных районах современной славянской территории продолжают существовать отражения праслав. диал. **jadušъ* (н.-луж.), **jaduxa* (укр.), которые представляют собой образования с характерной приставкой *ja-*, трудно определенной функционально и, по-видимому, никогда не отличавшейся продуктивностью (см. Vasmer III: *ядуха*, а также *ябреть*, *явоть*).

jašk, н.-луж., диал., 'отверстие верши или рыбацкого кузова, (Мука I, 535—536), для верхнелужицкого у Пфуля не приводится. Догадка Муки (там же: из ст.-слав. **jaštъkъ*, русск. *ящик?*) неудачна. Правильную этимологию н.-луж. *jašk* (закономерно полученного из **jašk*) указал Махек (Machek 177), связав его с чеш. *jeskyně*, словц. *jaskyňa*, польск. *jaskinia*

¹⁴ См., вслед за Желеховским, В. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, т. IV. Киев, 1909 (фотографич. воспроизведение — 1959), стр. 536 (далее — Гринч.).

‘пещера’, производными от той же исходной основы с суффиксом *-yni*. Собственно говоря, н.-луж. *jašk* тождественно слвц. *jask*, но последнее представляет собой, очевидно, обратное образование от *jaskyňa*, неологизм культурного языка (см. Machek 177, Sławski 512) со специальным значением ‘туннель’¹⁵. Таким образом, н.-луж. *jašk* — рыбачий термин — остается единственным отражением непроизводного праслав. диал. **jaskъ* ‘определенное отверстие’.

jěсны, н.-луж., ‘быстрый, скорый; ранний’ (Мука I, 547), только нижнелужицкое, чисто условно включаемое в верхнелужицкий словарь Пфулем (Pfuhl 238): *jesno* ‘schnell, spěšnje, khětře’. Мука (там же) возводит его к **jěsnъ*, сравнивая со ст.-слав. *ježdrъ*, *jedrъ* ‘citius’ словен. *jadern* ‘быстрый’ польск. *jędrzny* ‘зернистый, ядреный’, в.-луж. *jadrny* ‘кремнистый, каменный’. Эта этимология и праформа **jed-s-o-*, вытекающая отсюда, не кажутся мне убедительными. С другой стороны, нужно обратить внимание на одно весьма характерное название — «быстрый», представленное главным образом в словацком языке в остаточном виде: слвц. *jastrit’* ‘пристально глядеть’ (Isačenko I, 248). Мы относимся очень сочувственно к попытке конструировать на базе последнего слова праслав. **astrъ* (Sławski 518), только лишь подчеркивая особо диалектный характер этого праславянского слова, возводимого Славским (там же) к и.-е. диал. **ōk-ro-* ср. **ōku-s* в греч. *ὄχος* ‘быстрый’. В отношении н.-луж. *jěсны* ‘быстрый’ вполне допустимо говорить о праслав. диал. **(j)asnъ II* ‘ясный’ из **ěskno-?*) из **asno-* < и.-е. диал. **ōk-no-*.

jurica, н.-луж. ‘das Queckengras, пырейник, *Triticum repens* L.’, *jurik* (то же) (Мука I, 558), отсутствует у Пфуля. Происхождение этого исключительно нижнелужицкого слова представляется не вполне ясным. То же самое растение *Triticum repens* носит название, широко распространенное в славянских языках: **pyrъ*, **pyrъjъ*, **pyrъje*, ср. н.-луж. *pyř*, *pyřo*, возможно, также **pyrica* (ср. местное название *Pyritz* в Восточной Германии, Vasmer II, 474, вслед за Мукой), с которым однозначное н.-луж. *jurica* образует рифмованную пару. Может быть, это дает нам некоторое основание анализировать праслав. диал. **jurica*, **jurъ* как **ju-r-* с оформлением под влиянием **pyr-* основы **eu-* старого названия хлебных злаков, известного в ряде индоевропейских диалектов, ср. лит. *javai*, греч. *ζειαί*. В славянской языковой области эта основа представлена очень слабо, ср. **jevъna*, **jevъnъ*, русск. *овин*. Подобно слову *пырей*, **pyrъ* — в данном случае в н.-луж. *jurica* — деградация названия и реалии от

¹⁵ См. А. В. Исаченко. Slovensko — ruský prekladový slovník, diel I. Bratislava, 1950, стр. 247 (далее — Isačenko).

съедобного хлебного растения к сорняку кажется совершенно нормальной.

kastweĵ, *kastwja*, н.-луж., 'das Schilf, осока, лесной ситник, *Phragmites communis*' (Muka I, 580), также *kastwě*, ср. р. собир. Для верхнелужицкого приводит Пфуль (Pfuhl 1075) только *kastwja* 'Schilfgras, Futterschilf' на правах нижнелужицкого элемента. Это, по-видимому, старое слово как будто не служило предметом этимологического анализа. В словаре Бернекера оно пропущено. Объяснение его из каких-либо других славянских форм пока трудно подкрепить убедительными аргументами. Затруднительно и определение первоначальной формы слова. Внешние признаки современного н.-луж. *kastweĵ*, род. *kastwě* (ж. р.) как будто говорят в пользу реконструкции **kasty*, род. **kastъve*, с вторичным обобщением основы косвенных падежей. Дальнейшие связи неясны; быть может, это праславянское диалектное слово родственно праслав. **kosa*, **česati*, ср. особенно с зубным расширением основы: др.-инд. *śastrām* 'острое орудие, нож', лат. *castrō* 'вырезаю, кастрирую'. С другой стороны, следует иметь в виду возможность родства праслав. диал. **kasty*/ъve с лит. *kōkštas*/*kūokštas* 'пук, куст' с исходным **kōusto-*, сюда же русск. *куст* (праслав. диал. **kustъ*).

kšida, н.-луж., 'das Sieb, сито', в.-луж. — *křida* (то же) (Muka I, 727, Pfuhl 285) представляет собой классический пример совершенно четко выделяемого праславянского лексического диалектизма **křida*, располагающего надежными соответствиями за пределами славянского: лат. *cribrum* 'сито', англосакс. *hridder* (то же), — как определил уже Мука (Mucke L.- u. Formentl. 221). Этимология принята Бернекером (Berneker I, 635)¹⁶ и нельзя не пожалеть, что сам Мука позднее изменил свое мнение, усмотрев здесь обратное заимствование из нем. провинц. *Schied* 'низкая корзина' — из слав. *sito* (Muka I, 727), в чем мы за ним не последуем. Что касается деталей отношений праславянского и других индоевропейских слов, то **křida* (ж. р.): лат. *cribrum* (**křidhro-*), др.-ирл. *criathar* (**křitro-*), др.-в.-нем. *hrittara* (**křitro-?* **křidhro-?*), как праслав. **stado*: праслав. **stadlo*, лат. *stabulum* (**stadhlo-m*).

kšud, н.-луж., 'бич, плеть', диал. и стар. *křud* 'бич, кнут', 'мучение, пытка' (Muka I, 702, 732), откуда *kšuziš* 'бичевать, бить кнутом' (Muka I, 732), в.-луж. *křud* 'Peitsche', *křjud* 'Geißel, Peitsche; Plage' (Pfuhl 289, 292). Это слово служит нам основой для реконструкции праслав. диал. *křudъ* (куда также полаб. *chräud*, *chriaud* 'бич'), которое можно было бы сравнить с прагерм. **hriuda*, откуда нем. *Riet*, *Ried*, *Riedgras* 'осока'. Прагерм. **hriuda*/**hriuþa* продолжает и.-е. **kreud-*/**kreat-*

¹⁶ E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. 1908 ■ след. (далее — Berneker).

‘махать, качать’ (см. Kluge 616). Миклошич¹⁷ приводит *krjudǔ* без объяснения. Сложность состоит в том, что для этого слова предполагается заимствование из стар. нем. *crude* ‘мучение’, *cruden* ‘мучить, притеснять’ (Berneker I, 635, Bielfeldt 173—174), ср., однако, типично лужицкую мягкость *r* в сочетании *kr-*.

mil, *wódna mil*, н.-луж., ‘das Pfeilkraut, стрелололист. *Sagittaria sagittifolia* L.; der Froschlöffel oder Wasserwegerich водяной попутник, шильник, *Alisma plantago aquatica* L.’ (Muka I, 901)¹⁸, в.-луж. *mil*, *wódna mil* ‘Pfeilkraut’ (Pfuhl 1087), по мнению Бильфельдта (Bielfeldt 197), заимствовано из вост.-ср.-нем. *mil* ‘Milbe, клещ’: «Ботаническое значение, возможно, основывается на смешении маленького водного растения с маленьким водяным животным». Но стрелололист не такое уж маленькое растение, и упоминаемое сходство его с маленьким водяным животным весьма сомнительно. Напротив, бросается в глаза прямизна стебля и стреловидность листьев, отраженная и в научном латинском термине *Sagittaria sagittifolia*. Мысль о заимствовании из соседних немецких диалектов теряет вероятность, особенно если обратить внимание на очень близкое формально и семантически название растения в блр. *ми́ца* ‘камыш *Scirpus* L.; тросточка’¹⁹. Характерные элементы полисемичности значений как лужицкого, так и белорусского названий растений как будто не позволяют видеть в них научные термины, а распространение только в двух ограниченных и не связанных друг с другом территориально районах дает возможность предположить здесь старый праславянский диалектизм **milь*, **milica*, который мы объяснили бы (с учетом реалий) из и.-е. *(s)meil-/*(s)mil- ‘острый, остроконечный’, ср. лит. *smailùs* с этим значением и некоторым отличием вокализма, лтш. *smaille* ‘острие’, *smails smeils* ‘острый, клинообразный’ (см. о балтийских словах Fraenkel, Lief, II, 839).

muris, н.-луж., ‘мутить, омрачать; тревожить’ (Muka I, 947—948), из верхнелужицкого нам неизвестно. Судя по префиксальным сложениям вроде *pódmuris*, *zmuris* (последнее — в значении ‘затемнить, очернить; запутать’; -*se* ‘почернеть’), слово *muris* может продолжать **muriti*. Это последнее на правах праславянского лексического диалектизма сопоставимо за пределами славянского с греч. *αμαρός* ‘темный, неясный’, *μαῖρος* ‘то же’. Слав. **muriti* носит внешне небольшое и вместе с тем достаточно четкое отличие от представленного в прочих славянских языках **smur-*, **zmuriti* (с экспрессивным началом слова),

¹⁷ F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886, стр. 141 (далее — Miklosich).

¹⁸ См. еще М. Мóн. *Dóbnoserbske rostlinske imeña*, — ČMS («Časopis Maćice Serbskeje»), létnik LX. Budyšin, 1907, стр. 129.

¹⁹ Известно мне пока только из одного словаря: М. Байкоў — С. Некрашэвіч. *Беларуска-расійскі слоўнік*. Менск, 1925, стр. 170.

оценка, которых еще усложняется существованием параллельно с ними формы **xmara* (Sławski 71—72).

muš (м. р.), н.-луж., 'die Vogelmiere, куриная трава, *Stellaria media* L. A.; плющ, вероника, *Veronica hederifolia* L. (Мука I, 949), по сути дела тоже только нижнелужицкое. Этимология слова вполне ясна: судя по старой форме *muš*, известной еще Моллеру, оно происходит из **mušь* и несомненно связано с **mъхъ*, н.-луж. *mech*, русск. *мох* и др. (см. Мука, там же). Однако дело здесь не обходится одним растяжением вокализма, к тому же двухмерное удлинение гласного (*ǔ* → *u* → *ū*) требовало бы специальной мотивации в этом сугубо именном образовании. Во всяком случае, эти количественные отношения скорее восходят еще к дославянскому состоянию. Иными словами, мы имеем здесь соответствия, с одной стороны, праслав. диал. **mušь* (название растения) < **mūsio* — лит. *mūsaī, mūsōjai*, мн. ч., 'плесень', др.-в.-нем. *mios* 'мох', сюда же, возможно, нем. *Miere* 'куриная трава'²⁰ (синоним н.-луж. *muš!*) < прагерм. диал. **miuza-/miusa-* < и.-е. **meuso-*; с другой стороны, праслав. **mъхъ* < **muso-* — др.-в.-нем. *mos* 'мох', лат. *muscus* (то же).

parowaš, н.-луж., *Verbum iterativum zu napojš* 'напоить' (Мука I, 987) (для верхнелужицкого не отмечено Пфулем), в целом прозрачное образование с ясными этимологическими, точнее — чисто словообразовательными связями. Однако вокализм этой глагольной формы не укладывается в известные отношения **pi-ti* : **poj-iti*. Далее, обращает на себя внимание полное соответствие н.-луж. *parowaš* и укр. *напувати* 'то же', где *-ва-* < *-ова-*. Других таких же соответствий мы пока не можем назвать. Об архаическом, праславянском характере **parovati* говорят изолированные ареалы *parowaš*, *напувати* и формальные признаки иррегулярных отношений, как будто исключающие мысль об инновации. Это прежде всего оформление *-ова-* или скорее *-ва-*, позволяющее выделить корневую морфему **po-*, становящуюся в один ряд с и.-е. **po-* в других языках (ср. греч. *πότος* лит. *piota*, см. Pokorny I, Lief 9, 839—840) наряду с регулярным **pī-/peī-/poi-* в славянском. Иное объяснение *parowaš*, *напувати* — в частности синкопой **napoivati*? — было бы весьма затруднительно. Поэтому лучше говорить о праслав. диал. **parovati* в изложенном смысле. Неясно польск. *parawaš*, где *-а-* может отражать обычное западнославянское стяжение *-aja-/oja-*.

pakowěž, н.-луж., 'die Zaunwinde, Ackerwinde, die lange Stockwinde, *Convolvulus sepium*, повойник заборный, вьюнок заборный' (Мука II, 10), только нижнелужицкое, если не считать приводимого Пфулем (Pfuhl 1094) в.-луж. *pakowěž* 'то же',

²⁰ См. J. Grimm und W. Grimm. Deutsches Wörterbuch, Bd. VI. Leipzig, 1885, стлб. 2175.

которое он сам определяет как нижнелужицкий элемент. Здесь нас интересует не столько само сложение, которое сильно смахивает на кальку немецкого сложного *Zaun-winde* 'заборный по-войник, вьюн', сколько то вероятное праславянское слово, которое мы получаем косвенным путем, через реконструкцию чисто условного **pako-vežь*, а именно — **pakъ* 'кол, столб'. Остальные указания на то, что это праслав. диал. **pakъ* действительно существовало, мы получаем уже только извне, из сравнения с лат. *pāx*, род. п. *pācis* 'мир', *pālus* 'кол' < **pak-slos* и родственными (см. о последних Walde 551, Pokorný I, Lief. 9, 787, 788).

póras, н.-луж., 'приводить в движение, приглашать, побуждать' (Muka II, 37), сюда же возвратное *póras se* 'sich in Bewegung setzen, -sich regen (там же), в.-луж. *porác (so)* (то же) характеризуется как сугубо диалектное и нижнелужицкое по происхождению (Pfuhl 497: *Das Wort ist nicht edel*). Это опять-таки типично нижнелужицкое слово не имеет точных соответствий в других славянских, за исключением укр. *póрати* 'обрабатывать (землю), убирать (хлеб), ухаживать (за скотом)', *póратися* 'заниматься по хозяйству, стряпать; возиться, одеваться' (Гринч. III, 342); ср., впрочем, также польск. *porác (się)* в близких значениях. На это соответствие указал еще Мука (там же), правда, он ослаблял это точное сопоставление, относя сюда же на равных правах формы *-poriti, -pira*. Связь с ними, как и с существительным **pora* собственно говоря, несомненна, но она отнюдь не носит непосредственного характера. Форма **porati (se)* заслуживает особого выделения как свойственная, вероятно, еще отдельным диалектам праславянского. В частности, она формально и семантически точнее соответствует гот., др.-в.-нем. *faran* 'идти', чем праслав. **perti*, с которым обычно связывают эти германские слова (Преобр. II, 42—43, Vasmer II, 341).

pšiski, н.-луж., 'поспешный, суетливый; отвесный, крутой' (Muka II, 261), существует в языке как вариант слова *pšismy* 'то же'. Ни одна из этих форм не приводится для верхнелужицкого у Пфуля. Что касается второй из них, то она продолжает **pres(k)nъ*, широко известное в славянских языках, ср. ст.-сл. *прѣснѣ*, русск. *пресный*, польск. *przaśny*, чеш. *přesný* и др. (Miklosich 263, Преобр. II, 140—141, Machek 400, Vasmer II, 429—430). В этой связи особенно интересно н.-луж. *pšiski* как продолжение праслав. диал. **prěskъjь* < **prěsko-/*proisko-* (?), тогда как прочие славянские знают только производное **prěsk-no-*. Праслав. диал. **prěskъ-jь* близко соответствует зап.-герм. **friska-*, откуда нем. *frisch* 'свежий' (ср. Kluge 227).

pulaš, н.-луж. стар. (Якубица), *pulaši* (Мегизер) 'приводить в движение, гнать' (Muka II, 274) у Пфуля отсутствует. Соответствия этому слову в других славянских мне не известны, если не считать русск. диал. *пулять* 'бросать, кидать' (Даль III²,

538), которое может вызвать сомнения ввиду возможных связей с *пуля*, и словен. *peljati se* с иным вокализмом, приведенного Мукой (там же). Тем не менее н.-луж. *pulas* допустимо реконструировать как праслав. диал. **pul'ati*, итеративное образование на базе несохранившегося **pъl-* (**pûl-*) со сверхкратким гласным корня, для которого мы предполагаем родство с лит. *pûlti* 'падать, попадать, нападать' (прочие сближения см. Graepkel, Lief. 9, 666). Снятие количественного новообразования **pul'ati* (тоже достаточно раннего, праславянского диалектного) и реконструкция **pûltei* позволяет связать его корневую морфему, возможно, также с лат. *pellō* 'толкаю, гоню' (**pļļō?*).

rěso (ср. р.), н.-луж., 'die Horde, die Hürde, толпа, шайка' (Мука II, 304—305), приводится Пфулем в верхнелужицком только как заимствование из нижнелужицкого (Pfuhl 1107). Другие славянские языки как будто не знают этой формы. Совершенно очевидно, что славянские формы, восходящие к **lěsa* 'плетенка, решетка', не имеют сюда никакого отношения вопреки Муке (там же). На основе современного нижнелужицкого слова можно предположить праслав. диал. **rěso* с элементами значения, представленного сейчас. Праслав. **rěso* 'толпа', по-видимому, связано с прагерм. **reise-*/**reiza-*, **raisa-*, ср. др.-в.-нем. *reisa* 'отправление, выход', отглагольное, ср. прагерм. **reisan* 'подниматься', англ. *rise* 'то же', нем. *reisen* 'путешествовать' (о германских см. Kluge 609). Сказать уверенно, какой характер носила эта очевидно древняя связь, мы затрудняемся. Необязательно видеть здесь заимствование из германского в славянский только на том основании, что в германском широко распространено и имя и соответствующий глагол. В своей изолированности праслав. диал. **rěso* напоминает нам другие старые названия толпы, стаи, которые тоже утратили соответствующие исходные глаголы, о существовании которых мы узнаем более или менее косвенным путем: русск. *толпа*, праслав. **tъlpa* (ср. лит. *tîlpti* 'войти, поместиться'), праслав. **jata*:**jati* 'ехать, идти', обычно уступившее место вторично расширенным формам. Сходство праслав. **rěso* и **tъlpa*, **jata* состоит и в близости названных значений этих слов и в вероятном аналогичном образовании всех трех от глаголов движения. Основа **reis-*, исходная для праслав. диал. **rěso*, не могла сохраниться в таком виде, однако можно допустить, что она удержалась в расширенной детерминативами форме, например в **riskati* (ср. о последнем Kluge, там же).

šcerizŋa, н.-луж., собир. 'die Läuse, вши' (Мука II, 387), которому у Пфуля не находим верхнелужицких соответствий, нужно признать недостаточно ясным. Целесообразно пока ограничиться допущением, что это слово отражает праслав. диал. **sterizŋь* с суффиксом *-izŋь* и с неопределенными этимологическими связями корня.

ščęgor, н.-луж., 'der Mastbaum, мачта' (Muka II, 388), выступает наряду с общепринятым н.-луж. *šcažor*. По следнее — с праславянской формой **stežerъ*, **stožerъ* — засвидетельствовано и в других славянских. Праслав. диал. **stęgorъ* реконструируется на основе одного н.-луж. *ščęgor*. Эта диалектная праславянская форма может быть непосредственно соотносена с лит. *stāgaras*, *stęgerys* 'сухой стебель, ствол'.

šnelo, (ср. р.), н.-луж., 'die Node, яичко' (Muka II, 474), сюда же в.-луж. *šnjelki* 'картофельные клубни' (Pfuhl 1118). Неясно. Праслав. диал. **snelo* < **sn-e-lo*, ср. герм. **hn-u-t*, нем. *Nuss* 'орех', лат. *nux* 'то же' (**kn-u-d*) или нем. *Knollen* 'клубень, ком', ср.-в.-нем. *knolle*, англосакс. *cnoll* 'холм'?

srokopel, н.-луж. диал., 'der Neuntöter, сорокопут' (Muka II, 510), в.-луж. *srokopjel* 'то же' (Pfuhl 673). Это название птицы восходит, по-видимому, к сложению с основой, рассмотренной выше, на *pulaš*. Праславянская диалектная форма наряду с более широко известным **sorkopodъ*.

špęnc, н.-луж., 'заноза, ость, колючка, жало (в особенности жало пчелы, осы); стрела; росток различных семенных плодов, например картофеля в погребе' (Muka II, 663), в.-луж. *špjęnc* ' жало, заноза' — из н.-луж., как отмечает сам Пфуль (Pfuhl 725). Едва ли прав Мука, стремясь объяснить все разнообразие нижнелужицких значений заимствованием из нем. *Spahn* 'щепка'. Можно согласиться, что такая-то часть форм подверглась влиянию немецкого слова, например в.-луж. *špјena* 'лучина, Schleiss, Spahn (zum Leuchten)' (Pfuhl, там же). В остальном, зная о регулярном *-sp- > -šp-* в лужицком, н.-луж. *špęnc* можно объяснить из **spęньсь*, **spъньсь* (?). Едва ли также сюда относятся *špica*, *spica*, русск. *спица*, вопреки более ранней этимологии Муки (Mucke, L.- und Form. 186). Единственная близкая славянская форма, которую мы можем привести, это укр. диал. (гуцульск.) *спінь* (м. р.) 'острый конец веретена' (см., вслед за Шухевичем, Гринч. IV, 178). В порядке гипотезы укажем внеславянскую родственную форму этого праславянского диалектного **spънь*, **spінь* в лат. *spīna* 'игла, пип', *spīnus* 'терн, терновник'.

waka, н.-луж. 'der (kriechende) Käfer, Wurm, жук, червь; переносный накожный сап (у скота)' (Muka II, 832), в.-луж. *waka* 'Wurm, Käfer; Bandwurm' (Pfuhl 769). Это, по всей видимости, старое слово, для которого мы условно восстановим праславянскую форму **waka*, в высшей степени интересно и заслуживает специального изучения. Однако, к сожалению, материал для суждений о его этимологии пока что отсутствует, точно так же как и близкие формы в других славянских языках. Разумеется, не может быть речи о сравнении слов *waka*, *waska*, в.-луж. *waka*, *waška* с польск. *waška* 'owad nadwodny', поздней книжной калькой лат. *libellula*. Для дальнейших поисков предоставит интерес указание, что название *waka* носят именно

жесткокрылые насекомые, жуки, но никак не черви; в заблуждение вводит нем. *Wurm*; ср. *Kornwurm* = в.-луж. *žitna waška*. (Подробное описание всех жуков с названием *waka* см. в специальной работе: Michał Postok. Bruki — ČMS, létnik XXV. Budyšin, 1872).

wótery, н.-луж., также стар. и диал. *wótary*, *wótory* 'mancher, иной, кое-какой' (Мука II, 939, 942, 950), только нижнелужицкое слово, неизвестное верхнелужицкому языку, Мука (II, 942) неправильно понял как **vřtorъ*, 'второй'. Скорее прав Вайян, который видит здесь соответствие ст.-сл. **ктерь** 'некий', ср. далее др.-инд. *yatarah*, авест. *yatārō* 'который из двух'²¹. Таким образом, праслав. диал. **jeterъ* восстанавливается из старославянского и нижнелужицкого слов.

wowa, н.-луж., стар., 'die Grossmutter, бабушка' (Мука II, 964), в.-луж. *wowka* 'Grossmutter' (Pfuhl 881). Как правильно поняли уже оба названных лужицких ученых, данное слово восходит к праслав. диал. **ova*, не известному более нигде на славянской территории, с собственным внеславянским соответствием в лат. *ava* 'бабка'.

Таким образом, результат данной работы можно прежде всего видеть в установлении на материале лужицких языков следующих узких праславянских диалектизмов и регионализмов: **bagy*, (**bagъ*), **bъdno*, **blurati*, **drasta*, **gnybati*, **gręba*, **gruda* (**grudъ*) **grudъnъjъ*, **jaduřъ*, **jaskъ*, **(j)asnъjъ*, **jurъ/jurica* **kasty* (ж. р.), **krida*, **krudъ*, **milъ*, **muriti*, *myřъ* (м. р.) — название растения, **napovati*, **pakъ* (существ., м. р.), **parati* (*se*), **prěskъjъ*, **pul'ati*, *rěso*, **steriznъ*, **stegorъ*, **snelo*, **sor-korъlъ*, **spinъ*, **vaka*, **jeterъ*, **ova* — всего 30 слов, не считая совершенно сомнительных случаев и словообразовательных вариантов. Это дает право надеяться, что завершение работы над праславянским словником для нижнелужицкого и проведение аналогичной систематической работы с верхнелужицким материалом принесет новую жатву. Приведенный выше перечень праславянских диалектных лексем, вероятно, не исчерпывает всех случаев такого рода, которые еще поддаются выявлению. В итоге мы получим, наверное, вполне внушительный список в несколько десятков слов праславянских лексических диалектизмов (преимущественно) сербо-лужицкого, присутствие которых будет ощутимо даже в полном праславянском словнике этой группы славянских языков (может быть, до 5 тыс. слов). Само собой разумеется, в этом случае более выгодным оказалось бы сравнение с экономным списком праславянских элементов по методу Лер-Славинского. Однако дело не в этом, важно обратить внимание на то, что уже выяв-

²¹ A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. II, Deuxième partie. Lyon — Paris, 1958, стр. 489.

ленные слова обозначают разные важные понятия, предметы и действия, располагают значительным весом в современном живом языке, отнюдь не периферийны. Если, как мы уже предположили выше, они отражают древние отношения, во многом нарушенные вторичной нивелировкой и конвергенцией, то устойчивость этих сохранившихся элементов поистине замечательна.

Этимологизация выявила подчас сложный характер праславянско-индоевропейских соответствий на рассматриваемом здесь лужицком материале. Но при смешанном, естественно, характере соответствий большинства слов есть несколько очень четких лексико-этимологических параллелей «лужицко»-балтийских (см. н.-луж. *bluraś, gruda, śćęgor*), «лужицко»-германских (см. н.-луж. *bagi, kśud, póraś, rěso*), «лужицко»-италийских (см. н.-луж. *pako-wěž, špeńc, wowa*).

В высшей степени интересно складывается на нашем материале картина нижнелужицко-верхнелужицких отношений, а именно: на девять случаев, когда праславянский лексический диалектизм известен и нижнелужицкому и верхнелужицкому (*drastwa/drasta, grěba/hrjaba, zrudny, kśida/křida, kśud/křud, mil, srokopeł/srokopjel, waka wowa/wowka*) приходится двадцать один случай, когда верхнелужицкий не участвует в праславянском диалектизме и слово известно только в нижнелужицком (таковы *bagi, beno, bluraś, gnybaś, jaduś, jašk, jěsny, jurica, kastwej, muris, muś, napowaś, pako-wěž, póraś, pśiski, pulaś, rěso, ścerizna, śćęgor, špeńc, wótary*). Мы склонны видеть в этом нечто большее, нежели простую случайность.

Иными словами, именно на древних элементах лужицкой лексики, которые связаны подчас надежными соответствиями в отдельных диалектах славянского и других индоевропейских, явственно рисуется столь глубокая граница, отделяющая нижнелужицкий от верхнелужицкого. Древние диалектные связи и рубежи в лексике, выявляемые этимологически, очевидно, вполне годятся как объективное средство при изучении истории языковых отношений, многократно перекрытых и сглаженных позднейшими напластованиями. На совершенно ином материале мы приходим к концепции Штибера о так называемом «пралужицком» языке: «Język prałużycki» nigdy nie istniał»²².

²² Z. Stieber. Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich («Biblioteka Ludu Słowiańskiego», Dział A, Nr. 1). Kraków, 1934, стр. 93. В другой работе (Zarys dialektologii języków zachodniosłowiańskich. Warszawa, 1956, стр. 47) З. Штибер также говорит о значительных различиях между двумя лужицкими языками в словаре, приводя, однако, как кажется, факты неодинаковой древности: в.-луж. *třěcha* — н.-луж. *kšywo, kšyšo*, в.-луж. *khěža* — н.-луж. *wjaža*, в.-луж. *huno* — н.-луж. *tła*, в.-луж. *kostrianc* — н.-луж. *módrak*, в.-луж. *krahoc* — н.-луж. *jaščerb*, в.-луж. *wotka* — н.-луж. *kózyca*, в.-луж. *pěc* (ж. р.) — н.-луж. *pjac* (м. р.), в.-луж. *kowař* — н.-луж. *kowal*, в.-луж. *porst* — н.-луж. *palec*,

65663

RU